
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1980



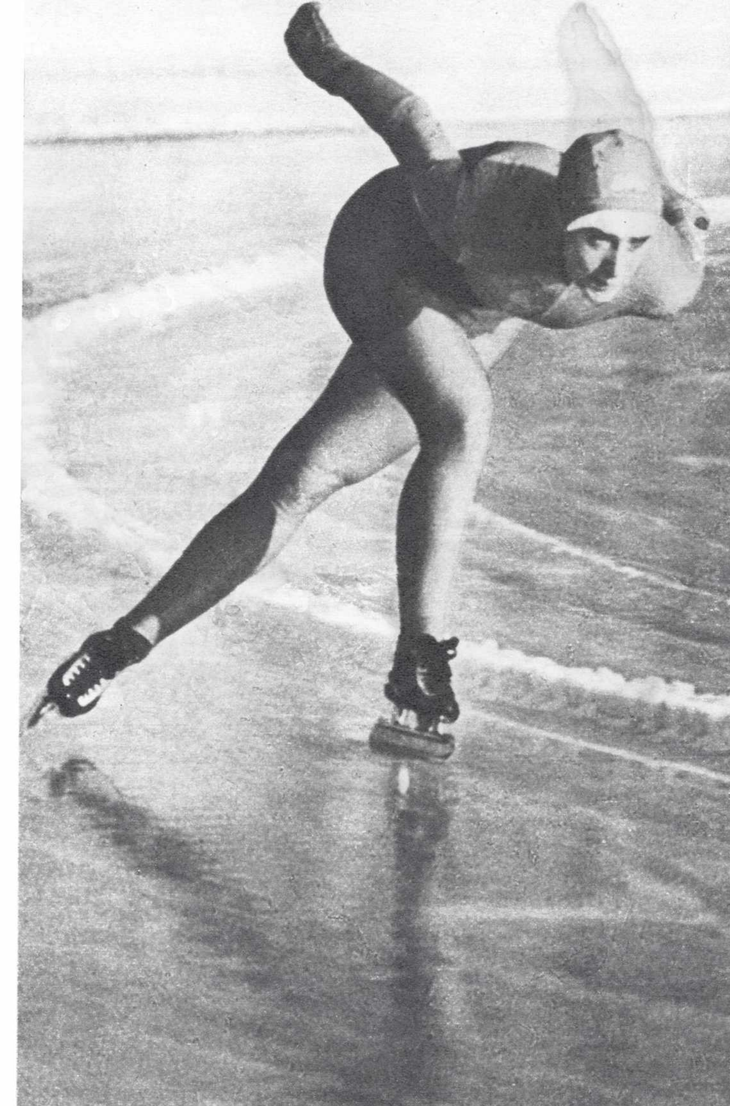
1.

ПОД ФЛАГАМИ БЕ

2.



3.



4.



5.

ЛОЙ ОЛИМПИАДЫ

См. стр. 31.

6.

1. Лейк-Плэсид. Торжественное открытие XIII зимней Олимпиады.

2. На Олимпийском стадионе советская делегация. Знамя несет неоднократный чемпион мира, участник четырех Олимпиад биатлонист Александр Тихонов.

3. Анатолий Алябьев — победитель по биатлону на 20 километров.

4. В беге на 1000 метров победила Наталья Петрусева.

5. Раиса Сметанина на дистанции 5 километров.

6. Ирина Роднина и Александр Зайцев.

24 ФЕВРАЛЯ—ВСЕ НА ВЫБОРЫ!



Алла Уварова — одна из лучших работниц завода.

В заводском микрорайоне.

Фото И. ГАВРИЛОВА



ОБРАЗ ЖИЗНИ—СОВЕТСКИЙ!

Б. СОПЕЛЬНЯК

Первый кинескоп для цветных телевизоров был сделан на «Хроматроне» всего одиннадцать лет назад. Так что это предприятие, расположенное на пересечении Щелковского шоссе и Московской кольцевой автомобильной дороги, можно сказать, еще в юном возрасте. «Хроматрон» — детище научно-технической революции, причем в самом прямом смысле слова. Ведь пятнадцать — двадцать лет назад никому, кроме специалистов-ученых, не могла в голову прийти мысль о массовом производстве цветных телевизоров. Теперь это норма жизни, и желающих приобрести цветной телевизор больше, чем их выпускает промышленность. Кинескоп для телевизора, если так можно выразиться, и глаз и сердце, поэтому на «Хроматроне» делают все возможное, чтобы эти «органы» были как можно лучше и, само собой, за ворота их выходило как можно больше. Судите сами: проектная мощность уже перекрыта на пятьдесят процентов, а пятилетний план завод выполнит к 22 апреля — 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

За эти годы я не раз бывал на «Хроматроне» и видел, как предприятие набирает силу, как вводятся все новые и новые мощности, как улучшается качество кинескопов. И вот что интересно: я замечал, но считал само собой разумеющимися те социальные изменения, которые происходят в коллективе. А теперь посмотрел на «Хроматрон» именно с этой стороны — и был поражен: так много интересного сделано на заводе. Вот несколько фактов. Двенадцать из тринадцати цехов и других подразделений имеют звание «Коллектив высокой культуры производства» или «Образцовый». Две трети тружеников завода — ударники коммунистического труда. Тридцать шесть бригад, участков и один цех тоже носят это высокое звание. Четверо хроматроновцев избрано в районные Советы народных депутатов и один — в Моссовет.

Роль общественных организаций на заводе очень велика. Вот, скажем, советы бригад. Было время, когда в цехе сборки кинескопов и дисциплина, как говорится, оставляла желать лучшего, и прогулы случались, и бракованной продукции шло немало.

— Как мы ни старались навести порядок, ничего не получалось,— рассказывает начальник цеха С. Я. Стеркин.— Лишали прогульщиков премии, заставляли работать в третью смену, переводили на низкооплачиваемую работу, переносили отпуска на зимнее время — и все почти вхолостую. Больше того, случалось так, что на такие меры обижались не только сами нарушители, но и товарищи по работе: ведь взыскание, полученное, скажем, бракоделом, било и по всей бригаде — она лишалась призового места в соревновании. Теперь этими вопросами я почти не занимаюсь. Порядок навели советы бригад. Если раньше, как я уже говорил, случались жалобы, когда администрация накладывала те или иные взыскания, то теперь об этом нет и речи. Бывает и так: мы даем кому-нибудь премию, а совет бригады заявляет, что этот рабочий премии не достоин — прогулял или опоздал на работу. Я могу об этом факте и не знать, да и мастер иной раз проглядит, а товарищи по бригаде все видят и все знают. Совет бригады настолько авторитетная общественная организация, что в случае необходимости может ходатайствовать о снятии с должности даже бригадира. Такие случаи были, и мы без колебаний поддерживали просьбу совета бригады.

Очень эффективно работают на «Хроматроне» и народные контролеры. Чаще всего они действуют бок о бок с членами «Комсомольского прожектора». Посты народного контроля и комсомольские посты качества есть в каждом цехе и на каждом участке. Взять хотя бы такой «пустяк». На сборке кинескопов положено работать в хлопчатобумажных перчатках. Порой этим правилом пренебрегают. Комсомольцы и народные контролеры провели рейд, оповестили о результатах дирекцию, партком и профком — теперь без перчаток просто не допускают к работе, так как это нарушение вакуумной гигиены: рука без перчатки — возможен брак.

«Хроматрону», как я уже говорил, одиннадцать лет. Столько же существует и общественный отдел кадров. Входит в него девять самых уважаемых и, я бы сказал, самых душевных рабочих и служащих завода. Их знают все. Знают и то, где и когда можно найти: каждую пятницу под председательством старшего мастера Р. Г. Яковлевой общественный отдел кадров собирается в завкоме. Если подсчитать, сколько народу уходило с заседаний общественного отдела кадров, в клочья порвав написанное под горячую руку заявление об уходе, то наберется не одна полноценная бригада.

Говорят, что театр начинается с вешалки. Думаю, что хороший завод — тоже. Тот, кто хоть раз проезжал или проходил мимо «Хроматрона», не мог не заметить, как оригинально, «под цветной телевизор», оформлен его фасад. Когда входишь в вестибюль, поражаешься еще больше. Прежде всего замечаешь просторный, светлый гардероб. Никто не может проскочить через проходную в пальто или плаще: верхнюю одежду обязательно сдают в гардероб. Здесь же, в вестибюле, газетный киоск, аптека, химчистка, магазин бытовой химии, пункт приема мастерской по ремонту обуви, парикмахерская, а в столовой — отдел полуфабрикатов. Причем все налажено так, что, идя на работу, можешь сдать рецепт или стоптанные башмаки, а уходя после смены, получишь лекарство, отремонтированную обувь или продовольственный заказ. Надо ли говорить, как это удобно, особенно для женщин!

Или такая деталь. Все хроматроновцы ходят в красивых халатах. По их цвету легко определить, кто где работает: итээровцы — в бежевых, монтажницы — в белых, рабочие других цехов — в зеленых халатах. Казалось бы, чего проще, но и об этом надо было подумать.

— А как же! — говорит секретарь парткома Р. В. Скалкин.— Мы считаем, что образцовое предприятие начинается с образцового рабочего места и образцового внешнего вида. А костюм, как известно, обязывает! На образцовом предприятии технико-экономические показатели должны превышать среднеотраслевой уровень. Это нам удается. Уровень автоматизации и механизации на «Хроматроне» очень высок: у нас практически исключены ручные операции — даже перестановку кинескопов с места на место выполняют специально сконструированные роботы. Наша задача — добиться того, чтобы каждый участок, цех, весь завод имели вид производственных лабораторий. Это будет, причем в самом скором времени. В конце прошлого года мы приступили к строительству промышленно-жилого комплекса. Завод станет в два раза больше. Но, кроме этого, возве-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2746)

23 ФЕВРАЛЯ 1980

дем четыре высотных жилых дома, Дворец культуры, стадион, плавательный бассейн, детские сады, школу, кафе, подземные гаражи, различные магазины и многое другое.

А рядом с новыми цехами появится климатрон. Наше предприятие работает круглосуточно, операции довольно монотонные, поэтому просто необходимы кабинеты нервно-психологической разгрузки, функциональной музыки и т. п.

Треть наших рабочих трудится по непрерывному графику, то есть в дневную, вечернюю и ночную смены. Все они получают бесплатные горячие обеды. Словом, нам есть чем гордиться. А какие у нас наставники, спортсмены, самодеятельные артисты, какие прекрасные пионерлагеря, санатории и дома отдыха!

И все же предметом особой гордости на заводе считается работа в подшефном микрорайоне. Около двадцати тысяч жителей в этом микрорайоне, третья часть из них — юноши и девушки, которые живут в девяти общежитиях. Большинство этих парней и девчат работают, кстати, вовсе не на «Хроматроне». Как занять молодежь, чем заполнить досуг?.. Хроматроновцы не жалеют на это ни сил, ни средств. Шестнадцать кружков организовано при жэке и в общежитиях. А лекции, встречи, беседы! Народные артисты, ученые, передовые рабочие, руководители района, космонавты — кто только не приезжает на эти встречи. Кстати, не потому ли здесь и приводы в милицию — редкость...

Очень интересно и плодотворно работают хроматроновцы и в подшефной школе № 370. Для начала они по последнему слову техники оборудовали столярный и слесарный классы, а также кабинет кройки и шитья. В каждом пионерском отряде — вожатый с «Хроматрона». Тридцать восемь кружков и секций организовано в школе, большинством руководят, естественно, шефы.

Производственную практику старшеклассники проходят, конечно же, на «Хроматроне». Здесь у них большой выбор: ребята могут остановиться на одной из шестнадцати профессий. Очень важно и то, что к каждому школьнику прикрепляется опытный наставник, задача которого не только обучить профессии, но и постараться привить к ней такую любовь, чтобы юноша или девушка пришли работать на завод.

Если же на «Хроматрон» поступают ребята, не имеющие среднего образования, им прямо говорят, что принимают на завод при условии, что они будут учиться в школе рабочей молодежи, благо она расположена в одном из заводских корпусов.

Есть на «Хроматроне» и свой техникум, вернее, это филиал приборостроительного техникума — там учится 78 человек. А пятьдесят хроматроновцев — студенты вечерних и заочных отделений различных московских вузов.

Да, «Хроматрону», безусловно, есть чем гордиться! Но вот что самое главное: все трудовые и нравственные достижения стали возможны только потому, что на заводе царит дух подлинного товарищества и коллективизма, которые являются одними из важнейших черт советского образа жизни.

«ТРУД НЕОБХОДИМЫЙ И ОСМЫСЛЕННЫЙ...»

В Москве много заводов и фабрик со славными революционными традициями. Их история кровно связана с историей страны. Но даже среди них Московский ордена Трудового Красного Знамени вагоноремонтный завод имени Войтовича занимает особое место. В этом убеждаешься, побывав в музее революционной, боевой и трудовой славы завода, в нескольких небольших комнатах, где тесно стендам и экспонатам. Еще бы! Ведь главные вагонные мастерские Московско-Курской железной дороги — так раньше назывался завод — были открыты в 1868 году, то есть сто двенадцать лет назад!

Сейчас завод — одно из передовых предприятий столицы. Он занесен во многие книги почета. Вагоны, отремонтированные здесь, можно встретить на всех железных дорогах страны и на международных линиях. Эти вагоны будут обслуживать и гостей Олимпиады-80. Производство не останавливается, несмотря на то, что полным ходом идет реконструкция, буквально на глазах растут новые, современные цеха.

В обеденный перерыв, в свободное от смены время в музей приходят рабочие. Молодые, чтобы познакомиться с историей завода, старые, чтобы еще раз вспомнить то, что было.

А история у завода богатая.

В 1881 году после неудавшегося покушения на жизнь царя сюда пришел Степан Халтурин. Он организовал в мастерских «рабочий кружок», и речь на тайных собраниях кружка шла о необходимости борьбы с самодержавием.

В апреле 1894 года здесь начинает действовать социал-демократическая организация московского «Рабочего союза». Ее работу возглавляют А. И. Ульянова и ее муж М. Т. Елизаров, служащий в то время конторщиком службы тяги управления Московско-Курской железной дороги.

Среди документов, которые Н. Бауман привез с собой на Второй съезд РСДРП в Лондон, был и отчет об активной деятельности партийной ячейки мастерских.

Экспозиция музея говорит сама за себя. Но все же живое, заинтересованное слово специалиста делает ее объемнее, помогает связать факты воедино. Из штрихов рождается панорама. И тем дороже это заинтересованное слово, что «директор музея на общественных началах» — так сам себя называет Герман Николаевич Колпашников — фактически является и его создателем.

— Пришел на завод в двадцать шестом, — рассказывает Герман Николаевич, — выучился в ФЗУ на столяра. Вагоны-то тогда были с деревянными кузовами. В тридцатом бригадиром стал. Атмосфера тогда на заводе особенная была. Первая пятилетка! Оборванные ходили, но работали как черти! И собирались часто в клубе — старые рабочие, молодые. О жизни говорили, о революции. Тогда на заводе участников всех трех революций можно было встретить. Сколько интересного рассказывали! Тогда ребята из бригады мне и сказали: «Ты, Герман, парень настырный, а тут, можно сказать, живая история ходит. Собирай, записывай, глядишь, музей потом будет!» Я, конечно, тогда ничего не стал записывать, да и некогда было. Но слова ребят запомнил...

В 1905 году рабочие мастерских сражались на баррикадах Рогожской заставы (ныне заставы Ильича) и Старообрядческой улицы (ныне улицы Войтовича).

В ноябре 1917-го при штурме Кремля, где засели юнкера, был смертельно ранен командир боевого десятка кузнец Василий Войтович. Он похоронен в братской могиле на Красной площади.

В начале июля 1918 года рабочие участвовали в подавлении левоэсеровского мятежа.

19 июля 1918 года на митинге в мастерских выступал Владимир Ильич Ленин.

— Сразу после войны вернулся на завод, — продолжает Герман Николаевич Колпашников, — работал заместителем начальника вагоносборочного цеха, попросил разрешения по совместительству заняться изучением и систематизацией истории завода. Вскоре получил доступ во многие архивы. Работал после смены, в выходные. Пятнадцать лет на это ушло. А в 1967-м наконец был открыт наш музей!

В 1931 году заводскому рационализатору С. В. Сидорову был вручен первый на железнодорожном транспорте орден Ленина.

В 1934 году заводской техник А. Ф. Пухов изобретает автосцепку. Благодаря этому изобретению в железнодорожном транспорте происходит техническая революция.

В августе 1941-го бывший слесарь завода, ныне Герой Советского Союза Андрей Яковлевич Ефремов бомбит столицу гитлеровской Германии Берлин.

И это только некоторые факты истории завода!

— А одно из самых по-человечески дорогих событий для нас произошло в 1920 году, — продолжает Колпашников, — и связано оно с выборами в Советы. В том году от нашего завода депутатом Моссовета был избран Климент Аркадьевич Тимирязев. Ему вручили депутатский билет номер триста тридцать. Ученый тогда был уже серьезно болен. Прислал рабочим в ответ письмо. Копия хранится у нас в музее. Там были такие слова: «После изумительных, самоотверженных успехов наших товарищей в рядах Красной Армии, спасших стоящую на краю гибели нашу Советскую республику и вынудивших тем удивление и уважение наших врагов, — очередь за Красной Армией труда. Все мы — стар и млад, труженики мышц и труженики мысли — должны сомкнуться в эту общую армию труда, чтобы добиться дальнейших плодов этих побед. Война с внешними врагами, война с саботажем внутренним, самая свобода — все это только средства, цель — процветание и счастье народа, а они создаются только производственным трудом... Нет в эту минуту труда мелкого, неважного, а и подавно нет труда постыдного. Есть один труд — необходимый и осмысленный...»

Наш ветеран Дмитрий Петрович Циклин, — продолжает Колпашников, — ему сейчас девяносто четыре года, вспоминает, что когда рабочие узнали, что ученый тяжело болен, плохо питается, что у него дома холодно, то немедленно установили шефство — послали продовольственную посылку и возок дров...

Недавно наш слесарь Геннадий Розов сказал: «Как хорошо у Тимирязева написано! Труд — необходимый и осмысленный... Цель — процветание и счастье народа... Быть депутатом — тоже труд. И тоже необходимый и осмысленный. Люди на выборы идут и об этой конечной цели помнят. Значит, рабочему депутату надо еще осмысленнее на обоих участках трудиться, чтобы быть этой конечной цели достойным».

Ю. КОЗЛОВ

Д. П. Циклин: «И мы послали Тимирязеву продовольствие и возок дров...» Слева: слесарь завода имени Войтовича Г. Розов.

Фото А. Козьмина



Кабул. Домостроительный комбинат. Один из рабочих комбината.

АФГАНИСТАН В БОРЬ

Юрий КОРНИЛОВ
Фото Г. НАДЕЖДИНА (ТАСС)

Революция привнесла в древний облик Кабула новые черты. В центре столицы, на площади перед бывшим королевским дворцом, переименованным народной властью во Дворец народа, высится монумент революции — танк, навечно застывший на высоком белокаменном постаменте.

Около двух лет назад, 27 апреля 1978 года, этот танк первым ринулся на штурм дворца — оплота тиранической династии Надиров; ныне, поднятый на мраморный пьедестал, он стал памятником павшим, символом их революционного мужества. Разные люди приходят к этому памятнику — рабочие в серых спецовках, ремесленники, торговцы, школьники, молчаливые женщины в чадрах,— и каждый кладет на белый мрамор букетик цветов. Это не только дань памяти героям, погибшим за народное дело. Это и демонстрация верности идеалам революции...

ТОВАРИЩ КАРМАЛЬ

Пульс жизни сегодняшнего Кабула, да и Афганистана в целом, особенно отчетливо ощущается во Дворце народов, где находится резиденция правительства ДРА. В одном из центральных зданий дворцового комплекса, в просторном, просто обставленном кабинете навстречу нам поднялся из-за письменного стола невысокий темноволосый человек с внимательным взглядом карих глаз. Это Бабрак Кар-


Уголок Кабула. Старое и новое рядом...


Кабул. Горный департамент. Здесь советские и афганские специалисты совместно разрабатывают проект по освоению медных рудников в Айнаке.



маль, избранный 28 декабря 1979 года Генеральным секретарем ЦК НДПА, Председателем Революционного совета и назначенный премьер-министром Афганистана.

— С тех пор, как наша революция вступила в новый этап, не прошло и двух месяцев — срок совсем небольшой,— говорит он, начиная нашу беседу.— Но и за этот срок сделано многое, очень многое. Сегодня отчетливо выявились главные, стержневые особенности нынешнего этапа революции...

Бабраку Кармалю немногим более пятидесяти. За его плечами большой и нелегкий жизненный путь: партийная работа в подполье, агитационно-пропагандистская работа в армии, аресты, годы тюрьмы. Еще в 1965 году на проходившем нелегально первом учредительном съезде НДПА он был избран членом ЦК партии, а позднее — членом Политбюро и секретарем ЦК. В 1964—1973 годах Б. Кармаль был членом афганского парламента, и многие старые члены партии и сейчас вспоминают о его ярких и смелых речах, в которых он призывал к ломке отживших антинародных порядков. Впрочем, ничего от «штатного» парламентского оратора нет в этом человеке — он говорит спокойно, не спеша, скупо подкрепляя свою мысль жестами, стараясь сделать каждый тезис понятным собеседнику, подтвердить его примерами, фактами.

— Каковы же эти особенности? — продолжает Б. Кармаль.— Это прежде всего небывалое укрепление единства народа, консолидация и повышение роли партии, отметившей в начале нынешнего года свое пятнадцатилетие. Ныне революция вступила в период, когда впервые в истории страны возникла и уже претворяется в жизнь возможность создания широкого национального фронта всего народа.

Исключительно важное значение имеет тот факт, что в республике восстановлены подлинно революционный порядок и законность, обеспечены свобода слова и вероисповедания на основе уважения ислама.

Декрет о всеобщей амнистии открыл двери тюрем, и тысячи людей, среди которых немало членов НДПА, подлинных патриотов страны, обрели свободу...

Разумеется, строительство новой жизни в стране, недавно вырвавшейся из цепей империалистической и колониальной кабалы, в стране, которая меньше двух лет назад разорвала путы феодализма и девять десятых населения которой не владеют грамотой,— дело исключительно сложное, требующее тщательно обдуманных, научно обоснованных, взвешенных мер, трудной, подчас болезненной ломки отживших порядков. Но бесспорно главное: афганский народ решительно на стороне революции, и успехи Афганистана в строительстве новой жизни были бы, несомненно, куда более значительными, если бы на пути революции не встали враждебные внешние силы, если бы враги молодой республики не развязали против нее «необъявленную войну».

ЗА СПИНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

У него квадратное лицо, сутулые плечи; когда он садится на стул, руки почти достигают пола. Он сидит неподвижно — этакая гора мышц, затянутых в узкий старый халат,— и кажется спокойным, даже равнодушным, только иногда под темной челкой, закрывающей лоб, вдруг остро блеснет ненавидящий пристальный взгляд. Я спрашиваю, что толкнуло его на преступление? К какой политической группе или партии он принадлежит?

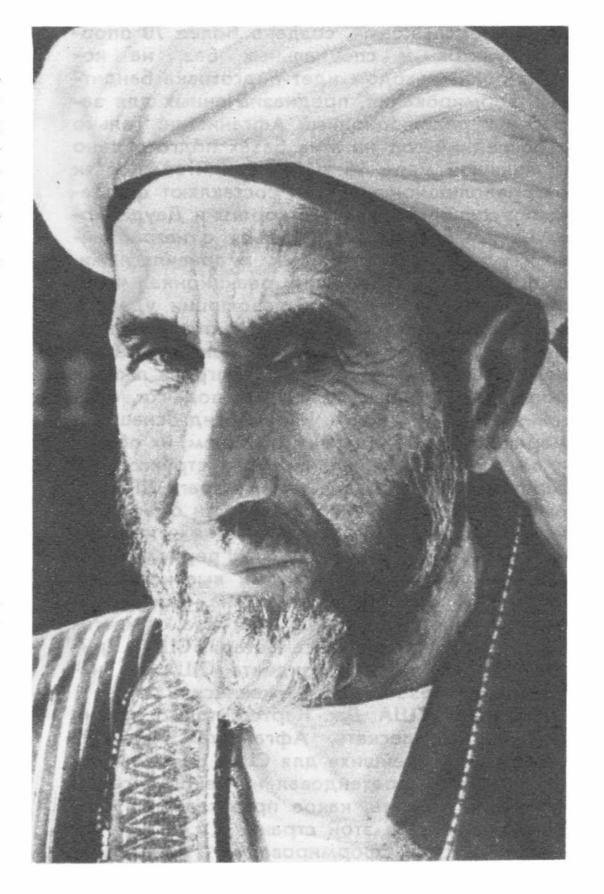
— Я маоист,— хрипит он в ответ.

Гулям Сахи, следователь афганской службы безопасности (ХАД), протягивает мне материалы следственного дела: факты, документы, показания многочисленных свидетелей неопровержимо доказывают, что Мохаммед Реза, 24 лет, выходец из зажиточной семьи, владевшей до революции крупными земельными угодьями близ Кабула, уже длительное время связан с подпольной контрреволюционной маоистской группировкой «шолее джавид», которая ставит задачей ожесточенную борьбу против любых преобразований, выдвинутых апрельской революцией, свержение народного строя в ДРА. С этой целью «шолее джавид» применяет различные методы: тут и клеветническая контрреволюционная пропаганда, и саботаж, и, главное, вооруженный террор против патриотов. Среди других документов в деле подшит и изъятый при аресте преступников список намеченных ими жертв. В нем 22 фамилии: партийные работники и активисты НДПА, офицеры народной армии, учителя, врачи, активисты по борьбе с неграмотностью...

Сухие строки следственного протокола в деталях восстанавливают картину убийств, совершенных Реза и его подручными в Кабуле. Вечером, под покровом темноты, пятеро террористов подъехали на машине к дому, где жил ответственный сотрудник Министерства планирования Али. Ничего не подозревавшая жена Али широко открыла ворота. Реза и еще трое ворвались в дом и в упор расстреляли нескольких человек, сидевших за чайным столом. В соседнем квартале подобным же способом был убит майор афганской народной армии Наим. Десятки жителей этих кварталов пришли в органы безопасности и народной милиции, чтобы помочь разыскать и обезвредить преступников: одни запомнили марку машины, на которой разъезжали террористы, другие описали внешность бандитов, их одежду...

— В ходе следствия по делу Реза еще раз подтвердилось, что террористы из «шолее джавид» действуют не изолированно, а тесно связаны с контрреволюционными антиафганскими центрами, окопавшимися за пределами страны,— рассказывает Гулям Сахи.— Террористические гнезда, на которые возложена задача расправляться с патриотами, сеять панику среди населения, создавать атмосферу нервозности, страха, рассматриваются внешними врагами ДРА как их опора внутри страны. Главная же ставка в борьбе против революции делалась и делается на другое — на грубое вооруженное вмешательство в дела нашей страны извне, которое иначе, как интервенцией, не назовешь. Основной базой для подготовки такой интервенции избраны северные районы Пакистана...

И это действительно так. Известно, что в настоящее время на территории Пакистана, прежде всего в городах Пешаваре, Читрале, Аттоке, Мирамшахе и прилегающих к ним районах, усилиями империалистических кругов США, действующих заодно с пекин-



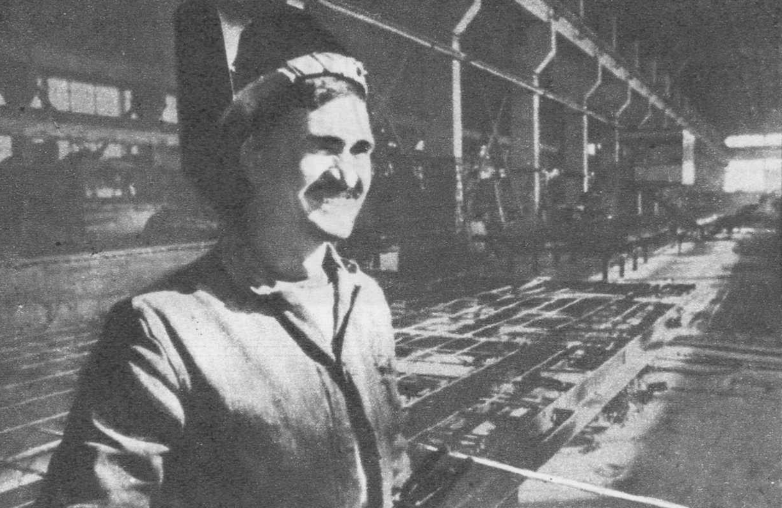
«Президент Картер на протяжении многих лет поддерживал в Иране кровавый режим шаха, на чьей совести жизни тысяч и тысяч мусульман, он вооружает агрессивный израильский сионизм, он создает «корпус быстрого реагирования», чтобы угрожать независимым мусульманским странам Ближнего Востока,— говорит мулла Гари Абдул Зафур, настоятель одной из крупных афганских мечетей «Рузее» в городе Мазари-шариф.— А ныне тот же Картер изображает себя этаким защитником ислама. Какое кощунство!»

БЕ ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ



Строительство нового узла связи в Кабуле.





Арматурщик кабульского домостроительного комбината, построенного при экономическом содействии СССР.



Это все, что осталось от новой школы в провинции Газни после налета засланных извне бандитов на поселок.

скими спецслужбами, создано более 70 опорных пунктов и специальных баз, на которых полным ходом идет подготовка бандитских формирований, предназначенных для заброски в революционный Афганистан. Только за последний год на этих базах подготовлено по меньшей мере 15 тысяч бандитов. Костяк контрреволюционных банд составляют феодалы, приспешники бывшего короля и Дауда, которым пришлось распроститься с награбленными у народа богатствами и привилегиями, компрадорская буржуазия, реакционная часть племенных вождей. Контрреволюции удалось собрать под свои знамена и некоторую часть простых афганцев — не последнюю роль в вовлечении этих людей в банды сыграла лживая пропаганда, щедрые денежные подачки, обещания отсрочить долги. Члены банд оснащены американским и китайским оружием, их обучали американские и пекинские инструкторы и «советники». В последнее время враги ДРА открыто заговорили о необходимости объединения банд, засылаемых в Афганистан,— и, видимо, не случайно именно в этот период в Исламабад зачастили с визитами высокопоставленные эмиссары США и Пекина — китайский министр иностранных дел Хуан Хуа, заместитель государственного секретаря США Кристофер, помощник президента США по национальной безопасности Бжезинский...

Президент США Дж. Картер прямо заявил на днях, что, дескать, Афганистан является «одним из важнейших» для США районов мира, и открыто претендовал на некое «право» Вашингтона решать, какое правительство следует установить в этой стране.

— Бандитские формирования, предназначенные для заброски в ДРА, готовятся не только в Пакистане,— рассказывает министр внутренних дел ДРА С. М. Гулабзой.— В начале февраля в горах Бадахшана у двух бандитов, взятых в плен, изъяты фотоснимки, на которых они изображены в китайской военной форме. «Эти фотографии сделаны в провинции Синьцзян, где мы проходили военную подготовку»,— показали пленные. Их показания лишний раз подтверждают то, что уже хорошо известно: в Китае создан целый ряд баз, на которых обучаются тысячи бандитов и террористов. Нередко их «тренеры», китайские офицеры, сопровождают своих подопечных в бандитских налетах на территорию ДРА — именно этим, судя по всему, объясняется тот факт, что в Бадахшане, в районе 70-километровой афгано-китайской границы, которая превращена Пекином в зону постоянной напряженности и провокаций, бандиты действуют с поистине изуверской жестокостью: расстреливают школьников, убивают женщин, стариков, закапывают людей живыми в землю... Инспирируя вооруженные наскоки на Афганистан, пекинские гегемонисты преследуют вполне определенную цель — отторгнуть от нашей страны Бадахшан, «включить» его в состав Китая. Не случайно в изданном в КНР еще в 1953 году учебнике «Краткая история современного Китая» исконные афганские земли фигурируют в качестве «утраченных китайских территорий».

С ЛОЖЬЮ НАПЕРЕВЕС

Это произошло в Тархаме, небольшом населенном пункте на афгано-пакистанской границе. Афганским пограничникам показался подозрительным торговый караван, направлявшийся с грузом чая из Пакистана в ДРА. При досмотре выяснилось, что тюки и ящики наполнены вовсе не чаем, а «товаром» совсем иного сорта — кипами изданных в Пакистане контрреволюционных брошюр и листовок, содержащих клевету на афганскую революцию, призывы к свержению законного правительства ДРА.

Эпизод в Тархаме — лишь один из многих фактов, свидетельствующих, что враги ДРА, потерпев провал в попытках повернуть вспять ход событий в Афганистане путем вооруженных провокаций, стремятся добиться тех же целей с помощью отравленного оружия лжи и клеветы. На территории Пакистана не только сколачиваются вооруженные бандитские формирования — там же обосновались подрывные антиафганские радиоцентры, призывающие «взорвать революцию», там фабрикуются и размножаются многотысячными тиражами всякого рода контрреволюционные книжонки, «призывы», «манифесты», «воззвания». При щедрой поддержке ЦРУ США и пакистанской реакции контрреволюционеры получили возможность широко использовать для своей клеветнической деятельности полиграфическую базу таких крупных пакистанских газет, как «Наваи вакт» и «Имроз» (Лахор), «Джанг» и «Хурриет» (Карачи).

Провал замыслов империалистических кругов США, которые стремились к тому, чтобы после потери важного плацдарма в Иране создать свою военную базу в Афганистане, приблизив ее к южным границам СССР, поверг нынешних претендентов на мировое господство в крайнюю степень озлобления, вызвал резкий взрыв воинствующей враждебности по отношению к Советскому Союзу и ДРА. И к каким только злостным вымыслам не прибегают враги ДРА, пытаясь оболгать и дискредитировать афганскую революцию! Изо дня в день, из недели в неделю так называемая свободная пресса Америки, отражающая устремления наиболее реакционных империалистических кругов, заправил военно-промышленного комплекса США, на все лады трубит о том, что, мол, необходимо «защитить независимость Афганистана», «отстоять ценности ислама в этой стране». Эти вопли «подкрепляются» провокационными небылицами, которые в избытке поставляют из Кабула посланные, а точнее — засланные, в ДРА специалисты по всякого рода гнилым «сенсациям». Вот образчик такой, с позволения сказать, «сенсации», распространенной недавно английским информационным агентством Рейтер: «Советские войска превратили в Кабуле в казармы бывшие королевские дворцы». И подобная чушь пускается в оборот, несмотря на то, что в последнее время в Кабуле в двух лучших королевских дворцах — «Гуль-Ханэ» и «Чехель-Сутун» — не раз проводились международные пресс-конференции, и представители мировой прессы сами могли убедиться в том, что никаких казарм в этих дворцах не было и нет!

Некоторое время назад в Кабульском художественном училище с большим успехом экспонировалась картина 19-летнего художника Абдуллы Вахида, занявшая первое место на конкурсе произведений молодых афганских живописцев: крутые горы Нангархара, крестьянин с плугом идет по весенней, начинающей зеленеть земле, а над горами во всю ширину неба встает яркое-яркое горячее солнце. Произведение А. Вахида не случайно привлекло большое внимание: ведь это картина-символ, и сам художник назвал ее «Заря революции». Да, заря революции, яркая, как самое солнце, все сильнее разгорается над древней, суровой, овеянной легендами афганской землей. У этой революции немало жестоких и коварных врагов, но у нее есть и верные, надежные друзья, среди которых сосед Афганистана — могучий и миролюбивый Советский Союз. Что говорят, что думают о советско-афганской дружбе в Кабуле? Вернемся в кабинет во Дворце народов, вновь предоставим слово Бабраку Кармалю:

— Братская, бескорыстная помощь, оказанная Афганистану нашим великим миролюбивым соседом — Советским Союзом,— гарантия суверенитета и территориальной целостности нашей страны, гарантия сохранения мира. И какой бы вой ни поднимала вокруг афгано-советских отношений западная и пекинская пропаганда, какие бы провокационные и милитаристские акции ни предпринимали Вашингтон и его компания, спекулируя на так называемом афганском вопросе, факт остается фактом: наш народ приветствует прибытие сюда ограниченных контингентов Вооруженных Сил СССР, он тепло, по-братски встречает советских воинов, понимая, что они находятся в нашей стране лишь для того, чтобы помочь нам отстоять завоевания апрельской революции от вооруженных наскоков извне, создать для республики возможность переключить силы на решение созидательных задач по строительству новой жизни.



Таким оружием американские и пекинские «советники» снабжают своих подопечных...



Подрывная литература, отобранная у наемников контрреволюции.



Их обучали американские и пекинские «советники», они были вооружены китайским и американским оружием. Но недолго смогли они бесчинствовать на афганской земле...

Карл-Эдуард фон ШНИТЦЛЕР, публицист ГДР

АРХИГЛУПОСТЬ, ВЕДУЩАЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Характеризуя антикоммунизм как «архиглупость нашей эпохи», Томас Манн не мог еще знать, что антисоветский вариант антикоммунизма доведет миллионы немцев до ворот Ленинграда, Москвы и Сталинграда, но не обратно; не мог он знать, что многим тысячам американцев придется заплатить жизнью за войну во Вьетнаме; что беженцы, участь которых столь горько оплакивает капиталистический Запад, являются жертвами насаждаемого тем же капиталистическим Западом антикоммунизма; что суть безумного лозунга «Путь к разоружению лежит через ядерное вооружение» — антикоммунизм; что попытка США найти в Афганистане замену утраченным в Иране позициям продиктована антисоветизмом и что нынешняя истерия по поводу братской помощи Советского Союза афганской революции преследует единственную цель, а именно — оправдать задним числом опасные планы НАТО по размещению новых ракетных систем. «Архиглупость нашей эпохи» стала преступлением.

Вот дословная цитата из написанного натовскими вояками «документа»: «Через бинокли ночного видения пограничники наблюдают, как на западный берег перебрасывается понтонный мост... Советский Союз и его союзники начали наступление на широком фронте. Пять дивизий движутся на Гамбург и Бремен. Через 48 часов после перехода через Эльбу московские танки готовятся форсировать следующую водную преграду — авангард армий захватчиков с Востока достиг Рейна...»

Есть силы, которые неустанно выдумывают новые «угрозы и опасности», чтобы запугать людей. Иногда они становятся жертвами собственной пропаганды. Стоит вспомнить о судьбе американского министра обороны Форрестола, который выбросился из окна нью-йоркского небоскреба, решив, что русские уже на подходе... Совсем недавно в саду роскошной виллы по адресу Ам Шлахтензее, 12, в Западном Берлине был обнаружен человеческий скелет. Соседи вспомнили, что в 1945 году аптекарь Густав Шуг покончил с собой — так он боялся приближавшихся русских...

Определенные круги злонамеренно насаждают смертельный страх. Антикоммунизм возник в те годы, когда «призрак бродил по Европе», «призрак», которому Маркс и Энгельс посвятили «Коммунистический манифест». Антисоветизм существует с тех пор, как «призрак» воплотился в реальное государство, поставившее мир целью своей политики.

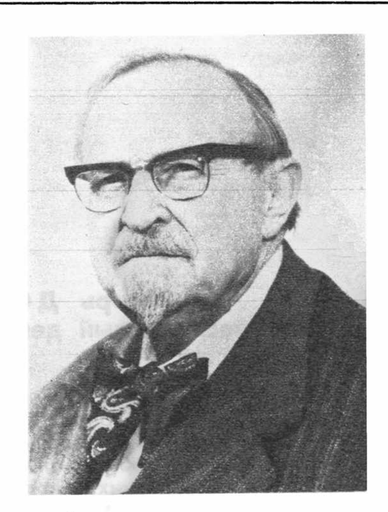
Реакция всегда воспринимала революцию и мир как угрозу своему существованию. Именно поэтому Германская империя отправила в 1871 году прусские войска на подавление Парижской коммуны. Бисмарк боролся с «призраком» с помощью антисоциалистических законов. Первый военный министр Веймарской Республики Носке спустил с цепи путчистов в Киле, Берлине и Центральной Германии и сыграл, по его собственным словам, роль «кровавой собаки». Первый президент Веймарской Республики мечтал, что с молодой Страной Советов будет покончено за пару недель. Гитлер заранее праздновал победу «над русским колоссом на глиняных ногах». В послевоенном Бонне речь шла о смертельном враге, которого следовало стереть с карты во славу капиталистической «Европы до Урала». Сначала говорили об «освобождении восточной зоны», потом, когда Берлинская стена стала зримой и ощутимой преградой империализму, о «переменах путем сближения», переменах путем невыполнения договоров, переменах с помощью «другого, лучшего социализма»... За этими словесами стоит все тот же антикоммунизм.

Сейчас надуманными доводами о советском превосходстве в области ракет и необходимости довооружения пытаются скрыть агрессивную антикоммунистическую направленность решения НАТО о разработке и размещении новых ракет. За этими доводами прячутся те, кто изобрел и веками практикует политику канонерок, те, кто хотел бомбардировками вернуть Вьетнам в каменный век, кто громогласно похваляется стотысячным «корпусом быстрого реагирования», кто новинками из американского ракетного арсенала хочет поставить мир на грань ядерной катастрофы.

Не только берлинский аптекарь и американский министр, но и миллионы людей, ставших в первые 80 лет нашего века жертвами антикоммунизма и антисоветизма, могли бы остаться живы. Последние два десятилетия этого века пройдут под знаком мира и жизни, если «страх перед русскими» исчезнет из мира, если исчезнет жупел коммунистической угрозы, при помощи которого людей пытаются оболванить и запугать до смерти. И если вооруженные силы стран социализма будут стоять на страже мира.

Дорога к миру — не накатанное шоссе. Скорость движения вперед неравномерна. Но это ничего не меняет ни в исторической закономерности (движение вперед необратимо), ни в понимании того, что если угроза миру исходит от людей, то и победить ее могут только люди.

(Из журнала «Фрайе Вельт».)





А. Опарин.



Б. Секефальви-Надь.

МЕДАЛИ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Президиум Академии наук СССР присудил золотые медали имени М. В. Ломоносова за 1979 год академику А. И. Опарину за выдающиеся достижения в области биохимии и академику Венгерской Академии наук Б. Секефальви-Надю за выдающиеся достижения в области математики. Золотые медали имени М. В. Ломоносова являются высшей наградой Академии наук СССР и присуждаются ежегодно (одна — советским, одна — иностранным ученым) за выдающиеся достижения в области естественных наук.

Выдающийся советский ученый-естествоиспытатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии **академик А. И. Опарин** — один из основоположников советской биохимии, прославивший науку нашей страны основополагающими трудами в разработке проблемы происхождения жизни.

Научную деятельность А. И. Опарина, всегда сосредоточенную вокруг наиболее кардинальных вопросов естествознания, отличает органическая связь глубоких теоретических положений и экспериментальных исследований с непосредственными нуждами практики.

Мировую славу и всеобщее признание заслужила созданная академиком А. И. Опариным материалистическая теория происхождения жизни. Суть теории заключается в том, что возникновение жизни — закономерный процесс химической эволюции неорганической материи и последующего естественного отбора на уровне многомолекулярных образований. Созданная более полувека назад теория А. И. Опарина выдержала проверку временем, породила колоссальное количество исследований, подтверждающих правильность ее основных положений.

В последние годы А. И. Опарин особое внимание уделяет развитию новой отрасли науки — эволюционной биохимии, особенно химической эволюции добиологического периода.

Академик А. И. Опарин — директор Института биохимии имени А. Н. Баха АН СССР — блестящий организатор науки и замечательный педагог, воспитавший несколько поколений биохимиков.

Научные заслуги академика А. И. Опарина получили международное признание. Академик А. И. Опарин — почетный президент Международного общества по изучению происхождения жизни, член многих иностранных академий и университетов, лауреат премии Калинга (ЮНЕСКО).

В 1977 году исполком Международного общества по изучению происхождения жизни (ИССОЛ) учредил золотую медаль имени А. И. Опарина за выдающиеся работы по проблеме происхождения жизни.

Академик Венгерской Академии наук **Бела Секефальви-Надь** — выдающийся ученый Венгерской Народной Республики, один из самых авторитетных математиков в области математического анализа.

Основные труды Б. Секефальви-Надя посвящены решению проблем теории функций и функционального анализа.

Глубокие идеи, выдвинутые ученым, оказали стимулирующее влияние на постановку и успешное решение ряда прикладных задач.

Б. Секефальви-Надь — автор большого числа научных публикаций, получивших широкое международное признание. Две его монографии, ставшие классическими, переведены на русский язык и изданы в Советском Союзе.

Член президиума Венгерской Академии наук профессор университета имени Аттилы Йожефа Б. Секефальви-Надь в течение ряда лет играет важную роль в руководстве математическими исследованиями в Венгрии. С 1953 года Б. Секефальви-Надь возглавляет математический комитет Венгерской Академии наук.

Многогранная научная, научно-организационная и педагогическая деятельность Б. Секефальви-Надя получила признание мировой общественности. Он является почетным доктором ряда университетов, иностранным членом нескольких академий. В 1971 году общее собрание АН СССР избрало академика Б. Секефальви-Надя иностранным членом АН СССР.

ВЕНЕЦИАНОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Автопортрет». Холст написан Алексеем Гавриловичем Венециановым в 1811 году, накануне Отечественной войны. Строг лик тридцатилетнего мастера. Сурово, пристально вглядывается художник вдаль, словно предчувствуя что-то недоброе. Сдвинуты густые брови. Большие темные глаза кажутся еще более крупными из-за тонких очков. Крутой лоб обрамлен непокорными волнами вьющихся волос. Волевые складки рта, чуть раздвоенный крепкий подбородок. Насторожен, собран живописец. Рука, держащая кисть, замерла. Еще миг, и кисть коснется полотна. И будто по волшебному мановению оживет картина.

Начало девятнадцатого века было временем сложным и нелегким. Венецианову довелось увидеть руины родного дома, сгоревшего во время пожара Москвы в 1812 году. Но это не ожесточило его характер, он остался предельно гуманным, добрым человеком. Формированию его личности способствовали Гоголь, Пушкин, Глинка. Передовые деятели русской культуры помогли осмыслить истинную глубину и размах духа своей родины, заставили ярче осознать свет и тени эпохи, в которую он жил. Его лира обрела гражданственное, широкое звучание.

Благородная муза Венецианова воспела красоту простого сельского люда. Обладая талантом редкой звучности, творец отдал его своему народу. Картины, несложные по сюжетам, взяты из самой гущи жизни крепостного села. Мы очарованы прелестью его юных красавиц, задумчивых мальчишек, спокойствием мужских лиц. Никому не приходит мысль, что перед нами бесправные рабы. Крепостные. Живописец любовался Человеком, когда писал свои произведения о России.

Шедевры Венецианова — портреты русских женщин. Он раскрыл их спокойную, величавую красоту. То задумчивую, то задорную, то строгую, немного грустную, но всегда покоряющую своей открытостью, духовной чистотой. Пленительна скрытая гармония человека и природы в полотнах живописца. Пахота и жатва, лето и весна. Любое время года предстает перед нами в свойственной пейзажу Руси неброской, поэтической красе. Нехитры, незамысловаты жанры картин Венецианова. Но насколько они ближе нам, чем холодные академические холсты тех времен — умозрительные, выхолощенные в своей виртуозной салонности, отличающейся лишь внешним блеском. Венецианов широко открыл окно в мир подлинной жизни села с его немудреным бытом, тихой радостью и горем. Художник был духовно близок своим моделям. И родство, свет этой приязни, добросердечности отражены во всех его полотнах.

Казалось, что Россию, познавшую блеск картин кисти Левицкого, Рокотова, Боровиковского, трудно чем-либо удивить, но Венецианов поразил современников: перед зрителями встала во всей светозарности Русь, которая родила Андрея Рублева и Ломоносова, Пушкина и Глинку... Поэт своей родины, Венецианов никогда не будет забыт признательными согражданами как один из самых благородных, честных, мужественных и талантливых певцов России.

Почти через полвека после кончины Венецианова Иван Крамской писал: «Художник, как гражданин и человек, кроме того, что он художник, принадлежа известному времени, непременно что-нибудь л ю б и т и что-нибудь н е н а в и д и т. Предполагается, что он любит то, что достойно, и ненавидит то, что того заслуживает... Ему остается быть искренним, чтобы быть тенденциозным... Это мое главное положение в философии искусства».

Пафос творчества Венецианова в любви к народу. Это высокое чувство нашло выражение в холстах песенных, изумляющих удивительной соразмерностью, мелодией, которая заложена в его прекрасных созданиях. Мало кто так непапыщенно возвеличил простого Человека, его нелегкий труд, как это сделал Алексей Гаврилович Венецианов. Он вошел в наше сегодня как современник — так близки нам его картины тончайшим лиризмом и сердечностью, простотой формы, обобщенной и гармоничной, сочным, сияющим цветом.

«Искусства низших родов могут доставлять наслаждение зрению, говорить уму, удовлетворять вкусы, но заставить сердце трепетать восторгом неземным, источить слезы из очей, зрящих перед собою небо,— это принадлежность живописи исторической...»

Такое эстетическое кредо было провозглашено некоторыми представителями петербургской Академии художеств. Прошло полтора века...

Где все сочиненные ими огромные композиции на «исторические» темы?! Только гигантские рамы продолжают благородно мерцать своим потускневшим старым золотом. Холсты или почернели, или, писанные с большим количеством лаков, блестят; но неземного восторга и слез из очей у зрителей эти картины не вызывают. Скорее они рождают чувство недоумения — ведь сколько труда, а порою и таланта было убито на создание банальных, ходульных махин — статичных, безжизненных, а чаще всего фальшиво-многозначительных в своей декоративно-помпезной пустоте. Трудно, очень трудно было Венецианову: ведь он один из первых утвердил искусство «низших родов» как полноправное искусство высокой пластики и пробил стену казенных догм, схоластических канонов, которыми так славилась Академия.

Алексей Гаврилович Венецианов родился в купеческой семье 7 (18) февраля 1780 года. Торговый дом, сад и огород Гаврилы Юрьева Венецианова славились на всю Москву «смородиной, тюльпанами и прочими товарами». Между прочим, тут же предлагались и картины по «весьма сходной цене».

В дни детства Алексея Венецианова в Москве жили знаменитый Ф. С. Рокотов и молодой Н. И. Аргунов. Но юноше не довелось встретиться с ними. Будущий живописец обучался в одном из пансионов и специального художественного образования не имел. Его учила сама жизнь, события конца XVIII века, развернутое наступление русских просветителей, быстро пресекаемое, впрочем, тяжелой рукою властей. Сочинение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» было словно лучом света, выхватившим из мрака жуткую картину крепостническо-самодержавной России.

«Французская революция дала новое направление веку»,— писал еще один из современников Венецианова, В. Княжнин. Москва бурлила от вольных идей. Но юноша был далек от всего этого, он писал портреты близких, изучал творчество классиков. И в 1802 году летом в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление о недавно приехавшем Венецианове, «списывающем предметы с натуры пастеллем в три часа, живет у Каменного моста в Рижском кофейном доме».

Молодому художнику двадцать два года. Он дерзает начать свой самостоятельный путь в столице. Однако без связей и знакомств объявление в газетах не возымело воздействия на петербургскую публику, и юный живописец вернулся в Москву. Здесь он продолжал совершенствовать свое искусство портретиста и создал ряд удачных полотен.

Наконец, в 1807 году Алексей вновь приезжает в Петербург и поступает на службу в канцелярию директора почт. Как вспоминает сам Венецианов, «в свободное время ходил в Эрмитаж и там изучал живопись». Так, не взявши штурмом столицу в 1802 году, он начал ее планомерную осаду. Вскоре он сближается с «почтеннейшим и великим» Боровиковским и оказывается в числе близких учеников блестящего портретиста, «украшавшего Россию своими произведениями», живет у него в доме. Начало было добрым... Однако такое везение ничуть не остановило порыв к изучению шедевров. Эрмитаж был и остался основной школой художника. Он избежал опасности попасть под влияние манеры Боровиковского, был достаточно талантлив и упорен, чтобы одолеть тайны искусства самостоятельно.

И вдруг молодой человек, столь благонамеренно начавший восхождение к успеху, не только организует сатирический «Журнал карикатур», но и сам рисует в него, за что вскоре был вызван в «инстанции». Издание запрещено, не успев просуществовать и года. Царь Александр I лично занимался такими вопросами и... «указать соизволил: издание карикатурного журнала сего впредь не дозволять». Не будем описывать все злоключения молодого Венецианова, но он замолчал. Его темперамент, гражданственность проявятся позже, а пока, по прошествии ряда лет, он представляет в 1811 году уже описанный нами в начале «Автопортрет» на суд Академии художеств. Венецианову присвоено звание «назначенного» кандидата в академики и дано право написать на соискание нового звания «Портрет инспектора Кирилы Ивановича Головачевского»... Вскоре по исполнении картины было резюме: «Избран в академики 1811 года сентября 1 дня».

Семья в Москве ликовала: их сын — академик!

1815 год. Алексей Венецианов женится на Марфе Афанасьевой Азарьевой и становится небогатым тверским помещиком. Вскоре, оглядевшись в своих новых владениях и выбрав модель по душе, он пишет «Капитошку»... Этот этюд масляными красками, оригинал которого утерян, дошел до наших дней в виде гравюры. Однако он означал знаменательное для русского искусства первооткрытие. Художник начинает сюиту картин, во всей полноте и красоте создающих облик крестьянства, доселе никем с такою силой, мастерством и одухотворенностью не воспетый.

Алексей Гаврилович окончательно утвердился в желании бросить службу и целиком отдался любимому делу — живописи. Он покидает столицу и, расставшись с Петербургом, прокладывает новую, неведомую еще стезю в русском искусстве.

Это был подвиг!

Ведь нельзя забывать, что сей «демарш» предпринял признанный портретист-академик. Итак, весною 1819 года художник, стоящий на пороге сорокалетия, переезжает в глубинку — сельцо Трониху «при реке Ворожбе» и сельцо Сафонково в Вышневолоцком стане той же Тверской губернии. Этим деревушкам суждено стать «венециановскими местами», они вошли в историю нашего искусства, русской культуры.

Венецианов как бы «сжигает свои корабли». Он пишет, что для успеха в живописи должен «совершенно оставить все правила и манеры, двенадцатилетним копированием в Эрмитаже приобретенные... ничего не

А. Венецианов. 1780—1847. КРЕСТЬЯНКА С ВАСИЛЬКАМИ. 1830-е годы.

Государственная Третьяковская галерея.



А. Венецианов. НА ЖАТВЕ. ЛЕТО. 1830-е годы.

Государственная Третьяковская галерея.

изображать иначе, чем в натуре является, и повиноваться ей одной без примеси манера какого-либо художника, то есть не писать картину à la Rembrandt, à la Rubens и прочие, но просто, как бы сказать, à la Натура».

Изображение человека из народа — вот ключ к раскрытию гениально простого и великого искусства Венецианова, совершившего переворот в истории русской живописи.

Отныне не мифологические герои, не античные боги, не светские львы и львицы — дюжинные, рядовые, обычные, неприметные люди стали героями полотен наравне с великими поэтами, художниками, государственными деятелями... Конечно, Кипренский, Брюллов и другие блестящие портретисты тоже писали «простых» людей, но эти мастера не оставили нам той великолепной галереи образов трудового люда, которые создал Алексей Гаврилович Венецианов, раскрывший прекрасную душу русских крестьян той эпохи.

Художник ошеломил Петербург результатом своих неусыпных трудов, когда он показал свою новую картину «Гумно».

Вот что писал об этом полотне журнал «Отечественные записки»: «Лучшею из картин Венецианова должно почесться Русское гумно. Какая правда! Какое знание перспективы! Художник взял на себя слишком большую обязанность — соблюсти эффект в трех светах, чего не осмелился и сам Гране».

Заметим, что когда-то изрядно нашумевший холст Гране сух и натуралистически иллюзорен, напоминает архитектурные отмывки... Но не победой над ныне безвестным мастером славен холст «Гумно», а изображением панорамы сельской жизни того времени велик этот «живописный манифест» Венецианова. Ведь герои многофигурной композиции — крепостные, труженики. В этом была новация автора полотна.

Прочтем строки Венецианова, написанные по приезде в Петербург через некоторое время после написания «Гумна»: «У меня много журавлей в небе летают, а синиц ни в одной клетке... „Гумно" всеми принято очень хорошо, кроме художников». Это означало, что консерваторы и догматики, поклонники академических канонов грозно выступили против «народности» жанра Венецианова. Шел 1824 год — преддверие восстания декабристов. В ту пору реакция еще не раз будет задевать своим черным крылом художника.

Встречаются в мировом искусстве портреты людей вовсе не знаменитых, иногда даже не названных по имени, но так созданные художниками, что по силе обобщения они как бы становятся символами целых народов. Таковы прекрасные портреты Хендрикье Стоффельс Рембрандта ван Рейна, многие полотна Франса Хальса, «Зеленщица» Жака Луи Давида, «Продавщица креветок» Уильяма Хогарта и многие, многие другие шедевры разных времен и стран земли нашей.

Венецианов оставил нам не один женский портрет, создав обобщенный образ русской женщины из народа.

«Девушка с бураком». Художник будто шагнул на полтора века вперед и написал портрет нашей современницы. Повязанная красной косынкой, расчесанная на пробор, русоволосая, с добродушным лицом глядит на нас, широко открыв прелестные карие очи, обрамленные собольими, словно летящими легкими бровями, грустно задумавшись о чем-то, юная русская красавица. Чуть-чуть тронуты милой улыбкой губы... Эта скромная девушка таит в себе тот запас духовной силы, которая рождала героинь...

1824 год. «Девушка с бураком» остро и немного горько вглядывается вдаль. Много, может быть, доведется ей услышать о событиях в далекой столице в 1825 году. Но это лишь наши догадки... Непослушная прядь русых волос выбилась из-под пестрой косынки. Крепко сомкнуты губы. Осторожная тишина разлита в этом полотне. Девушка вслушивается, ее чуткие ноздри, тонкие, почти прозрачные, вздрагивают, еле приподнялась левая тонкая бровь — ей что-то либо видится, либо слышится.

Напряжен и трагичен образ крестьянина, созданный в 1825 году.

«Крестьянин»... Пожилой человек с утомленным лицом, полным раздумья. Высокое чело. Грустные, недоверчиво вглядывающиеся в нас глаза глубоко сидят под скорбно сведенными бровями. Напряглись морщины у переносицы. Чуть тронуты усмешкой губы. Сколько пережил этот человек? Сколько лжи, насилия видел он? Холст молчит. Но глаза — врата души человека — говорят.

В том же году написан «Захарка». Это — Гаврош в русской живописи. Остр, пронзителен взор мальчишки, блестящий из-под тяжелых век. Курносый, с пухлыми губами, он сама юность, свежесть и чистота... «Девушка с бураком», «Крестьянин» и «Захарка», написанные почти в один год, наполнены каким-то тревожным ожиданием, особым пронзительным чувством остановленного на миг времени.

1825 год. Год, окончившийся трагически... Венецианов не был декабристом и, наверное, мало что знал об их планах, но художник — загадочный барометр времени, он душой, честным сердцем чувствует приближение грозы и невольно отражает это ощущение в своих полотнах.

Так, даже «тишайший» жанрист Павел Федотов оказывается под обстрелом «тяжелой артиллерии» царской власти и сметен с лица родной земли. Но Венецианов, этот скромнейший тверской помещик, был всего лишь подданным его величества Александра I и даже лично поднес ему картину «Гумно». Это правда. Портреты же, названные нами, говорят о другом. И это тоже правда.

В том же 1825 году написаны и «Жнецы». 1824—1825 годы. Как плодоносны они для мастера! Ведь в ту пору он написал не один шедевр. «Вот-те и батькин обед», «Спящий пастушок»... Алексею Гавриловичу сорок пять лет, художник в расцвете сил и полон желания учить молодежь, вдохновляет ее видеть красоту жизни.

Вспомним, что писал «просвещенный» «Вестник Европы» в годы создания «Гумна» о поэме Пушкина «Руслан и Людмила». Высказывая свое возмущение «простонародностью» стихов поэта, журнал восклицал в гневе, что в благородное общество будто бы «втерся гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!» Неужели таким проказником любоваться? — спрашивает «Вестник»... За этими строками будто слышится: «В батоги его»... Да что удивляться, если величественные создания гениального Глинки светские невежи брезгливо именовали «кучерской музыкой» и с негодованием отвергали. Скажем, не очень уютно было Венецианову с его «простонародьем» за барским столом петербургской Академии. Ведь его искусство, несмотря на прекрасные отношения с президентом А. Н. Олениным, воспринималось на фоне грандиозных исторических феерий как творения второго сорта, некий вариант голландского жанра «типа Тенирса». Все это тяжело читать сегодня, когда ощущаешь масштаб живописного совершенства Венецианова, родственного гению Пушкина, Глинки. Но из истории ничего не вычеркнешь!

Чудовищной была недооценка своего соотечественника коллегами по искусству. Не мудрее были и литераторы: они сумели разглядеть лишь «приятность красок и верность распределения света и тени», что, по существу, сводит изумительное по человечности творчество к голому техницизму, исполнительству. Лишь Григорович честно назвал причину такого непризнания Венецианова: «Предубеждение в пользу иностранцев не совсем исчезло. Любовь к искусствам есть, но нет любви к русскому».

Яснее не скажешь...

И все же, невзирая на хулу и плохо скрываемое пренебрежение, Алексей Гаврилович продолжает с энергией необычайной свое святое дело. Год от года его талант обретает все большую свежесть, чистоту и ту благородную сдержанность колорита, которая свойственна лишь великим художникам.

«На жатве. Лето». Щедрым живописным наполнением, глубоким раскрытием образа отличается это полотно, посвященное самоотверженному и тяжелому труду русской женщины. К лучшим творениям мирового искусства относится этот холст. Самые высокие традиции живописи, обладающей редкой по красоте формой, силуэтом, наконец, изысканным, глубоко жизненным колоритом, воплощает эта картина.

Вглядитесь, как величественна мать, присевшая отдохнуть, покормить ребенка. Она положила серп рядом и устремила взор вдаль, любуясь ясным небом, спелой нивой. Чеканный силуэт женской фигуры напоминает лучшие образцы венецианской живописи эпохи Джорджоне и Тициана по густоте цвета, горячим сплавленным колерам, по монументальности решения образа. Удивительный покой властвует в картине. Волнистая, мерная линия холмов сразу задает всему полотну ритм неспешный и своеобычный. Копны собранного хлеба чередуются с фигурами женщин в поле.

«Художник,— писал Венецианов,— объемлет красоту и научается выражать страсти не органическим чувством зрения, но чувством высшим, духовным...»

Вот, пожалуй, наиболее четко изложенное кредо живописи Венецианова. Ведь, кроме изумительных качеств пластики, в его произведениях прежде всего поражают высочайшая духовная цельность, чистота таланта, сумевшего наделить героев не только пленительными качествами — обаянием, красотой, гармонической формой, но и редкой душевностью, сердечностью... Крестьяне в картинах Венецианова — люди, обладающие разумом ясным, сердцем добрым и отзывчивым. Они не жестикулируют, им не свойственна поза. Они скорее задумчивы и сосредоточенны. Но в их кажущейся статичности — огромное внутреннее движение. «На жатве. Лето» являет собою пример такой скрытой, но великолепно изображенной тихой жизни, разворачивающейся перед нами с какою-то торжественной неспешностью, свойственной просторной русской природе. Взгляд, остановившись на фигуре первого плана, потом видит неохватную даль среднерусского ландшафта — поле спелой ржи с убранными копнами хлеба... Бегут по равнине легкие тени от одиноко плывущих в знойном мареве неба белых тучек. И этот бег, почти неслышный, наполнен дивной музыкой летнего погожего дня. Мы, словно заколдованные, бродим по этим душистым далям, упоенные тишиной и благостью плодородия, воплощенного в фигуре кормящей матери. Симфонией добра, чистым ароматом свежести полон этот холст, ничуть не уступающий лучшим полотнам Милле, воспевшего трудную судьбу французских крестьян.

По-своему потрясает замечание Венецианова: «Колорит — не цветность».

Эти простые и точные по смыслу слова включают всю глубину понимания валёра, сложных отношений цвета, тона, света, которое свойственно только самым большим представителям станковой живописи. Алексей Гаврилович Венецианов с необычной тонкостью ощущал пленэр. В картине «На жатве» — вся радуга холодных и горячих тонов, присущих открытому воздуху. Причем эта сложная по цвету картина нисколько не теряет от обобщенности формы, рисунка, силуэта. Венецианов — редчайший пример идеального сочетания всех сложнейших качеств художника-живописца. Его лучшие холсты по монументальности видения мира чем-то близки Вермеру Делфтскому, оставившему нам немеркнущие творения.

Поистине вершина портретного искусства Венецианова его «Крестьянка с васильками», написанная тоже в тридцатых годах девятнадцатого века.

Перед нами девушка, присевшая на миг отдохнуть и задумавшаяся о чем-то сокровенном... С потрясающей свободой создан небольшой холст — поистине жемчужина русской и, не боюсь этого слова, мировой живописи. Такова сила маэстрии и одновременно духовности шедевра. Темный фон только подчеркивает озаренность, поэтичность образа. Выпуклый чистый лоб, свежие, чуть тронутые румянцем щеки, мягкий, прелестный, тонкий овал лица, задумчивая улыбка —

все, все будто сияет утренней прозрачностью весны жизни, когда силы человека почти неисчерпаемы и юное сердце гулко бьется в девичьей груди. Брошены на колени натруженные, усталые руки, легко падают складки светлой рубахи. Тонкие пальцы перебирают венчики синих васильков, рассыпанных на коленях. И кажется, что весь холст пронизан целомудренной свежестью.

Невзирая на полтора века, отделяющие нас от времени создания полотна, эта поэзия юности чарует и приковывает к картине. Вспоминаешь, что, несмотря на огромное количество превосходных портретов в Третьяковской галерее, этот — один из лучших. В образе, созданном Венециановым, редкая ласковость и открытость, сердечность и лучистость.

«Крестьянка с васильками» даже в ряду великолепных творений мастера отличается высочайшим художественным проникновением в характер, в саму душу человека... Кисть Венецианова, много копировавшего в Эрмитаже великих живописцев прошлого, обрела свойственную именно ему полновесность высшего мастерства, как бы подтверждая известную формулу Репина, высказанную им позже: «Напишешь просто, если попишешь раз со сто...»

Венецианов создаст десятки редких по духовности полотен, проживет еще не один год, напишет еще немало мастерских картин, но, пожалуй, эти разобранные нами произведения тридцатых годов останутся непревзойденными. Тому было немало причин. Одна из них звучит в словах известного мракобеса Уварова, провозгласившего: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню свой долг и умру спокойно».

Граф Уваров был министром просвещения и президентом Академии наук. Это была сила. Мнение, с которым трудно не считаться.

Реакция и консерватизм, царившие в сороковых годах, подавляли Венецианова.

Вспомним судьбу гениального Федотова, так рано кончившего свою жизнь, угнетенного николаевской «заботой» об «эстетическом воспитании» России. Венецианов тоже не избежал этого пресса, в его творчестве заметен спад. Холсты стали более лощеными, лакированными, гладкими. Появились роскошные «Вакханки», умиленно улыбающаяся в сладкой дреме «Спящая девушка», пышные, дебелые ряженые крестьянки в картине «Гадание на картах».

Заботы, скромное хозяйство, будни, быт не тревожат Венецианова. Он пишет: «Я смотрю покойнее, безропотнее на высохший овес мой и метлистую рожь и бодрствую...» Эти невеселые строки начертаны осенью 1846 года.

Вскоре он поедет в Петербург за дочерью. Знал ли он, что после ему не суждено будет увидеть своих столичных друзей, Эрмитаж, Академию.

Он возвращается домой в деревню и в 1847 году пишет ставшее последним полотно «Туалет Дианы». Мастеру шестьдесят семь лет. «В теперешнюю разладицу скудельных сил моих,— пишет Алексей Гаврилович,— все-таки я не оставляю палитры для туалета моей Дианы...» Очевидно, он кончает холст к середине 1847 года.

В начале декабря художник собрался ехать в Тверь. Морозное утро, упряжка молодых коней. Снег скрипит под полозьями саней. И вдруг крутогор, лошади понесли. Венецианов был убит на месте.

Художник нашел кончину в земле, которую воспел. Неожиданно. Мгновенно.

Дочери художника остались без отца и без средств. Мастер «по добродушию своему делал много на содержание и пособие учеников своих». России же Венецианов оставил бесценное наследство: облик ее народа, образы крестьян во всей их силе и доброте души. Он был первым, кто открыл красоту простого русского человека-труженика.

Художественное наследство, оставленное Алексеем Гавриловичем Венециановым, бесценно! Это наше национальное богатство.

Жемчужины его творчества украшают Государственную Третьяковскую галерею и Русский музей — сокровищницы нашего искусства. Но много полотен мастера экспонируется и в других собраниях нашей страны.

Мы впервые публикуем на цветной вкладке две картины из частных коллекций художников Порфирия Никитича Крылова и Михаила Васильевича Куприянова.

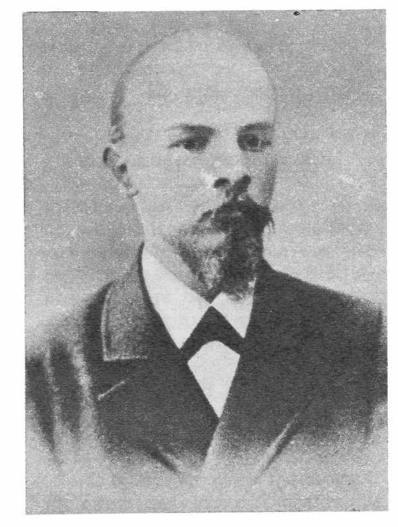
«Сенокос». Звонкий, чистый колорит этого этюда рассказывает о нелегком труде крестьянки, о поэзии русского пейзажа, напоенного ароматом скошенных лугов, свежего сена. Звучат песни девушек, и вся композиция этого прекрасного холста полна ритмом и музыкой ландшафта средней полосы России.

Поразительно современен цветной строй «Сенокоса». Ведь холодные голубые, серые и зеленые тона, по существу, составляют ту самую заветную гамму, которая была открыта пленэристами девятнадцатого века и с тех пор навсегда вошла в палитру живописцев.

«Крестьянка с ребенком». Это небольшое полотно как бы еще раз возвращает нас к вечной теме «Мадонны с младенцем». Но молодая селянка написана с чувством особой тайной грусти. Ведь мать, глядя на свое чадо, знает, чтó предстоит испытать ее сыну. Он — крепостной! Немая скорбь женщины написана с венециановской сердечностью и душевной простотой. Колорит картины строг — золотистые, глубокие, теплые колера произведения создают интимную атмосферу сокровенной материнской любви, омраченной горькой былью, от которой никуда не уйти. Так небольшое произведение, написанное художником, показывает нам зримо Человека и Время со всеми его заботами и печалями.

Творчество Алексея Гавриловича Венецианова — подвиг правды и поэзии. Картины прославили имя художника-гуманиста в веках, приравняв мастера к величайшим творцам его эпохи — Глинке и Пушкину. Полотна живописца — песнь о народе русском — звучат сегодня величественно и прекрасно. Он открыл новую дорогу в русском искусстве, и его роль новатора неоценима!

О ЧЕМ



В. И. Ульянов. Середина февраля 1900 года. Москва.

Среди уникальных фотографий В. И. Ленина, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, есть несколько таких, которые представляют особый интерес: на них автографы Владимира Ильича.

Кому же и при каких обстоятельствах вручил В. И. Ленин эти снимки?

Первый из дошедших до нас автографов Ильича проставлен на его ныне широко известной фотографии, сделанной в Симбирске. На обороте оттиснут адрес фотоателье: «На Большой Саратовской улице дом Рунне».

Это было в конце весны — начале лета 1887 года, когда Владимир Ульянов сдавал выпускные экзамены в Симбирской гимназии. Педагогический совет единодушно присудил ему аттестат зрелости и наградил золотой медалью. Фотография, о которой идет речь, была смонтирована на листе, украшенном виньеткой, вместе с портретами других выпускников симбирской гимназии № 3. Попытаемся уточнить время ее появления. По-видимому, она могла быть сделана в промежутке между подачей письменного прошения Владимира Ильича директору гимназии о допуске к экзаменам на аттестат зрелости — а это было 18 (30) апреля — и получением аттестата, который был вручен Ульянову позднее 10 (22) июня. В один из дней, разделяющих эти события, семнадцатилетний Владимир Ульянов побывал на Большой Саратовской улице в фотоателье В. Р. Бик. Потом проставил на отпечатке автограф: «Владимир Ульянов» и передал фотографию в гимназию. На этом снимке мы видим юного Владимира Ильича в гимназическом кителе. У него открытый взгляд. Лицо серьезное, без улыбки. Ведь именно во время сдачи экзаменов на аттестат зрелости пришло трагическое сообщение о казни Александра Ильича, осужденного царским правительством по делу о покушении на Александра III.

Второй и третий автографы относятся к 1900 году. Владимир Ильич, возвращаясь из сибирской ссылки, заехал в Москву. За его плечами уже большой опыт революционной борьбы. Мысли Ильича заняты постановкой общерусской газеты, которая поможет созданию массовой политической организации, сплочению всех революционных сил России. В середине февраля 1900 года Владимир Ильич сфотографировался в ателье Юлиуса Мебиуса на Кузнецком мосту. На этом портрете Ильич с усами и с бородкой, без головного убора, его высокий лоб открыт. Фотопортрет передает нам облик Ильича—мыслителя, ученого. К тому времени Владимир Ильич был уже признанным теоретиком и вождем российской социал-демократии, автором широко известных произведений «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

Получив отпечатки, Владимир Ильич 17—20 февраля (1—4 марта) посылает два из них в далекое Шушенское. На обороте одного пишет: «Товарищу Оскару Ал-чу в память совместной жизни 1897—1900 гг.», на обороте второго — «Товарищу Ив. Проминскому в память совместной жизни 1897—1900 гг.».

Товарищу Оскару Ал-чу въ память совмѣстной жизни 1897–1900 г.

Товарищу Ив. Проминскому въ память совмѣстной жизни 1897–1900 г.

Кто же эти люди? Оба они — товарищи Владимира Ильича и Надежды Константиновны по ссылке в Шушенском. Рабочий Путиловского завода Оскар Александрович Энгберг, финн, был сослан в Восточную Сибирь в октябре 1897 года за участие в революционной деятельности. В Шушенском он появился в январе 1898-го. Еще через год он вместе с шестнадцатью другими социал-демократами подписал составленный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Credo» «экономистов».

Иван Лукич Проминский, польский революционер, по профессии шляпник, участвовал в революционном движении с 80-х годов. В 1894 году был арестован и выслан в Шушенское, куда приехал с женой и шестью детьми. В письмах к родным Владимир Ильич и Надежда Константиновна часто упоминали своих товарищей по ссылке. Все вместе они отмечали 1 Мая в 1899 году. В конце июля Владимир Ильич написал от имени административно-ссыльного Проминского прошение в Енисейское губернское управление об отправке его с семьей по оконча-

РАССКАЗАЛИ АВТОГРАФЫ



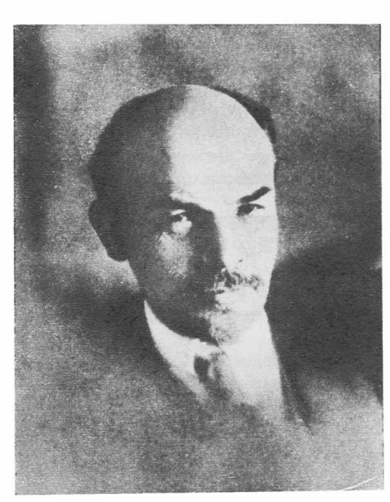
нии срока ссылки на родину за казенный счет, так как расходы, связанные с проездом, были для них непосильными. В октябре того же года, когда Оскар Энгберг заболел, Владимир Ильич обратился с письмом к врачу в селе Ермаковском, прося помочь своему товарищу. «За это время мы порядком-таки попривыкли к нашим шушенским товарищам,— писала Надежда Константиновна,— если почему-либо не придет какой-нибудь день Оскар или Проминский, так точно чего-то не хватает».

Н. К. Крупская указывает, что Проминский обладал «ярко выраженным классовым инстинктом». Владимир Ильич и в последующем проявлял большое участие к И. Проминскому и его семье. До Октябрьской революции Ивану Лукичу так и не удалось добраться в родные места. Он осел в Красноярске, работал на железной дороге, стал коммунистом, участвовал в гражданской войне, защищая Советскую власть. Узнав о его судьбе, В. И. Ленин 28 июля 1920 года в записке Польскому бюро при ЦК РКП(б) просил оказать Проминскому доверие и содействие. 31 июля 1920 года Владимир Ильич пишет удостоверение на бланке Председателя Совнаркома: «Предъявитель сего Иван Лукич Проминский мой старый товарищ по ссылке. Прошу все железнодорожные власти оказывать ему всяческое содействие». Телеграммой в Иркутск Владимир Ильич просил передать Проминскому сердечный привет и оказать всяческую помощь. Эта забота помогла Проминскому приехать в Москву. Он побывал у Ленина на его кремлевской квартире. Так спустя много лет бывшие политические ссыльные встретились на свободе.

Только в 1923 году И. В. Проминскому удалось наконец выехать в Польшу. Но в дороге он тяжело заболел и скончался в Барановичах от сыпного тифа...

История нескольких других автографов Ильича берет начало в 1918 году. В конце января известного фотографа М. С. Наппельбаума пригласили в Смольный и поручили ему сделать фотопортрет В. И. Ленина для Государственного издательства. «В морозный пасмурный день в январе 1918 г.,— писал потом Наппельбаум,— еду в Смольный: мне предстоит сфотографировать Владимира Ильича Ленина...» Так появился один из первых послеоктябрьских портретов Ильича.

Через год в Советскую Россию съехались представители коммунистических и рабочих партий многих стран мира. Им предстояло основать III, Коммунистический Интернационал. Работа Конгресса проходила в Москве со 2 по 6 марта 1919 года. Перед отъездом на родину некоторые из делегатов-иностранцев изъявили желание получить на память портрет



В. И. Ленин. Январь 1918 года. Петроград.

основателя III Интернационала В. И. Ленина. Вспомнили об удачной работе Наппельбаума, который в то время снимал заседания Конгресса. Он изготовил около десяти отпечатков со снимка 1918 года. Их передали Владимиру Ильичу.

На первом из них рукой В. И. Ленина написано: «Дорогим друзьям Финляндской коммунистической партии. Москва, 6 марта 1919 г. В. Ульянов (Ленин)».

От Коммунистической партии Финляндии на I Конгрессе Коминтерна в Москве присутствовали пять делегатов: Ю. Сирола, К. Маннер, О. Куусинен, И. Рахья и Э. Рахья. В мемуарной литературе есть много ярких воспоминаний о встречах финских коммунистов с В. И. Лениным. Однако ни один из делегатов не упомянул, кому именно посчастливилось получить из рук Владимира Ильича его автограф.

А вот у второго автографа совершенно точный адресат: этот отпечаток Владимир Ильич подарил представителю Коммунистической партии Австрии на I Конгрессе Груберу. Под своим портретом В. И. Ленин написал: «Товарищу Груберу. Москва, 6 марта 1919. Владимир Ульянов (Ленин)». Грубер — это партийный псевдоним Карла Штейнгардта, ветерана австрийского рабочего движения, одного из основателей Компартии Австрии. Грубер познакомился с Владимиром Ильичем еще в 1910 году. На I Конгресс Коминтерна он прибыл 3 марта, опоздав на день. Прямо с дороги он попал в зал заседаний, и Владимир Ильич тут же предоставил ему слово. «Когда я кончил свое сообщение,— вспоминает Грубер,— Ленин крепко пожал мне руку и сказал: «Отлично, отлично, товарищ Грубер!» Через год Грубер снова приедет в нашу страну — на II Конгресс Коминтерна. Это ему принадлежит лаконичный отзыв о В. И. Ленине в альбоме записей делегатов Конгресса: «В своей простоте величайший человек».

Третья фотография с автографом была преподнесена представителю Коммунистической партии Германии Гуго Эберлейну. В протоколах I Конгресса Коминтерна он значится под псевдонимом Альберт. В надписи к фотографии сказано: «Дорогому товарищу Альберту. Москва, 6 марта 1919. Вл. Ульянов (Ленин)». Эберлейн был одним из руководителей «Союза Спартака» и членом ЦК Коммунистической партии Германии. В своих воспоминаниях он писал: «По прибытии в Москву я прежде всего имел личную беседу с Лениным».

Многие годы этот подарок Ильича хранился в семье Эберлейна. Только после смерти Гуго его сын передал оригинал снимка с ленинским автографом в Институт марксизма-ленинизма.

Четвертый отпечаток В. И. Ленин вручил делегату Конгресса из Швеции. Внизу фотографии надпись: «Дорогим товарищам шведской левой партии. Москва, 6 марта 1919. Владимир Ульянов (Ленин)». Точных документальных свидетельств о том, кому персонально был вручен этот снимок с автографом, пока не имеется.

Пятый и шестой ленинские автографы на фотографии Наппельбаума были проставлены (по-немецки) одному и тому же лицу — Отто Гримлунду. В дни I Конгресса на портрете была сделана надпись: «Дорогому товарищу Отто Гримлунду. Москва, 6 марта 1919. Владимир Ульянов (Ленин)». Через год Гримлунд снова получил от Ильича на память такую же фотографию, но с иным автографом: «Дорогому другу, товарищу Отто Гримлунду. 15 апреля 1920 г. Вл. Ульянов (Ленин)». Владимир Ильич хорошо знал Гримлунда. 30 марта 1917 года в шведском городе Треллеборге Гримлунд встречал группу русских большевиков во главе с Лениным, возвращавшихся из эмиграции. Он сопровождал Владимира Ильича в Мальме, доехал с ним до Стокгольма. Впоследствии Гримлунд писал: «Мы часто встречались и в 1919 году... Ленин внимательно относился к шведским товарищам. Я получил от него фотографию с дружеской надписью».

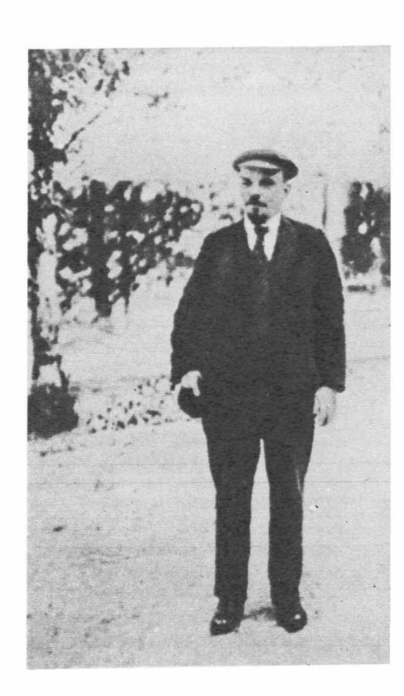
Седьмой автограф на портрете Наппельбаума Владимир Ильич сделал значительно раньше: 2 августа 1918 года. Его история стала известна позже других. В шестом томе биографической хроники В. И. Ленина среди записей за 2 августа есть и такая: «Ленин беседует с руководителем военной части «Всемирного христианского союза молодых людей» Д. Дэвисом, дарит ему фотографию с надписью: «Лучшие приветы американским интернационалистам. Ленин».

Джером Дэвис попал в Россию в 1916 году для оказания помощи военнопленным. В 1917 году он впервые видел и слышал В. И. Ленина. 2 августа 1918 года Владимир Ильич принял Дэвиса. Об этой встрече Дэвис написал: «Я имел небольшую беседу с Лениным, во время которой он дал мне свою фотографию с надписью...» Позднее Д. Дэвис стал прогрессивным американским писателем, сторонником мира.

В начале марта 1919 года, в период работы I Конгресса Коминтерна, портрет В. И. Ленина сделал и другой фотограф — В. К. Булла. Мы видим Ильича сидящим в кресле. Взгляд сосредоточенный, лицо усталое. На одном из сохранившихся отпечатков этой фотографии также имеется автограф Ильича: «В. Ульянов (Ленин)». Кому был подарен отпечаток, уточнить пока не удалось.

12 февраля 1921 года В. И. Ленин принял делегатов из красного Дагестана. Слушая их рассказ об укреплении Советской власти, Владимир Ильич делал

В. И. Ленин во дворе Кремля. 16 октября 1918 года. Москва.



краткие записи. Они опубликованы в 42 томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Делегаты просили помочь Дагестану получить средства связи и транспорта, мануфактуру и некоторые другие товары. Прощаясь с Владимиром Ильичем, делегаты вручили ему подарок — изделия дагестанских мастеров. Они сообщили также Ильичу, что доставили Московскому Совету поезд с продуктами.

Просьба трудящихся Дагестана была удовлетворена. В конце марта они отправились в обратный путь. Кроме полутора миллионов метров мануфактуры и других дефицитных тогда товаров, дагестанцы везли еще один прекрасный подарок: фотографию Ильича с его автографом. Это был снимок, сделанный 16 октября 1918 года. В тот день В. И. Ленин впервые после ранения сфотографировался во дворе Кремля на прогулке. Ильич возвращался к работе.

Для Красного Дагестана
22/III.1921 В.Ульянов (Ленин)

Снимок с автографом Ильич вручил делегатам незадолго перед их отъездом в Дагестан. Внизу фотографии Владимир Ильич написал: «Для Красного Дагестана. 22/III. 1921. В. Ульянов (Ленин)».

10 ноября 1921 года В. И. Ленин подарил свою фотографию с дарственной надписью Арманду Хаммеру, представителю Американской объединенной компании по производству и продаже медикаментов и химических препаратов. Хаммер успешно вел в Москве переговоры о создании в нашей стране концессии по производству и сбыту канцелярских товаров.

Владимир Ильич знал об искреннем стремлении Хаммера оказать помощь трудящимся Советской России, переживавшим большие трудности из-за неурожая и голода в Поволжье. Известно было и то, что Хаммер привез с собой и передал для нужд советского здравоохранения дорогостоящие хирургические инструменты.

Успех миссии Хаммера — получение концессии — мог сыграть положительную роль в укреплении экономических связей Советской республики со странами Запада. «Это начинание крайне важно,— писал ему 3 ноября В. И. Ленин.— Я надеюсь, что оно будет иметь огромное значение».

Возвращаясь в Америку, Хаммер изъявил желание получить портрет В. И. Ленина. Владимир Ильич послал ему открытку со своим фотопортретом, выполненным 23 апреля 1920 года, когда отмечалось его 50-летие. На открытке надпись по-английски: «Товарищу Арманду Хаммеру от В. Ульянова (Ленина) 10/XI. 1921».

Мы рассказали здесь о сохранившихся фотографиях В. И. Ленина с его автографами. У каждого из них своя история, неразрывно связанная с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина, с историей Советского государства.

А. ГАК,
старший научный сотрудник Центрального музея Революции СССР, кандидат исторических наук

Д. ДРАГУНСКИЙ,
генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза

...Рабочий день на исходе. Притих учебный центр, уже не слышно гула моторов, лязга гусениц, грома танковых и стрелковых стрельб. С группой генералов и офицеров я возвращался с полевого занятия. В пути мы оживленно обсуждали итоги. Они радовали: в освоении искусства управления боем подразделения сделали заметный шаг вперед.

Стояла на редкость теплая, солнечная осень. Но сумерки уже наступали рано, и было темно, когда мы оказались в гарнизоне. Дежурный четко отрапортовал и после небольшой паузы доложил:

— Вас срочно просят позвонить в Генеральный штаб.— И тут же вручил мне бумажку с номером телефона.

Я позвонил по этому телефону и услышал голос знакомого генерала. Разговор пошел товарищеский.

— Дорогой друг, Центральный Комитет Социалистической единой партии Германии пригласил тебя в Берлин на торжества, посвященные тридцатилетию ГДР. Делегацию будет возглавлять Маршал Чуйков. Едете в приятной компании — в составе делегации Маршал авиации Руденко, генерал армии Лященко, генерал-полковник в отставке Бурдейный, генерал-лейтенант в отставке Боков, генерал-майор в отставке Антонов и бывший комендант Берлина генерал-майор в отставке Котиков.

— Есть ли на сей счет указания из Министерства обороны?

— Да, есть!

— Когда и на каком транспорте отправляться?

— Сегодня ночью. В двадцать четыре ноль-ноль быть на Белорусском вокзале.

Сборы были недолгие. В моем распоряжении оставался еще часок свободного времени. На душе радостно, и я решил прогуляться. Шагал по шуршащим листьям и мыслью уносился в те далекие края, что навечно «прописаны» войной в моем сердце. Каковы они, перемены, происшедшие на немецкой земле за минувшие годы?

...Почти тридцать пять лет со дня Победы! Сколько великих и малых событий свершилось за эти годы, а в сознании твоем они промелькнули, будто один день! Куда только не бросала тебя после войны армейская служба! Москва, Академия Генерального штаба, потом Забайкалье, Армения, Грузия. А теперь, как говорят моряки, ошвартовался в Подмосковье, где более десяти лет командую знаменитыми Высшими офицерскими курсами «Выстрел».

И вот столь же приятное, сколь и волнующее путешествие в ГДР, к рождению которой ты тоже причастен.

Поезд Москва — Берлин взял курс на запад. Всматриваюсь в ночную мглу за окном, и тут же нахлынул рой воспоминаний.

...Апрель 1945 года. Берлин. Кровопролитные бои на окраине. Путь нашей танковой бригаде преграждают отряды эсэсовцев, пылающие баррикады. Но мы пробиваемся вперед, только вперед! Каждый из нас, танкистов, чувствовал, что войне скоро конец, хотя враг бешено сопротивлялся и потери в бригаде достаточно велики. Изрядно поредели и ряды мотопехоты.

После долгих попыток мне наконец удалось связаться с командиром корпуса генералом Новиковым. Я сперва требовал, а потом умолял прислать подкрепление. Но генерал стоял на своем: «Всеми наличными средствами — вперед!» На рассвете 27 апреля я еще раз позвонил Новикову. Василий Васильевич выслушал меня и не сразу, глухим голосом, ответил:

— Несколько минут назад убит мой сын Юрий. Его тело у меня на КП...

Я содрогнулся, хотя за годы войны повидал много страшного. Захотелось хоть как-нибудь утешить любимого командира, но понимал — слова ни к чему. Положил трубку и больше не надоедал своими просьбами этому мужественному человеку, который еще в пору гражданской войны сражался под знаменем Первой конной и еще тогда был награжден двумя орденами Красного Знамени. Позже он связал свою судьбу с танковыми войсками. Сыновья пошли по стопам отца. Дмитрий, капитан, был ранен на подступах к Берлину, а Юрий, заместитель командира танко-самоходного полка, погиб в самом городе, на глазах у отца.

Тяжко, очень тяжко терять родных и близких на войне, но особо тяжело нести эти потери на пороге Победы!

...Прошло еще несколько часов. И снова щемящая сердце боль утраты друга, человека, который шагал рядом с тобой и погиб в самый канун великого торжества нашего правого дела. Утром 27 апреля погиб Андрей Малanушенко, замечательный политработник, храбрый офицер с душой поэта. В кармане его гимнастерки хранилось зачитанное до дыр письмо. Мать сообщала сыну, что фашисты угнали в Германию его жену и двоих детей, что жена, учительница, сейчас работает уборщицей в берлинской киностудии. Мой друг не раз читал мне это письмо. Заканчивалось оно призывом: «Андрюша, освободи свою семью от извергов».

И Андрей пробивался к жене и детям: бросался в самое пекло, ходил в разведку, первым форсировал Тельтов-канал, с головной ротой выскочил на шоссе Потсдам — Берлин. Здесь его ранило, и я предложил ему уйти в тыл.

— Что угодно, только не это, — упрашивал он. — Разве можно уйти сейчас из батальона! Ведь совсем рядом моя семья...

Да, рядом, но он не дошел до нее. Смертельная пуля настигла Андрея в двухстах метрах от киностудии...

Вскоре бригада пересекла Вильгельмштрассе и захватила олимпийский стадион. Открылась панорама города, охваченного огненными смерчами. Казалось, что в Берлине уже ничто живое не уцелело. Но это было не так. Затравленный враг шел на любые ухищрения, приходилось сочетать решительность с осторожностью, мудрость с отвагой. Нелегко было выискивать невидимого врага, выковыривать его из хитро устроенных нор.

27 апреля в 12 часов дня свершилось то, чего мы все давно ждали. Неподалеку от олимпийского стадиона соединились два фронта: 1-й Украинский и 1-й Белорусский. Внутреннее кольцо окружения Берлина накрепко сомкнулось.

Это произошло так. Еще не рассеялся утренний туман, как разведка моей бригады наскочила на заводскую железнодорожную насыпь. По ту ее сторону мы обнаружили необычайно подвижное и достаточно дерзкое подразделение. «Вроде бы свои,— сказал командир.—Погодите, не стреляйте». А «свои» выжидающе молчали. Но потом для выяснения обстановки они выпустили пару минометных мин поверх голов танкистов. Кого-то осколок мины царапнул, и тот ответил крепким русским словцом. И вдруг со стороны стрелявших послышалось радостное «Ура!». Солдаты бросились друг к другу с раскрытыми объятиями. Через несколько минут передо мной стояли командиры батальонов 35-й механизированной бригады 1-го механизированного корпуса 1-го Белорусского фронта майор Протасов и капитан Туровец. В воздух взлетел фейерверк ракет. Чуть позже я узнал, что в штабе мехкорпуса с такой же радостью встретили и наших посланцев. А под вечер, уже «тепленькие», они попали на «допрос» к самому командующему — П. С. Рыбалко. Обмен «пленными», братание воинов двух фронтов прошли на высшем «дипломатическом» уровне. Я тотчас же доложил о долгожданной встрече генералу Новикову, веря, что мои слова облегчат его горе.

Ночью 2 мая наши артиллеристы и танкисты подавили последние очаги сопротивления немцев.

...Рейхстаг. Колонны его испещрены автографами воинов-победителей. Один из автографов привлек наше внимание.

...«Мы будем в Берлине!» — вспомнились эти слова лейтенанта Петра Москалева из моего батальона, сказанные им под Смоленском в тяжком 1941 году. И вот читаю на одной из колонн: «Петр Москалев». Дошел! Может,

МОСКВ

и не он, может, другой Москалев. Но главное не в этом — МЫ ДОШЛИ!

...Однако пора вернуться в вагон поезда, следующего в Берлин. Хочу рассказать о его пассажирах. С Алексеем Семеновичем Бурдейным мы учились вместе в Академии Генерального штаба. Его отличали собранность, отличные военные знания, высокая культура. С генералом Котиковым наши пути скрещивались когда-то в Берлине. Немцы очень уважали коменданта своей столицы за гуманность, доброту, культуру. Генерал вложил много труда в восстановление разрушенного города. Соседом по купе оказался лауреат Ленинской премии, известный скульптор Л. Е. Кербель. Его памятники Карлу Марксу возвышаются у нас в столице на площади Свердлова и в ГДР, в городе Карл-Маркс-штадте.

Всех нас особо радовало, что делегацию возглавляет легендарный Василий Иванович Чуйков. Я знаю его давно, встречался с ним и на фронте и после войны, на учениях, совещаниях, на съездах партии, Пленумах ЦК КПСС. Сейчас, в пути, он был весел, жизнерадостен, шутил — никак не скажешь, что ему восемьдесят. Маршал все время был в приподнятом настроении. И это понятно — Чуйков ехал туда, где после войны проработал более десяти лет. С его именем в ГДР связывают не только победу над фашизмом, но и восстановление страны, образование на немецкой земле рабоче-крестьянского государства.

Люди, много повидавшие и испытавшие на своем веку, встречаясь, естественно, то и дело обращаются к прошлому: «А помните?..» Да, все помнится, ничто не забыто. Глядя в окно поезда, мчавшегося в Берлин, я не мог не вспомнить другой маршрут — из Берлина в Москву, на парад Победы...

...Весна 1945 года. Для нашей бригады, выведенной в район временной дислокации — севернее Праги,— как и для всех советских войск, началась мирная жизнь, если эти слова вообще применимы к солдатам. Зазвенели пилы, застучали топоры: в лесу вырастал солдатский лагерь. Проводили политические занятия, занимались строевой подготовкой, несли внутреннюю службу, ремонтировали технику и вооружение. А по вечерам из окрестных деревень и поселков стекалась молодежь: вместе с нашими солдатами и девчатами они плясали, пели, смотрели кинофильмы «Чапаев», «Щорс», «Два бойца», «Секретарь райкома»...

Как-то в субботу, когда я собирался в пражский театр послушать «Проданную невесту», раздался звонок. У аппарата командир корпуса: «Тебя вызывают к Рыбалко». Я встревожился: «По какому поводу?» Василий Васильевич мялся и явно что-то недоговаривал: «Подробности не знаю, скажу одно — тебе предстоит сдать бригаду и выехать в Москву». Меня такое сообщение ошарашило: «Как же оставить бригаду? Прошу вас, не делайте этого». Новиков смягчил тон: «Не надолго. В такую командировку я бы пешком пошел. Не забудь: надо быть у командарма в десять часов утра».

...Павел Семенович Рыбалко встретил меня радушно. Тут же в полном составе Военный совет армии — Мельников, Бахметьев, Капник, Никольский и многие другие. Командарм вместе с орденом Суворова вручил мне письмо Михаила Ивановича Калинина — таков был хороший порядок, заведенный в годы войны при вручении полководческих орденов.

После рукопожатий, поздравлений пошел разговор о разном. Но ни слова о командировке, в которую генерал Новиков готов был «пешком пойти». Я терялся в догадках. И вдруг в гостиной наступила тишина. Командарм несколько торжественно объявил: «Военный совет армии решил направить вас в Москву на парад Победы. Вы будете возглавлять танкистов нашей армии. Как смотрите на это?»

И вот бывает же так. То, что произошло тогда, до сих пор вызывает во мне чувство стыда за себя. Видно, и впрямь люди глупеют от неожиданного счастья, свалившегося на них. Никогда я не замечал за собой чванства, склонности пококетничать, а тут вдруг брякнул: «Боюсь, без меня в бригаде такое начнется...» Рыбалко укоризненно поглядел на меня и сказал:

— Не набивайте себе цену. Вы же говорите одно, а думаете другое. Дмитрий Дмитриевич,— обратился он к начальнику штаба армии,— на всякий случай вызовите Якубовского, Слюсаренко, Шаповалова, Архипова... Может, и вправду оставим Драгунского, а то еще развалится бригада? — И, улыбаясь, добавил:— Неужели за все годы войны она была плохо спаяна?

Ох, и ругал же я себя в ту минуту! Вид у меня был, наверное, жалкий. Я не смел поднять глаза, чувствовал, что лицо и уши горят, как у нашкодившего школьника. В руках нервно вертел орденскую коробочку, а перед глазами стоял какой-то туман. «Эх, ты! — думал я.— Такое счастье упустил... Гордыня заела. Зазнайство...» Выручил Мельников, видимо, он понял мое состояние, понял, что я сболтнул не подумавши.

— Павел Семенович,— сказал он Рыбалко,— что же тут худого, если командир о людях печется. Дел у них сейчас много. Мне кажется, не стоит менять кандидатуру...

Мельникова поддержал Бахметьев:

— Разрешите, Павел Семенович, я пройду с Драгунским в штаб, и там все вопросы решим.

Ободренный, я воспрянул духом. Затеплилась надежда. Рыбалко подошел ко мне и спросил: «Ну что?»

— Извините, товарищ командующий, сам не знаю, как это у меня вырвалось. Даю слово, что не посрамим земли русской.

— Вот это настоящий разговор. Идите с Дмитрием Дмитриевичем, готовьтесь... Завтра к вечеру с сотней молодцов быть в Дрездене. Да смотрите, перед Коневым не подкачайте!



Берлин. 7 октября 1979 года. Эрих Хонеккер в кругу советских гостей. Фото С. Гурария

...В одном из уцелевших военных городков Дрездена на огромном плацу бывшего юнкерского училища застыли батальоны сводного полка Первого Украинского фронта. Ожидали прибытия на генеральный смотр командующего фронтом. Волновались. Но больше всех, пожалуй, — я, полковники Зайцев и Демидов. Настроение нам испортил начальник штаба фронта генерал армии Иван Ефимович Петров. Накануне, формируя батальоны и роты, определяя наши места в общем строю, Иван Ефимович высказал неудовольствие мне, полковнику Зайцеву и полковнику Демидову — представителю кавалеристов. Со свойственной ему солдатской прямотой Петров во всеуслышание заявил: «Вам троим придется уехать. Не подходите по росту. Приказано отбирать гвардейцев ростом не меньше ста семидесяти двух сантиметров. А у вас сколько?» Услышав, что мы, увы, далеки от этой нормы, он покачал головой, поправил пенсне и, видимо, не решаясь без Маршала Конева отправить нас, отложил этот вопрос на решение командующего. Во всяком случае, настроение было испорчено, и вместе с моим другом, командиром танковой бригады Зайцевым и товарищем по несчастью Демидовым мы ждали решения Конева.

Что верно, то верно — по росту в сравнении с другими кандидатами на парад мы выглядели не лучшим образом. Сводным полком командовал высокий, стройный и подтянутый генерал Бакланов. Батальон пехотинцев возглавлял рослый красавец генерал Иванов. Во главе артиллеристов — генерал Волкенштейн, отличавшийся и ростом и выправкой. Покрышкин, стоявший на правом фланге сводного батальона летчиков, также отвечал всем требованиям Генерального штаба. И только мы трое подкачали.

Во время ужина, как и следовало ожидать, посыпались шутки. Волкенштейн предлагал передать мне свои «лишние» сантиметры. Покрышкин советовал срочно сшить сапоги с высокими каблуками; давались и другие советы, вплоть до того, как увеличить рост за одну ночь.

Утром наступили минуты строгого смотра. Конев в сопровождении начальника штаба, командира сводного полка медленно проходил вдоль фронта, останавливался перед каждым батальоном, здоровался, пристально всматривался в лица солдат и офицеров,— многих он знал лично. Очередь дошла до нас. Сердце мое билось учащенно. Я представил танкистов сводного батальона. У маршала было приподнятое настроение, он улыбался, шутил и остался доволен внешним видом танкистов. И тут я услышал, как Петров произнес: «Товарищ Маршал, каково будет ваше решение?» Мне сразу стало ясно: Конев уже информирован о трех «недомерках». Командующий в упор посмотрел на меня, перевел взгляд на Зайцева и вдруг широко улыбнулся.

— Иван Ефимович, оставим их командовать. Ребята подтянутые, стройные, а что ростом не вышли, так это не их вина. Рыбалко тоже такой же, да и Новиков, командующий бронетанковыми войсками фронта, недалеко от них ушел. Когда эти командиры бригад первыми входили в Берлин, в Прагу, мы не мерили их рост. Ну и к тому же им в строю не стоять, а впереди шагать. Сойдут. А вы посмотрите на них — не мундиры, а иконостасы...

Я не мог сдержать радостной улыбки. Как только Конев отошел от нас, послышался голос Покрышкина: «Ну, каково решение?» «Порядок! На этот раз обойдемся без высоких каблуков...»

Ночью меня вызвал начальник штаба фронта:

— Командующий назначил вас начальником эшелона. На вас возлагается задача организованно и без всяких происшествий доставить подразделения сводного полка в Москву.

— Постараюсь, товарищ генерал, чтобы был должный порядок.

А-БЕРЛИН-МОСКВА...



С ЛЕЙКОЙ И БЛОКНОТОМ

С первого до последнего дня Великой Отечественной войны я был военным фотокорреспондентом ТАСС на разных фронтах. Посылаю несколько снимков из своего архива.

Может быть, отзовутся те, кто изображен на снимках, или их родные.

Е. КОПЫТ

Винница.



Не помогла фашистам «подкова счастья». Эта фотография была опубликована в «Огоньке» в годы войны.



Белоруссия. Освобожденные из фашистской неволи возвращаются домой.

— Что вы понимаете под «должным порядком»?

Веселое настроение не покидало меня, и я выпалил: «Танковый порядок...»

Спустя почти 35 лет мы едем на другой парад, тоже победный. И нити к нему тянутся от того исторического московского парада Победы, состоявшегося 24 июня 1945 года.

* * *

Берлин встретил нас ярким солнцем, цветами, оркестрами, многоголосьем тысяч людей, скандировавших: «С Советским Союзом — навеки вместе». В тот же день немецкие друзья показывали нам свой город. Вместо бывших Вильгельм- и Кайзерштрассе — новые названия. Едешь по улицам, и в их названиях встает история международного и немецкого революционного движения, история борьбы за светлое завтра.

Я бы погрешил против истины, если бы сказал, что только смена названий улиц мешала мне узнавать места, где приходилось в сорок пятом вести завершающие бои с фашизмом. Новостройки, своеобразная архитектура Берлина решительно изменили его облик.

Гордость столицы ГДР — Дворец Республики. Здесь и собрались 6 октября 1979 года те, кто закладывал фундамент первого на немецкой земле демократического и миролюбивого государства рабочих и крестьян, кто изо дня в день трудится над его укреплением. Громом аплодисментов приветствуют они советскую делегацию, возглавляемую товарищем Л. И. Брежневым.

С большой теплотой и сердечностью зал встречает и делегацию советских ветеранов войны во главе с Маршалом Советского Союза В. И. Чуйковым. Я смотрю на Василия Ивановича и вспоминаю исторический день октября 1949 года, когда он в пригороде Берлина Карлхорсте, в том самом зале, где 8 мая 1945 года генералы и фельдмаршалы разгромленного фашистского вермахта подписали акт о безоговорочной капитуляции, по поручению Советского правительства объявил Председателю Временной Народной палаты ГДР Иоганнесу Дикману и Отто Гротеволю, которому Народная палата поручила формирование Временного правительства ГДР, что советская военная администрация передает функции управления страной Временному правительству ГДР.

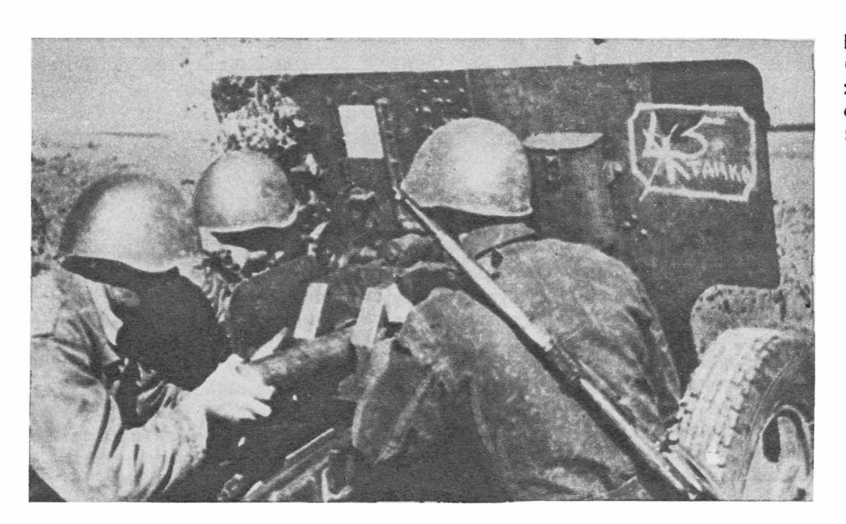
Тот исторический день и стал днем рождения ГДР. Сегодня здесь, во Дворце Республики, мы вместе с немецкими друзьями отмечаем ее тридцатилетие.

На трибуне — Леонид Ильич Брежнев. Спокойно, уверенно он держит речь, излагает советскую Программу мира, сообщает о новых предложениях по разоружению. Мне трудно передать восторженно-бурную реакцию зала на эту речь. «Фройндшафт!», «Мир!», «Фриден!» — возгласы неслись со всех концов.

«...Мы, по согласованию с руководством ГДР и после консультаций с другими государствами — участниками Варшавского Договора, приняли решение сократить в одностороннем порядке численность советских войск в Центральной Европе. В течение следующих 12 месяцев с территории Германской Демократической Республики будут выведены до 20 тысяч советских военнослужащих, тысяча танков, а также определенное количество другой военной техники.

Мы уверены, что это новое конкретное проявление миролюбия и доброй воли Советского Союза и его союзников будет одобрено народами Европы и всего мира. Мы призываем правительства стран НАТО должным образом оценить инициативы социалистических государств и последовать нашему доброму примеру».

Вот уже прошло несколько месяцев с тех пор, как эти слова Леонида Ильича Брежнева прозвучали во Дворце Республики в Берлине, а на Западе не только не утихает волна милитаристского угара, но даже усиливается. НАТО



На Курской дуге. Подбит еще один вражеский танк. Снимок сделан в районе станции Поныри.





На Берлин!



Берлин, 8 мая 1945 года. Этих французов освободила из плена Советская Армия. «Закуривай, камарад!»

готовится к тому, чтобы превратить Европу в стартовую площадку для новых и разных ракет.

...В один из дней юбилейных торжеств в Берлине состоялся военный парад — убедительное свидетельство того, что у республики имеется чем защищать свои завоевания. С трибуны я пристально всматривался в лица шагавших в четком строю офицеров, я знал, что среди них есть и те, кто учился военному мастерству на курсах «Выстрел». Словно перехватив мой взгляд, министр обороны Гейнц Гофман (летом этого года он побывал на наших курсах) улыбнулся и сказал:

— Да, да. Там есть ваши питомцы!

— Отлично подготовленные офицеры,— добавил заместитель министра У. Штехбарт.

Это же он счел нужным заметить и тогда, когда представлял меня товарищу Эриху Хонеккеру.

Мне, конечно, было приятно услышать благодарность руководителя ГДР, приятно узнать, что авторитет курсов «Выстрел» высок не только в Советских Вооруженных Силах, но и в армиях социалистических государств, что Высшие офицерские курсы «Выстрел» готовят надежных защитников мира.

Наше старейшее военное учебное заведение со дня своего основания поддерживало контакты со многими видными деятелями международного коммунистического и рабочего движения. В 1922 году Вильгельм Пик вручил курсам Красное знамя Коминтерна. В разные годы курсы «Выстрел» посетили Георгий Димитров, Клара Цеткин, Пальмиро Тольятти, Сэн Катаяма, Васил Коларов, Бела Кун.

Эрнст Тельман был почетным слушателем наших курсов. На заседании Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в 1926 году представители курсов вручили ему военную форму. Здесь учились и учатся многие офицеры социалистических стран. Год от года крепнут наши интернациональные связи.

...Быстро пролетели юбилейные праздники. Гостеприимные хозяева предоставили нам возможность отдохнуть, посетить памятные места и встретиться со своими друзьями в Германии. А их за последние десятки лет у каждого из нас появилось немало.

...Машина мчится на юг страны. Еду в одну из танковых частей. Наконец-то представилась возможность посмотреть, как выглядит новое поколение танкистов, наша смена. На боевом знамени части — ордена.

«Добро пожаловать!» — световой транспарант виден далеко на подступах к военному городку. Слышен встречный марш. На плацу выстроены танкисты. Команда «Смирно!», и молодой, я бы сказал, еще юноша, подполковник докладывает о готовности части к выполнению задачи.

Через час в красиво убранном зале Дома офицеров собрались солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры, их жены и дети. Танкисты рассказывали о своих ратных делах.

Вместе с немецкими друзьями мы посетили Лукенвальде, Барут... Машина остановилась у самого кладбища близ Барута. Это кладбище-мемориал. Оно дорого и памятно нам. После войны здесь был построен своеобразный открытый пантеон, где захоронены танкисты, погибшие в последние дни войны уже в районе Берлина. Их было немало. Среди них и воины нашей бригады. Молча стояли мы у их могилы.

...Тепло провожал нас Берлин. И привокзальная площадь и перрон Восточного вокзала заполнены людьми. Последние минуты прощания. И вдруг взметнулась в воздух знакомая мелодия песни «День Победы». Запела ее немецкая девушка, а затем, подхваченная десятками голосов, песня эта широко разливалась, набирала силу. И торжественно звучали полные глубокого смысла слова:

Были версты, обгорелые, в пыли,—
Этот день мы приближали как могли...

Наш поезд Берлин — Москва набирал скорость под звуки этой песни.

ГОТОВНОСТЬ К ПОДВИГУ



Генерал армии А. ЕПИШЕВ, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота

Когда мы хотим отметить самое главное, что делает благородным облик советского воина, то обычно говорим: готовность к подвигу. Говорим так потому, что в этих лаконичных словах находят выражение беспредельная верность воинов ленинской партии, народу, их нравственная прочность, боевая выучка, воля, мужество.

Готовность к подвигу — это, можно сказать, формула социальной и боевой активности советских воинов, формула служения социалистическому Отечеству. Повинуясь священному долгу, они на всех этапах развития Советского государства отстаивали его мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни.

На торжественных собраниях, молодежных вечерах, встречах с ветеранами войн, которые сейчас проводятся в ознаменование 62-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота, рабочие, колхозники, представители интеллигенции отмечают боевую доблесть полков молодой Красной Армии, громивших иностранных интервентов и белогвардейцев. Советские люди чествуют подвиг Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны, когда за мужество и отвагу в борьбе с фашистскими захватчиками более 7 миллионов человек были награждены орденами и медалями.

В массовом героизме воинов, проявленном в битвах с агрессорами, нашли свое выражение их коммунистическая идейная убежденность, стремление отдать все силы и знания ради свободы и независимости социалистического Отечества. Всех нас, ветеранов и молодежь, волнуют строки книги товарища Л. И. Брежнева «Малая земля», повествующие о боевой доблести рядовых и их командиров, коммунистов и комсомольцев. «Какие же это богатыри духа! — пишет Леонид Ильич Брежнев. — Какая неброская, но неистребимая любовь к Родине, какая жажда защитить ее...».

В наши дни все реже можно встретить бойцов, которые дрались за власть Советов под Царицыном и на Каховском плацдарме, брали с боем Перекоп и Волочаевку. С каждым годом все меньше остается в боевом строю героев, защищавших Ленинград и Севастополь, громивших гитлеровцев под Москвой и на Курской дуге, форсировавших Днепр, сокрушивших врага там, откуда он пришел,— в Берлине. Однако героическая слава всех, кто пронес свою верность социалистическому Отечеству через горнило жестоких испытаний, живет и будет жить в делах и поступках современников, в делах и поступках воинов.

Конечно, советский воин семидесятых в чем-то отличается от своих старших товарищей. Он не знаком с трудностями военного лихолетья, вырос в достатке, более образован. Достаточно сказать, что ныне практически все солдаты, матросы, сержанты и старшины имеют среднее или неполное среднее образование. Но, как и ветераны битв за свободу и независимость нашего Отечества, они считают свой ратный труд составной частью общенародного дела строительства коммунизма, учатся быть всегда на высоте задач времени. А задачи эти сегодня сложны и ответственны.

Под руководством ленинской партии советский народ превратил страну в могучую, процветающую державу, построил общество развитого социализма. Празднование 62-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота проходит в обстановке огромного трудового энтузиазма, вызванного решениями ноябрьского (1979 г.) Пленума ЦК КПСС, второй сессии Верховного Совета СССР, выступлением на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Советские люди, выполняя решения XXV съезда КПСС, уверенно идут вперед на всех участках коммунистического созидания, достойно встречают 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина.

Выдающимися успехами отмечена внешнеполитическая деятельность КПСС, Советского государства. Вместе с братскими странами социализма Советский Союз настойчиво добивается укрепления позиций разрядки.

* * *

К сожалению, как отметил в своих ответах на вопросы корреспондента «Правды» товарищ Л. И. Брежнев, международная обстановка в последнее время заметно осложнилась. Под давлением Вашингтона воинствующие круги НАТО взяли опасный курс на «модернизацию» ядерного потенциала. Западная Европа начиняется новыми американскими ракетами средней дальности.

Агрессивность своей внешней политики нынешняя администрация США пытается «обосновать» вздорными вымыслами об СССР, и в частности о советской помощи Афганистану. Но каждому здравомыслящему человеку ясны подлинные причины лицемерной кампании лжи вокруг событий в этой стране. Классовый враг беснуется потому, что его планы лишить дружественный нам Афганистан свободы и независимости, превратить его в плацдарм империализма на южной границе Советского Союза потерпели провал.

Перед лицом военной опасности наша страна вынуждена совершенствовать свою оборону, повышать боевую мощь армии и флота, боевую готовность частей и кораблей. В высшей степени справедливо противопоставить проискам империалистической реакции, а также китайских гегемонистов несокрушимую волю и стремление выполнить конституционные обязанности защитника социалистического Отечества, выполнить так, чтобы у агрессора не осталось ни малейшего сомнения в том, что он не уйдет от ответа, если развяжет войну.

Воины армии и флота располагают сегодня всем необходимым для надежного обеспечения безопасности Родины: современным оружием и боевой техникой, высокой политической сознательностью, специальной выучкой, морально-психологической закалкой. Они несут службу с пониманием высокой миссии, возложенной на них партией, народом, с готовностью в любую минуту постоять за великое дело коммунизма.

С большим напряжением трудятся советские воины в новом учебном году. Их патриотическое стремление выражается в огромном размахе социалистического соревнования за достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Девиз соревнования «Свято выполнять ленинские заветы, совершенствовать боевую и политическую подготовку, повышать бдительность, быть всегда готовыми к защите Родины, великих завоеваний социализма» побуждает личный состав частей и кораблей настойчиво овладевать сложной техникой и оружием, вырабатывать в себе качества, необходимые для победы в бою. Правофланговыми в соревновании идут ракетчики части, которой командует подполковник М. Колосов, мотострелки-гвардейцы во главе с подполковником Л. Ковалевым, воины зенитного ракетного полка, где командиром подполковник Г. Климентов, авиаторы полковника Г. Трезнюка, моряки большого противолодочного корабля «Петропавловск», которым командует капитан 3-го ранга А. Кузьмин.

Готовность советских воинов к подвигу во имя безопасности Родины развивается на учениях, в походах и полетах, крепнет у пультов ракетных комплексов, за рычагами боевых машин, у индикаторов радиолокационных станций, в кабинах реактивных самолетов, в отсеках боевых кораблей. Известная истина, говорящая, что солдатами не рождаются, а становятся, постигается молодым человеком в ходе всей службы, которая закаляет характеры, испытывает их на прочность.

Стало нормой образа жизни армии и флота, когда воины проявляют силу воли, героизм при разминировании, ликвидации старых боеприпасов, выручают друг друга в минуту опасности во время прыжков с парашютом, первыми оказывают помощь людям, попавшим в беду. За последние годы многие тысячи военнослужащих награждены орденами и медалями за успехи в боевой и политической подготовке, за мужество, проявленное на учениях, в походах, полетах.

Своей исключительной государственной важностью, насыщенностью учебой два или три года, проведенных в армейском или флотском строю, оказывают огромное воздействие на сознание, чувства и волю молодого человека. Стало обычным, когда отец и мать, встречая сына, вернувшегося из армии, восхищаются переменами в его характере.

Если попытаться выделить те факторы, которые делают службу в Советской Армии и Военно-Морском Флоте подлинной школой жизни и возмужания молодых людей, то можно отметить следующее. Прежде всего это высокое историческое предназначение наших Вооруженных Сил. Они выступают надежным гарантом безопасности строительства новой жизни на советской земле, оплотом мира во всем мире. Осознание воинами высокой от-

---

— На стартовой позиции — тактическая ракета * Боевые машины пехоты готовы к маршу.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Высадка десанта * На морских учениях * Хлеб-соль дорогим нашим воинам * Перед вылетом на задание * Ракета к пуску готова.

Фото Е. УДОВИЧЕНКО и Л. ЯКУТИНА.

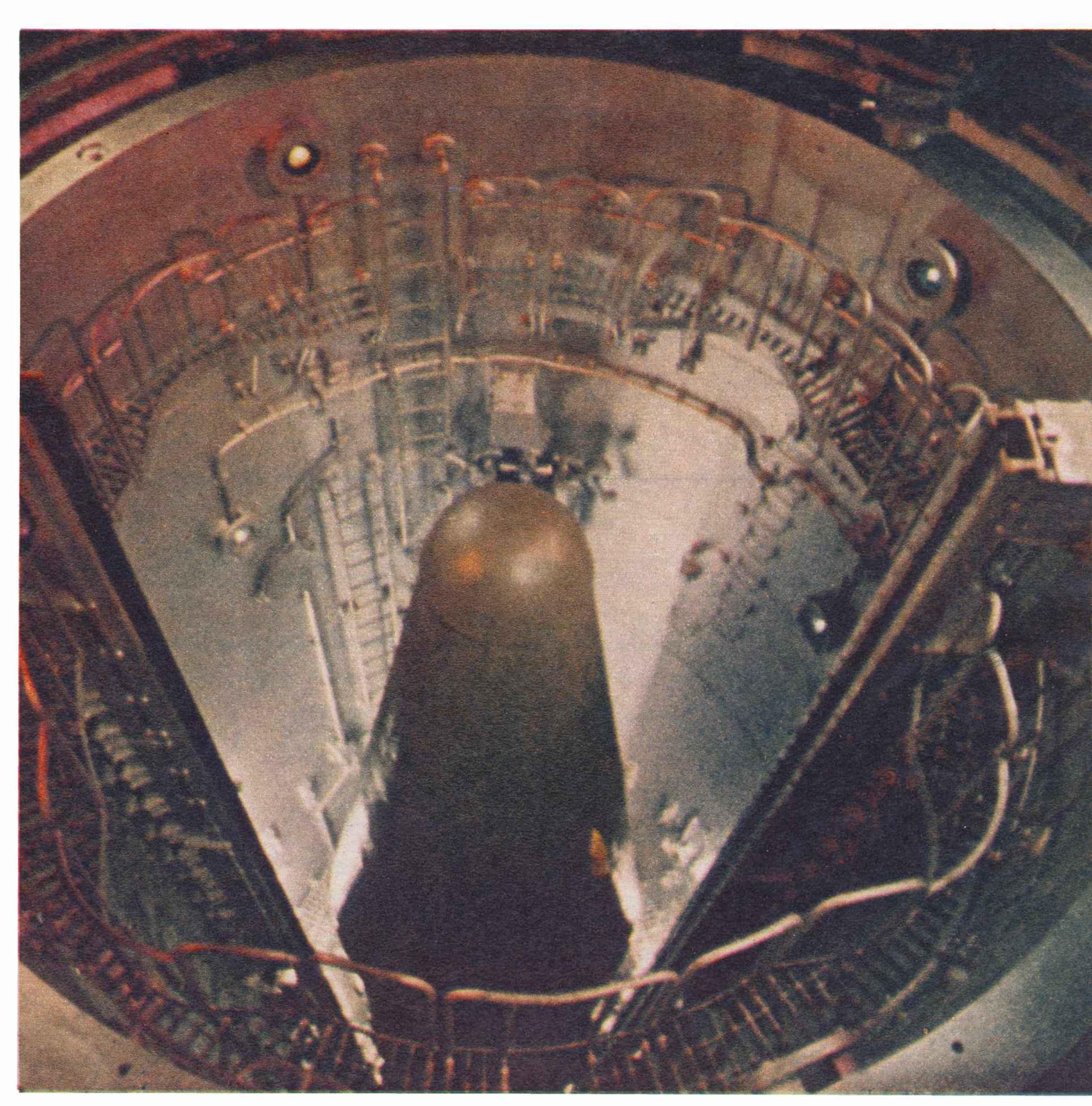
(«Журнал «Советский воин»)

646


170


529







ветственности за мирную и счастливую жизнь страны, того, что они служат интересам советского народа, оказывает решающее воздействие на формирование духовного облика, политической сознательности молодого человека.

Когда мы говорим о воспитательной силе службы в Советской Армии и Флоте, то имеем в виду, во-вторых, их общенародный характер. В строю защитников Родины плечом к плечу стоят представители дружественных классов и социальных слоев, братских народов страны. Все военнослужащие — начальники и подчиненные, рядовые и командиры — выходцы из рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции. Они пользуются одинаковыми политическими и социальными правами, имеют равную возможность продвижения по службе. Месяцы общей работы, общей ответственности перед Родиной воспитывают и сближают характеры, совершенствуют взаимоотношения людей.

В-третьих, это целеустремленная партийно-политическая работа командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций. Можно с полным правом утверждать, что на протяжении службы юноши, надевшие армейские и флотские шинели, обогащают свои политические знания, расширяют культурный кругозор, растут духовно. За два-три года они овладевают солидным курсом общественно-политических знаний, включающим вопросы истории Советского государства и его Вооруженных Сил, внутренней и внешней политики КПСС, актуальные проблемы укрепления обороны страны, развития международных отношений. Выполняя постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», командиры и политработники заметно улучшили информирование личного состава о жизни страны и событиях на международной арене, о задачах, стоящих перед войсками. При этом активно используется мощный комплекс средств массовой пропаганды и информации, который находится в распоряжении политорганов. Ныне в каждой роте и равном ей подразделении имеются радио, телевизор. В среднем каждый воин является подписчиком 1—2 газет, журналов.

Четвертый фактор связан с научно-техническим прогрессом. Сама по себе новейшая техника, находящаяся сегодня в руках воинов, властно требует формирования у человека ответственности за порученное дело, высокой специальной выучки, творческого мышления, развития интеллектуальных и физических способностей.

И еще один фактор. Речь идет о самой военной организации, требующей от своих членов особой четкости, исполнительности, выдержки, быстроты. Строго регламентированные советскими законами, уставами и приказами жизнь и быт личного состава части, единство командирской требовательности и заботы о людях благотворно влияют на воспитание дисциплинированности, подтянутости, собранности.

Каждый из названных факторов, понятно, воздействует на формирование облика советского воина в органическом единстве с другими. Командиры и политработники комплексно строят все дело обучения и воспитания. Они добиваются, чтобы боевая учеба и партийно-политическая работа, быт и отдых обеспечивали идейную и нравственную закалку воинов, развивали их профессиональное мастерство, нравственность, дисциплинированность, воспитывали мужество и стойкость.

Тысячи молодых советских патриотов, прошедших в Вооруженных Силах школу мужества, выдержки, дисциплины, ежегодно пополняют ряды рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции. Армейская и флотская закалка позволяет им успешно трудиться на всех участках коммунистического строительства, быть всегда готовыми выполнить священный долг защитника Родины.

62 года надежно оберегают революционные завоевания Октября, созидательный труд нашего народа Вооруженные Силы Страны Советов. Важнейший элемент их боевой мощи — постоянная боевая готовность, готовность воинов к подвигу во имя торжества коммунистических идеалов.

Алексей ГОЛИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

С наступлением темноты немцы прекратили атаки. Стрельба утихла. Только по переправе через Волгу изредка, на ощупь бил фашистский шестиствольный миномет. В Сталинград я прибыл из штурмового авиационного полка для уточнения целей на участке обороны стрелковой дивизии пограничных войск. Обескровленная тяжелыми боями дивизия с превеликим трудом сдерживала натиск противника.

В штабной землянке, недавно вырытой под прикрытием волжского берега, еще чувствовался смолистый аромат свежерубленых бревен, несмотря на кислый дух влажных шинелей и уже застоявшегося табачного дыма. Я прикорнул на деревянном топчане, возле печки, сделанной из железной бочки. Девушка-солдат кипятила на печке чайник. У нее из-под пилотки смешно торчали две коротенькие косички, а на груди блестела медаль «За отвагу».

Посреди землянки за столом склонились над картой командир дивизии полковник Сараев и комиссар Кузнецов. Оба немолодые, сухощавые, подтянутые, кадровые военные с орденами, полученными еще в гражданскую.

— Хоть потери у нас большие, но за день нигде не попятились,— по-волжски окая, говорил полковник.

— А куда пятиться? Спиной-то к Волге-матушке прислонились,— отвечал комиссар.— Завтра опять танки двинет, а противотанковых средств в дивизии едва треть осталась. Если не считать бутылок с горючей смесью.

— Бутылки, бутылки! — вздохнул полковник.— Мне сегодня один солдат говорит: «С такой поллитрой пехотинцу против танка, конечно, все не с голыми руками. Но если по-серьезному воевать, то пушки надо». Ох, прав солдатик! Нам бы сейчас с тобой, комиссар, истребительный противотанковый артиллерийский полк. Ну, это, конечно, из области фантазии, а вот одну батарею обещали из-за Волги прислать. Жду ее как манны небесной. Адъютант на переправе встречает: вот-вот прибудет.

Послышался гудок парохода, и полковник торжественно поднял руку: они, артиллеристы!

Действительно, скоро дверь отворилась, пахнуло речной сыростью, и в землянку вошли адъютант и младший лейтенант в новой, еще не обмятой шинели, скрипящих ремнях и стальной каске, надвинутой на глаза. Полковник, радостно улыбаясь, поднялся навстречу:

— Наконец-то, долгожданные...

Младший лейтенант остановился, не доходя до полковника два шага, как положено по уставу, и приложил руку к каске:

— Специальный отряд собак — истребителей танков прибыл в ваше распоряжение. Командир отряда младший лейтенант Покровский.

Радостная улыбка сползла с лица командира дивизии:

— Какой отряд собак?! А где же батарея? Мне командование обещало прислать противотанковые средства!..

— Мой отряд и есть противотанковое средство,— не отрывая руки от каски, отвечал младший лейтенант.

— Василий Иванович, ты слышал, что он сказал?— обратился полковник к своему комиссару.— Завтра у немецких танкистов черный день: всех уничтожим. А если нам еще Дурова с морскими львами пришлют... нет, лучше слонов, боевых слонов с золочеными бивнями, как у Гамилькара, и — вперед на Берлин!..

— Подожди, Петр Сергеевич, не огорчайся,— утешал полковника комиссар,— я слышал, под Москвой дрессированные собаки против танков успешно действовали. Да и все равно нам с тобой придется воевать теми средствами, которые прислали. Других-то, видимо, нет.

— Видимо, нет,— устало согласился полковник; поздоровался с младшим лейтенантом, попросил подождать, пока найдет подходящее место в обороне для действий специального отряда, и предложил напиться чаю.

Младший лейтенант подошел к печке, снял каску, которая придавала ему мужественный вид, и превратился в совсем юного паренька, румяного, голубоглазого, с ямочкой на подбородке. Девушка-солдат пододвинула табуретку.

— Благодарю вас,— сказал он и сел.

Затылок у него был кудрявый, а ниже, на шее, темнела глубокая, как бывает у детей, ложбинка. Чай он пил с удовольствием, усердно дул в жестяную кружку, смешно оттопыривая пухлые безусые губы.

— Товарищ младший лейтенант, как же ваши собаки танки уничтожают? — спросила девушка.

— Минами. Собаке к спине прикрепляем противотанковую мину с торчащей вверх длинной палочкой-взрывателем. Когда танк подойдет поближе, выпускаем собаку из окопа. Она бросается под танк, старается проползти у него под днищем, задевает взрывателем, и... готово!

— Трудно, наверное, собак к этому приучить?

— Нет! Просто вырабатываем у животного условный рефлекс согласно учению великого физиолога Павлова. Сначала голодную собаку приучаем находить мясо под днищем танка. На первых занятиях танк с работающим двигателем стоит на месте. На следующем — тихонько движется. Потом движется быстрее и стреляет. Так постепенно животное становится грозным оружием. Девушка, а как вас зовут?

— Клёпой, это уменьшительное от Клеопатры, уж такое плохое имя.

— Совсем нет — прекрасное. Клеопатрой звали царицу Древнего Египта. Она любила римского полководца Марка Антония. И представляете, какое совпадение: я — Антоний. Что, не верите? Меня так папа назвал. Он был историком и, вероятно, думал, что я отличусь на войне. Но Антонием он меня звал только в торжественных случаях или когда бранил за шалости. А обычно Тосей, и в школе все так звали. И вы так зовите, хорошо?

— Вы очень ученый, товарищ младший лейтенант, все знаете, а я только семилетку кончила.

— Ну, какой я ученый, лишь мечтаю стать натуралистом. Очень люблю животных. С шестого класса занимался в кружке юннатов при Московском зоопарке. Когда в комсомол меня принимали, ребята в классе еще сомневались: можно ли это общественной работой

считать? А значок «Юный натуралист» с собой на войну взял.

— Египетская Клеопатра была красивая?

Ответа я не расслышал — заснул, но почти сразу проснулся от низкого прерывистого гула немецких бомбардировщиков, яростной стрельбы зениток с того берега, тяжелых разрывов авиабомб. Гул самолетов приближался. Как всегда, отбомбив позиции дальнобойных батарей за Волгой, они шли к нам. А потом противный вой будто на голову падающей бомбы поглотил все остальные звуки в мире. Словно ледяными пальцами, он сжимал сердце, перехватывал дыхание, давил, расплющивал. Бомба упала близко. Нечеловеческая сила тряхнула землянку, свет погас, с потолка струйками потек песок, дверь слетела с петель, и стали видны черная осенняя Волга и над ней, словно белые луны, плывущие под парашютами осветительные бомбы, и рассекающие небо косые лучи прожекторов, и красные бусинки зенитных снарядов, точно догоняющие в воздухе друг друга, и багровые зарницы бомбовых разрывов, и установленный у самой воды счетверенный зенитный пулемет, брызгающий огненными струями трассирующих пуль.

В землянке все спокойно оставались на своих местах, и только Антоний, в ужасе закрыв лицо руками, уткнулся в колени девушки-солдата. Еще несколько бомб упало близко, но не так близко, как первая, и налет кончился. Дверь навесили, на столе полковника зажгли светильник, сделанный из гильзы малокалиберного зенитного снаряда. Его тусклый свет едва доходил до печки. В полумраке младший лейтенант держал Клеопатру за руку и со слезами в голосе говорил, что он жалкий трус, что вот она, девушка, не испугалась, а он...

— Нет, ты смелый,— утешила его Клеопатра.— Поверь, когда чуть бомба в землянку не угодила, все испугались: и полковник, и комиссар, и у меня душа в пятки ушла. Только никто вида не показал. К этому привыкнуть надо. Вон капитан Булочкин, из оперативного отдела, первый раз под бомбежку попал здесь же, в землянке, так с перепугу залез под топчан, на котором сейчас летчик лежит. А через два дня батальон в контратаку поднял, комбата-то убило. Ты, Тосенька, не переживай. Да никто ничего и не видел. Каждому только до себя было.— И она ласково гладила его по волосам.

Когда электрическая лампочка, дважды мигнув, снова загорелась, полковник подозвал к столу младшего лейтенанта.

— Со своим отрядом будешь действовать в составе полка майора Иванова. Это почти прямо перед моим КП. Адъютант проводит до места. Рассчитываем, что танковый удар по этому полку будет наименьший. Но танки пойдут, и у Иванова против этих танков будет только твой отряд. Стоять должен насмерть. Вот, собственно, все. Остальное уточнишь на месте. Если вопросов нет, выполняй!

У командира специального отряда вопросов не оказалось. Полковник и комиссар пожали ему руку, пожелали боевых успехов, и младший лейтенант повернулся налево кругом. Когда дверь за ним закрылась, полковник тяжело вздохнул:

— До чего горько вот такого мальчика с собаками на фашистские танки посылать.

— А кому не горько,— ответил комиссар,— всем горько, да воевать надо.

...На другое утро рассвет наступал медленно, словно нехотя. От Волги поднимался плотный туман. Смешиваясь с дымом пожарищ, он становился полосатым: то светлым, то темным — и, точно пологом, прикрывал поле боя. Немцы атаковали фланги дивизии, а в центре, где держал оборону полк майора Иванова и где находился я, лишь постреливали снайперы да изредка рвались мины.

Здесь же изготовился к бою и специальный отряд собак. Немолодой рыжеусый солдат-проводник сделал в стенке окопа площадочку для своего черного кудлатого барбоса по кличке «Казбек». Антоний укрепил на спине собаки противотанковую мину.

К Антонию подошел пехотинец с винтовкой за плечами, в испачканной глиной шинели. У него из-под пилотки белел бинт с темными пятнами крови.

— Разрешите обратиться, товарищ младший лейтенант,— сказал он, пряча в глазах хитрую усмешку.— Хочу спросить: нешто ваши собачки немецкие танки одолеют? Нам командир сказывал, что ноне война моторов. Так собачки супротив танков — достижение науки или пережиток?

— Собаки — истребители танков — грозное оружие,— покраснел от досады Антоний.

— Да вы не обижайтесь, товарищ младший лейтенант, что пехота сумлевается,— посерьезнел солдат.— Танки-то на нас пойдут.

— Пока жив, ни один танк здесь не пройдет. Честное комсомольское! — воскликнул Антоний.

— Ну раз так, то пехота на вас надежду будет иметь,— ответил солдат и зашагал по ходу сообщения.



В низинах еще курился туман, а небо постепенно прояснялось. Я уже хотел связаться со своим полком, как земля перед окопом вздыбилась в оранжевой вспышке. Тугой горячий воздух ударил в лицо, перехватил дыхание, швырнул на дно окопа. Я прижался к влажной глине и при каждом разрыве снаряда прижимался к ней все крепче, стараясь стать маленьким, плоским, незаметным.

Наконец обстрел кончился. Наступила тишина. В горле першило от едкого запаха взрывчатки. Рыжеусый солдат лежал убитый, наполовину засыпанный землей. Антоний с окровавленной щекой — видимо, задело осколком — держал за ошейник Казбека, гладил его, успокаивал. Вдруг собака насторожилась. Со стороны противника наплывал рокот танковых моторов. Он становился все явственнее, все громче.

Три немецких танка словно выплыли из тумана, прикрывающего небольшую лощинку. Два вырвались вперед, а третий, что шел прямо на нас, приотстал. Вслед за танками бежала немецкая пехота... И наши полуразрушенные окопы ожили. Сначала редко защелкали винтовочные выстрелы, потом заработал один станковый пулемет, потом другой — отсекая пехоту от танков, прижимая ее к земле.

Пехота залегла, а танки все шли. Их неуязвимость вселяла чувство беспомощности, обреченности... Вдруг под одним сверкнуло пламя, тяжело охнул взрыв. Танк развернулся, показав на борту черный крест, и замер на месте... Вслед за ним взорвался второй. Над нашими окопами прокатилось «Ура!».

— Это мой отряд действует! — крикнул Антоний.

Он посадил собаку на отрытую в стенке окопа площадку так, что голова животного высовывалась из-за бруствера.

— Танки, танки,— говорил Антоний.

Собака увидела танк, вся напряглась, стала рваться вперед. Но Антоний не спешил. Он действовал хладнокровно, расчетливо. Только когда танк подошел близко, он выпустил Казбека.

Собака бросилась к танку, но тут же упала, сраженная пулей. А танк надвигался на нас — грозный, неумолимый. Из его длинной, с тяжелым надульником пушки с грохотом вырывались желтые языки пламени. Казалось, стальная громадина закрыла полнеба. Уже ясно были видны тускло блестевшие траки его гусениц с желтой волжской глиной в пазах. И тут Антоний одним махом выскочил из окопа, схватил убитую собаку, прижал к себе и бросился под эти тускло блестевшие гусеницы. После взрыва танк остановился и загорелся, обдавая наш окоп жаром.

...В тот день на участке полка майора Иванова танковых атак больше не было. А когда с заходом солнца бой утих, я собрался за Волгу: получил приказание вернуться в полк. По пути на переправу заглянул в штабную землянку. Здесь, как и вчера, жарко горела печка, и на ней Клеопатра кипятила чайник. Полковник Сараев сидел за столом над картой. Вошел комиссар, с рукой на перевязи.

Полковник сначала сказал, что их дивизия опять нигде не попятилась и что ночью обещали прислать крупное пополнение. Потом спросил, где комиссара ранило и цела ли кость.

Комиссар ответил, что ранение пустяковое, задело осколком в полку у Иванова. Затем добавил, что специальный отряд собак — истребителей танков тоже понес большие потери, но боевую задачу выполнил. Рассказал, как командир отряда лично уничтожил последний танк.

— Фамилия-то этого младшего лейтенанта как? — спросил полковник.

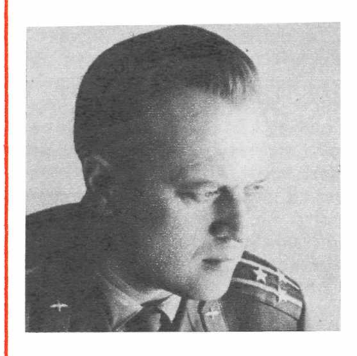
— Кажется, Покровский,— ответил комиссар,— к награде будем представлять. Посмертно.

В это время в землянку вошел высокий, широкоплечий артиллерист.

— Истребительный противотанковый полк прибыл в ваше распоряжение. Командир полка майор Петров,— доложил он командиру дивизии.

Полковник Сараев, радостно улыбаясь, жал ему руку, а Клеопатра тихонько всхлипывала. У нее на гимнастерке, рядом с медалью «За отвагу», был приколот значок «Юный натуралист».

ОТ ЗЕМЛИ ДО МЛЕЧНОГО ПУТИ



Александр
КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

ГАГАРИН

1

По-русски
Скромен и бесстрашен,
Проверив мощь
ракетных сил —
Он
шар земной
И неба чашу
В свои объятья заключил.
И первым
вышел на орбиту.
И всей живой земли
краса
Его глазами,
деловито,
Взглянула
космосу в глаза.
Тот взор его
все наши взоры
На мир,
который он открыл,
И на родимые просторы
Прозреньем
новым
наделил.
С тех пор
Все думы и свершенья
И жизненных
и звездных трасс
Озарены его прозреньем
И греют
каждого из нас.

2

На площади
Звездного града,
Сияя улыбкой открытой,
Без головного убора,
С расстегнутым воротничком,
Колумбом Вселенной
стоит он.
Плывут облаков громады.
Он их провожает взором.
Их путь ему
так знаком.
Не облака в движеньи
Проходят
маршрутом
в завтра.
Это ракетолеты,
звездные корабли.
Они замедляют скольженье
Над бронзовым космонавтом
И круто
уходят в высоты
За солнечный срез
Земли.
Я близко
знаком с ним
не был.
Встречались неоднократно.
В Жуковке,
с одной трибуны,
Я после него
выступал.
Он говорил о небе,
О жизни
и новых стартах,
Незабываемо юно
Гремел
овацией зал.
Тогда я не мог и подумать,
Что мы
навсегда простились.
Его надежную руку
Пожал я
в последний раз.
Не облака бесшумно —
То корабли
приспустились,
Зависли перед разлукой,
Словно приветствуя нас.
Он, пьедестал не покинув,
Следит,
как в разливе солнца
Армада выходит степенно
К началу
своих орбит.
Жена, приподняв гардину,
Все ждет —
он вот-вот
оглянется
И, подарив улыбку,
Навстречу
к ней
заспешит...

ЖИВАЯ НИТЬ

Ты стоишь в проеме у окна,
В кронах ветер бродит возле
дома,
И тебе, до мелочей знакома,
Парковая улица видна.

Льется вереница фонарей
Сквозь листву ее берез и кленов,
Ниточка жемчужная огней
Связана со звездным
небосклоном.

Ты по ней торопишься взойти,
Раннюю звезду находишь
взглядом:
Где-то в небе промелькну
я рядом,
След
едва приметный
прочертив.
Где-то на пределе бытия,
Дальние прорезав расстоянья,
Напряженной нитью мирозданья
Ниточка
натянется
твоя.
От Земли до Млечного Пути
Все летит она за мной незримо:
Нитью путеводною хранимый,
Я могу Вселенную пройти.
На Земле тобой озарена,
В поздний час
и в самой ранней рани,
Ниточка надежд и ожиданий —
Парковая улица одна.

МОИ ЗАБОТЫ

Маятник качается:
Тик да так,
Нижутся и нижутся секунды.
Медный ты мой маятник-простак,
Ну куда спешишь ты и откуда?
Копия светила самого —
Ты сложил мгновения в эпохи
И раздвинул детства моего
В обе стороны дороги.
Ты во мне самом соединил
Все, что было,
с будущим незримым
И шагаешь,
не жалея сил,
Вечности безвременье низринув.
В золотое будущее мост
Ты навел,
раскручивая время,
И поднял
мечту мою —
до звезд —
Над судьбой эпох и поколений...
Круглый ты мой маятник-чудак,
Между домом
и родной работой
Я, как ты, качаюсь —
тик да так,
У меня —
свои заботы.

ЗОРКОСТЬ

От фронтовых
Незыблемых побед —
В них жизнь отцов
И отрочество наше —
Умчало время
Вереницу лет,
И ныне
мы
Отцов погибших
старше.
И, вечно
Возвращаясь
В боль тех дней,
Сыновье сердце,
зоркое в печали,
Высвечивает
новые детали,
Отцовский подвиг
Делая видней...

НА БОЛЬШОЙ ВОЛГЕ

Я стою
В тени осинок золотых.
Шелестит в камыш затекшая
волна.
В глубине живого зеркала воды
Между звезд
Прогнулась парусом луна.
Вот листву легонько тронул
ветерок —
Рябью трепетной откликнулась
река,
Просвистел осокой влажною
у ног
И унес тумана клок под облака.
И тотчас на край обрыва,
стороной,
Выйдя из лесу, березы в полный
рост
Развернули плат зари над головой,
И вода, светлея,
смыла россыпь звезд.
Лишь луны белесый парус
на волне
Уплывал по Волге дальше,
прямо ввысь.
И навстречу молодой голубизне
Изумрудной стрелкой
утки пронеслись...

ДОНУ

В тиши
Предрассветного часа
К твоей припаду я волне,
И око скорбящего Спаса
Блеснет в отраженной луне,
Раскатисто грянут подковы —
И воинства русского строй
На поле твое Куликово
Выходит, омытый тобой.
Хоругви — до самой Непрядвы.
В бессмертье готовы полки:
Резервный,
Большой,
и Засадный,
И Левой,
и Правой руки...
И витязей Сторожевого
Великий приветствует князь
И молвит задумчиво слово:
«Несметная сила сошлась...»
Стоят
те полки,
не робея,
За Доном
земли для них нет.
Исход предрешив,
Пересвет
Пронзает копьем Челубея.
И Русь,
как единая воля,
Обрушила гнева века...
Мой Дон,
и великое поле
Не зря ты носил на руках.
Ты, вещий,
наверное, ведал —
На тесном,
на нем,
в нужный год,
Народ завоюет победу
И князя Донским наречет.
Ты поле
и холил
и прятал
До самой заветной поры,
И даже не знала Непрядва,
Что здесь
застучат
топоры
И рухнет кровавое иго...
Ты силу Руси всей исторг.
Не зря у Москвы солнцеликой
Прозрел твой исток,
как росток...
Мой вольный,
Мой грозный,
Мой синий,
С рожденья тобой причащен —
Целебною славой России
Храним я
в потоке времен...
Светает.
Я снова и снова
К твоей припадаю волне,
И поле твое
Куликово
Бессмертно
восходит
во мне.

МЕХАНИЗМ «ЧУДА»

В Ленинграде приступил к работе собственный корреспондент «Огонька» Олег ПЕТРИЧЕНКО. Предлагаем вниманию читателей его корреспонденцию о некоторых социальных проблемах, успешно решаемых на одном из передовых предприятий города — в объединении «Светлана».

Его называют лидером. И не без основания. Ленинградское объединение электронного приборостроения «Светлана» действительно признанный лидер в своей отрасли. Но он не только лидер. Это яркий, самобытный коллектив, наиболее характерной чертой которого был и остается творческий поиск.

Вот лишь некоторые факты из его биографии. В 1932 году здесь разработали первый в стране техпромфинплан, ставший образцом подлинно социалистической организации труда. В 1966 году — первый в нашей промышленности пятилетний план экономического и социального развития коллектива. Освоение поточно-конвейерного метода сборки радиоламп, выпуск отечественных полупроводниковых приборов, микро-ЭВМ на интегральных схемах — все это начиналось на «Светлане». И сегодня в лабораториях, цехах фирмы идут исследования, свершаются открытия, во многом определяющие завтрашний день советской микроэлектроники.

Но, как известно, дорога исканий никогда не была усыпана розами. Работать на «Светлане» трудно. И тем не менее за последние десять лет текучесть кадров здесь сократилась втрое. Сейчас она составляет чуть более пяти процентов — среди аналогичных по масштабам предприятий страны показатель один из лучших. Чем объяснить достигнутый успех? На этот вопрос корреспондент «Огонька» О. ПЕТРИЧЕНКО попросил ответить заместителя генерального директора объединения по кадрам М. И. АРТЕМЬЕВА.

— Недавно на одном из совещаний аналогичный вопрос был задан А. Ф. Жукову, начальнику крупного заготовительного цеха. Вот уже несколько лет здесь практически нет текучести. Причину такой стабильности Александр Федорович объяснил на первый взгляд довольно загадочно: «Люди случайные, потенциальные летуны и прогульщики не идут к нам сами».

Почему? Механизм «чуда» прост: прежде чем попасть в какую-либо бригаду, новичок проходит своеобразное собеседование с ее членами. И сразу же вольно или невольно принимает единственное, но жесткое условие: «Если чувствуешь, что не можешь соблюдать дисциплину — в свою семью не возьмем». Принцип отбора новичков и в других цехах примерно такой же.

Подобная требовательность «снизу» возникла не сразу. Она, если так можно выразиться, была предусмотрена еще в середине шестидесятых годов, когда составлялся наш первый комплексный план экономического и социального развития коллектива. Суть его не только в повышении эффективности производства, но и в формировании личности, воспитании у человека чувства личной ответственности за общее дело.

«Светлана», как известно, действует на принципах самоокупаемости — на хозрасчете. Это побуждает нас принимать напряженные планы, выпускать только такую продукцию, которая пользуется повышенным спросом и приносит максимальную прибыль. А в основе напряженного плана — расчет на полную самоотдачу каждого работника. Составляются те планы не кем-то — они рождаются в цехе, на участке, в бригаде, где люди хорошо знают возможности друг друга и потому полностью отвечают за свои обязательства.

И вот, представьте — прогул. Песчинка вроде бы. Однако, попав в точный, действующий на предельных оборотах механизм хозрасчетного предприятия, она неизбежно приводит к сбою, к каким-то материальным потерям. Конечно, называют виновного, его лишают премии — а размер ее в среднем составляет 40—50 процентов зарплаты — и иных льгот. Но неизбежны, увы, и определенные моральные и материальные потери **всего** коллектива, где он работает. Ведь при подведении итогов социалистического соревнования состояние трудовой дисциплины в коллективе учитывается у нас наравне с выполнением плановых заданий. Отсюда и отношение к проступку, к проштрафившемуся...

Разумеется, это весьма упрощенная схема, но, поверьте, существующая в объединении система морального и материального стимулирования бьет нарушителей и по карману и по самолюбию.

— А знаете ли вы его «в лицо», этого нарушителя?

— Конечно, если вы имеете в виду его характерные приметы. Как правило, это молодой человек в возрасте до 22 лет. В объединение он пришел недавно, имеет низкую квалификацию, но учиться, осваивать новое оборудование не хочет. Опаздывает на работу, а иной раз приходит в нетрезвом виде. Выговоры ему как с гуся вода. Но вот разговора на рабочем собрании боится, как огня,— предпочитает уволиться. Однако, уволившись, не спешит устраиваться на работу. «Прогуливает» примерно еще 20—25 дней. И лишь после этого оформляется на другое предприятие. Впрочем, и там толку от него немного — даже на хорошо знакомом станке выработка у него в первые месяцы на 25—30 процентов ниже, чем была у нас в цехе. А дурные привычки те же, прежние.

Этот портрет создан на основе, как говорится, среднестатистических данных, полученных сотрудниками Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований при ЛГУ имени А. А. Жданова. Наше содружество с ними продолжается почти пятнадцать лет. По просьбе «Светланы» они провели два социологических исследования на темы: «Состояние дисциплины труда и социально-демографическая структура ее нарушителей» и «Эффективность мер воздействия на нарушителей дисциплины и общественного порядка».

Исследования позволили получить объективную картину наших недоработок, выявили наиболее уязвимые места, помогли разобраться, где именно воспитание людей носит формальный характер. Советы мастеров, наставников, товарищеские суды, комиссия по борьбе с алкоголизмом и другие общественные организации получили рекомендации — куда приложить силы? И надо заметить, что использование этих рекомендаций позволило сделать немало — в течение года количество нарушений трудовой дисциплины сократилось на десять процентов.

— «Светлана» сегодня — это более восьмидесяти докторов и кандидатов наук, шестнадцать лауреатов Ленинских и Государственных премий, более четырех тысяч инженеров. Но это и шестьдесят процентов молодежи. Как учитываются ее интересы?

— Ленинградские ученые-психологи совместно с отделом научной организации труда и управления производством объединения, общественностью цехов и отделов трудятся сейчас над созданием комплексной системы контроля за адаптацией молодых людей. Вот ее первые шаги: новичок, выпускник ПТУ, вуза, пожелавший работать у нас, прежде всего знакомится со специалистом по социальной психологии, который выясняет, насколько серьезны его намерения связать свою судьбу со «Светланой», чего он ждет от избранной профессии. Учитывая эти данные, общественные инспектора (их кандидатуры отбирают и утверждают цеховые комсомольские организации и советы молодых специалистов) осуществляют индивидуальный контроль за тем, как вновь пришедший в цех молодой рабочий чувствует себя в коллективе, осваивает профессию. Контроль этот активный — инспектора не сторонние наблюдатели, а действенная, вооруженная научными рекомендациями и поддержкой администрации сила.

...В одной из лабораторий выпускники вузов пожаловались на то, что не имеют постоянных заданий. И здесь голос подала общественность. Руководству лаборатории предложили принять соответствующие меры. И меры были приняты. Так, в каждом конкретном случае устраняется все, что мешает адаптации новичков.

Это лишь часть обширной программы мер, осуществляемых в интересах молодежи. Вдумчиво исследуя первопричины характерных нарушений дисциплины, жалобы молодежи, партком и администрация ищут рациональные пути ликвидации конфликтных ситуаций, а главное — обстоятельств, их породивших.

Одно время часты были увольнения юношей и девушек из-за «психологической несовместимости» с мастерами. Выяснилось, что далеко не все руководители цехов, участков, отделов считаются с возрастными особенностями рабочих, только-только начинающих свою трудовую жизнь. Дело же это не такое простое, каким кажется на первый взгляд. Есть тут своя специфика, свои «подводные камни». Для мастеров были организованы специальные курсы, где они знакомились с основами педагогики, этики, возрастной и социальной психологии. На занятиях моделировались конфликтные ситуации, проводился разбор их причин. И вот результат: сегодня уже нет этого повода для увольнения — «несовместимость» с мастером.

Был в нашей практике и такой случай: некоторые хорошие, в общем, ребята категорически отказывались идти учиться в вечернюю школу. Явление тревожное: завтра, отстав от требований, предъявляемых постоянно обновляющейся техникой, они почувствуют, что не соответствуют занимаемой должности. А значит, нет перспективы. Кое-кто поспешит взять расчет. Чем же не устраивала их учеба? Оказалось, что большинство упорствующих, несмотря на молодость, — люди семейные, иногда уже папы и мамы. Ходить в обычную вечернюю школу, где учатся беззаботные мальчики и девочки, стесняются. Для семейных мы укомплектовали особый девятый класс. Раз в неделю они освобождаются от работы и учатся с 8 до 15 часов.

— Михаил Иванович, до беседы с вами я задержался у доски объявлений. Курсы аутогенной тренировки, дискотека... Светлановцам предлагаются весьма популярные сейчас виды отдыха, развлечений.

— И это не случайно. Психологи установили, что молодой человек ощущает настоятельную потребность три-четыре часа в день проводить досуг со сверстниками. Однако бывает так, что он проводит их в компании, где люди не знают, чем себя занять. Тут, за картами и выпивкой, все усилия воспитателей могут пойти насмарку. Значит, нам небезразлична эта компания. Хорошо, если она окажется в сфере нашего влияния.

Глубоко убежден, что самый дисциплинированный работник — это человек, который дорожит своим местом работы. Но для этого важно учитывать его запросы — экономические, культурные, бытовые, нужно открывать ему перспективы роста.

— Заместителю главного инженера фирмы Юрию Константиновичу Быстрову, если не ошибаюсь, всего сорок один год?

— Да, вы не ошибаетесь. А начинал он тут же учеником электромонтера. И в этом нет ничего необычного для «Светланы». Здесь действует своего рода вечернее отделение Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина), тут базовые кафедры Технологического института имени Ленсовета, того же электротехнического института... Два ПТУ, своя школа, всевозможные курсы. Но главное — отлаженная система профессио-

нально-квалификационного продвижения работников. Она позволяет решать проблемы роста молодых.

Не менее важны и возможности духовного роста. Светлановцы были первыми рецензентами пьес «Человек со стороны», «Ковалева из провинции» и других спектаклей театра имени Ленсовета, с которым нас связывает давняя взаимообогащающая дружба. Мы поддерживаем тесные связи со многими известными писателями, композиторами. Все это имеет прямое отношение к теме нашего разговора. Укрепление трудовой дисциплины — проблема многогранная. И если мы не позаботимся о нуждах людей, о нравственной зрелости рабочих, специалистов, то любые иные меры могут оказаться малоэффективными.

— Ну, а как быть с объективными, не зависящими от объединения трудностями? Например, с яслями. «Светлана» ведь предприятие, как принято говорить, женское...

— И тем не менее в прошлом году всего лишь 18 человек уволились из-за невозможности в короткий срок устроить ребенка в ясли или детский сад. Есть тут, конечно, свои объективные трудности: многие работницы живут в других районах, и далеко не каждая решится возить с собой ребенка в наш комбинат. Выручает обмен — собираем по цехам заявки, и в централизованном порядке сотрудник профкома Р. П. Кушнерова договаривается с райздравами: вы устраиваете нашего ребенка в свой детский сад, а мы в свой берем того, чья мама живет в нашем районе, а трудится в вашем. Дело хлопотливое, но эффект ощутимый. В социалистических обязательствах на нынешнюю пятилетку мы наметили полностью решить эту проблему. И решаем — построили комбинат, два детских сада. Немало у нас других аналогичных забот — бытовое обслуживание светлановцев, транспорт в вечернее время, жилье. Не сомневаемся в том, что Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» поможет нам решить и эти нелегкие проблемы. Реализация требований, выдвинутых в этом постановлении, отвечает насущным интересам нашего коллектива, всего общества.

* * *

В плане экономического и социального развития «Светланы» мероприятиям по укреплению трудовой дисциплины уделено всего две страницы из семидесяти. Здесь ничего не сказано о ярких праздниках, которыми отмечаются и юбилеи ветеранов и первая получка выпускников ПТУ; об автоматах, освободивших человека от тяжелых операций; о строительстве баз отдыха на Карельском перешейке и Черноморском побережье... Не сказано о многом другом, что формально относится к иным разделам плана и тем не менее надежно служит профилактике нарушений трудовой дисциплины, текучести кадров.

Нерешенных проблем на «Светлане» еще много. К решению их коллектив объединения подходит столь же творчески, как и к поиску новых путей ускорения научно-технического прогресса.



Барктабас **АБАКИРОВ**

ЭТОТ ДЕНЬ

КОЛХОЗНАЯ ОСЕНЬ

Пожелтели на солнце поля,
налилась и созрела пшеница.
И свой долг отдает нам земля,
за труды воздает нам сторицей.
Через нивы ведет комбайнер
свой корабль. Знаю, рейс
будет трудным.
Беспощадное солнце в упор
бьет картечью лучей. Яро. Люто.
Он три ночи не спал, комбайнер.
Он закаты встречал и восходы.
И полей необъятных простор
до конца он измерил работой.
И когда спелых зерен струя
вновь наполнила золотом бункер,
он с трудом оторвал от руля
прикипевшие намертво руки.
Но по-прежнему волнами в грудь
билась радость. Ей имя — работа.
Обжигающий пламенем труд —
до седьмого, последнего пота.

ПОЛИВАЛЬЩИК

Уже на полях колосится ячмень.
Водой управляет в арыке кетмень.
Умело орудует им поливальщик.
А солнце палит, и земля —
Как кремень.
Идет он неспешно за ходом воды.
Встают за спиной островами сады.
Вода напоила взметнувшийся
колос.
Зерном золотым отольются труды.
Он знает — неблизок и труден
поход.
Как воин, он полем затихшим идет.
А солнце лениво склонилось
к закату,
прощальным лучом осветив
небосвод.

ТАБУНЩИК

Укрюк в руке его —
с петлею длинный шест.
Над головою — только небо.
Родился он и вырос здесь,
где горы — в белых шапках снега.
Я повстречался с ним
на склоне этих гор,
едва успел я
в сторону отпрянуть.
Но точный жест его
и цепкий взор
в мою запали крепко память.
Он гнал к ущелью
шумный свой табун.
Резвились возле маток жеребята.
Земля гудела.
Этот шум
рождал в горах
ответные раскаты.
Я вслед смотрел.
Табун прошел — как сель,
что огненным
нисходит с гор потоком.
Но этот сель
направил прямо в цель
табунщик мой.
И он прошел по тропке —
к ущелью,
где прозрачная вода,
где вечно тень,
прохладная, густая.
И мир ему казался из седла,
как этот день,
настоянным на травах.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Ночь настала. Зажег я свечу.
Подержал на ладонях я слово.
Я его и кручу и верчу.
Вдохновения сноп молочу.
Отделяю зерно от половы.
Слышу шорох листвы за окном —
это в рифмах запутался тополь.
Лошадей, что пасутся в ночном,
у костра сбившись в круг табуном,
слышу ржанье и вкрадчивый топот.
Ветер утра погасит свечу.
Но в строку незаметно ложится
каждый звук. И уже по плечу
мне работа. И я молочу
отшумевшего поля пшеницу.
Перевал я уже одолел.
В темноте свою тропку нащупал,
до конца свою песню допел.
Я иду по знакомой тропе,
я неспешно вхожу прямо в утро.

Перевел с киргизского
Анатолий **ГОРЮШКИН**.

г. Нарын.

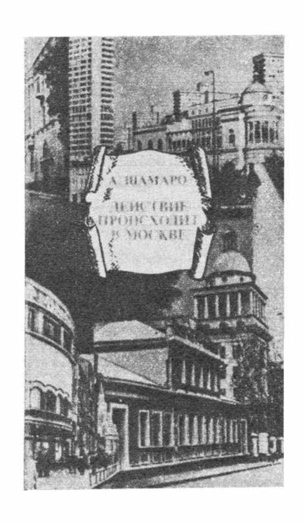
ЗАТЕРЯВШИЕСЯ СЛЕДЫ

Когда вышла в свет карамзинская «Бедная Лиза», к небольшому пруду, что у стен Симонова монастыря, началось настоящее паломничество восхищенных читателей. Не меньшей популярностью пользуется ныне и «дом Холмса» на Бейкер-стрит... Читатели, как ни странно, хотят видеть своими глазами не только те места, где жили авторы любимых книг, но и где по воле писателей обитали литературные герои. «...Несколько дней ходил я с «Собором Парижской богоматери» в руке на башню собора: признаюсь, мне хотелось отыскать какой-нибудь затерявшийся след великой драмы»,— писал в своих путевых заметках В. П. Боткин.

Александр Александрович Шамаро занимается своеобразным исследованием мира литературных героев. Его книга «Действие происходит в Москве» — это своего рода путеводитель, но не просто по Москве, а по городу, каким он сходит к нам со страниц художественных произведений. Автор замечает, что нередко писатели водят своих героев по дорогам собственной судьбы. Каждая глава книги Шамаро — маленькая новелла с острым сюжетным ходом.

«Я была у крыльца, хотела послать письмо, потом раздумала и решила просить вас — ...адрес вот». Это говорит Лиза, жена Феди Протасова, героя толстовской пьесы «Живой труп», обращаясь к Виктору Каренину и протягивая ему записку. «...Я всякий раз, когда слышу эту реплику, ловлю себя на желании хотя бы мельком взглянуть на конверт с письмом Федору Протасову, чтобы узнать — на какой улице загостился он у цыган...». Так начинается глава «Гибель Феди Протасова». Шамаро анализирует текст пьесы и ее черновики, обращает наше внимание на детали, которые обычно уходят из поля зрения. Штудирует письма, устные рассказы Толстого, записи его родных, друзей. Он говорит о реальных событиях, положенных в основу сюжета, знакомит с лицами, ставшими прототипами героев пьесы. Сообщает подчас удивительные сведения об их жизни. Вместе с автором нам все же удается наконец «прочитать» адрес на Фединой записке, и мы «находим» Федю, «загулявшего» у цыган, на бывшей Живодерке в Грузинах (ныне ул. Красина). Ничего не осталось от прежнего... Можно только вообразить, как проводил время добрый Федя, как слушал он игру «рябого» цыгана, которым — было время — восторгалась вся Москва...

Множество интересных подробностей узнает читатель о прототипах литературных героев. Например, сам Лесков в письме к издателю упоминает, что в его рассказе «Чертогон» главное — «картина хлудовского кутежа». И даже указал его дату — 1878 год. Следовательно, прототип Ильи Федосеевича, героя рассказа,— фабрикант Хлудов, который и устроил грандиозный кутеж в «Яре». Шамаро задается вопросом: а где же изволил проживать Хлудов? Как выяснилось, фабрикант имел собственный трехэтажный особняк в Тупом переулке. Но Тупых переулков было весьма много. Где же тот, хлудовский? И сохранился ли особняк? Вчитываясь в строки рассказа, Шамаро находит ориентиры и уже точно сообщает адрес: Хомутовский тупик, дом номер пять. На фасаде вывеска: «Городская больница № 66». Просторный вестибюль под высоким сводчатым потолком, украшенным лепкой... Так и видится, что выйдет из своих роскошных апартаментов миллионер и прикажет заложить



рысаков — покатит к «Яру» на Петербургском шоссе...

Побывали мы, читая книгу, и в «доме Звездинцева» (Л. Толстой, «Плоды просвещения») на Смоленском бульваре, 11/2 (ныне административное здание), и в лечебнице доктора Снегирева, где лежал раненый Григорий Мелехов,— Колпачный переулок, 11.

...Читаешь книгу, не отрываясь, от первой до последней страницы, потому что она и сама — серьезное законченное литературное произведение. Ее главный герой — сам автор, влюбленный в свой город, в памятники и улицы, влюбленный в литературу человек, который стремится отыскать и сохранить «затерявшиеся следы» многих «великих драм».

Т. ТРОИЦКАЯ

А. Шамаро. Действие происходит в Москве. М., «Московский рабочий». 1979. 200 стр.

КОНТУРЫ

ПО ЖУРНАЛЬНЫМ СТРАНИЦАМ

Д. ИВАНОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К книге неизвестного тебе автора — без устоявшейся (хотя и не всегда заслуженно) репутации — приступаешь с нерешительностью... Казалось бы, что тут такого: не от каждого же нового произведения ждать открытия. Но тогда зачем о нем и говорить? С несравненными пользой и радостью лучше перечитать классику — мировую, отечественную и советскую: всегда будет пища уму и сердцу. Пожалуй, как раз так поступает ныне большой и дельный отряд наших критиков.

Выходит, вы заранее готовитесь к писательской неудаче? — спросит читатель. Да нет, готовишься скорее к повторению пройденного, известного, к схожести характеров, ситуаций, деталей. Не ждешь неповторимости... Вернее, ждешь, конечно, но получаешь ли?

И вот здесь-то снова настигает тебя нерешительность.

А не субъективно ли твое мнение, типичны ли для сегодняшнего литературного процесса выводы, сделанные по нескольким произведениям, объединенным прежде всего тем, что они появились почти одновременно? Или, может быть, ты чего-то не разглядел в книге, не почувствовал «чуть-чуть», делающего искусство искусством, отстал в воззрениях и вкусах, просто проявил вкусовщину или пристрастие?

Ну, а если неудовлетворенность книгой всетаки перевешивает? Тогда наступает решающее: открыто сказать об этом. И тут персональную ответственность не разложить на нескончаемый ряд, как часто бывает, когда речь заходит о других негожих товарах; здесь не переложишь на печатника или редактора писательские просчеты (хотя редактор — первый критик — сказал автору «да» там, где ты собираешься произнести «нет»). Не оттого ли критики все чаще находят свой «выход»: не замечают созданий хилых или средних, серых — это ведь не тот «товар», без которого невозможно обойтись...

Как же это можно, как удается, спросит читатель, «не замечать»? Очень легко: сознательно снижая уровень требовательности.

«...В конце концов, оказывается,— как говорил уже несколько лет назад Юрий Бондарев в своем выступлении, знаменательно называвшемся «Нравственность — это социальная совесть писателя»,— что известны, талантливы, своеобразны, интересны, ярки, серьезны, даже замечательны (это уж определение никак невозможно понять) почти все, кто пишет книги, независимо от того, современный Потапенко в поле зрения или современный Чехов... Создается впечатление сплошной и поголовной талантливости, неудержимой и сногсшибательной по нивелирующей широте доброты».

Так-то вот. И все равно решиться не просто.

И принизить-то боишься, тем паче сравнительно с кем-либо еще. И больно и жалко, если прочитанное не халтура, а неудача. И действительно легче, спокойнее быть добрым, хотя, пока молчим, уровень литературы от этого не прирастает. А в конце концов уже запутываешься: кого жалеть — писателя, читателя или самое критическую планиду?

НУ И ЧТО?

«Шофер бортового «ЗИЛа» Сергей Локтев выехал в первый рейс по зимнику»,— и вот что дальше узнаем об этом главном персонаже повести В. Мурзакова «Мы уже ходим, мама...» («Наш современник» № 6, 1979): пока он «перехватывал» в буфете, его машину недогрузили, поскольку в этот раз он не «подмазал» грузчиков, но конфликтовать Сергей сам счел излишним. В буфете же его еще и обсчитали, но и это Локтев принял как должное и даже подумал, что такую, пользующуюся моментом деваху он бы не прочь взять в жены. Потом он догнал колонну, но не стал помогать товарищам (а чего, если они такие неумехи?), а когда сам застрял в мари, то невероятно как, но выбрался, так что и водителям не пришлось его выручать, и очередной конфликт оказался снятым.

В кабине Сергей думал о матери, которая болела и звала домой. Но Локтев заранее пришел к выводу, что она зазря паникует, и теперь его душа была спокойна. (На последней странице повести Локтев успеет по телеграмме, заверенной врачом, застать мать в живых, пробудет в деревне сорок дней и вернется на Север.) И еще думал Сергей о Ларисе: надо ставить крест на их отношениях — хоть и неплохо с ней, но воля ему нравилась больше.

Когда же застал он Ларису «в положении» (Локтев бывал у нее редкими набегами), произошло единственное в повести выяснение отношений. Сергей даже приданое будущему ребенку купил и твердо решил присылать деньги, но Лариса объявила, что готовится замуж — не за Локтева, за другого,— и тут Сергея занесло...

В конце повести Локтев все-таки едет к Ларисе с уверенностью, что его простят. Однако встретил его белобрысый Олег, который ему, извините, набил морду.

«Когда Локтев вышел на улицу, он вдруг (разрядка наша, ибо с какой стати, чем мотивировано это «вдруг», которое встречаешь все чаще у многих там как раз, где отсутствуют какие-либо психологические и логические мотивировки.— Д. И.) ясно понял, что никогда не будет счастлив без Ларисы, да и она вряд ли будет счастлива с этим знающим свою правоту и силу парнем».

Вот и кончилась повесть об эгоисте, сознательно эгоистически поступающем, но таковым себя не сознающем.... Ну и что? Вижу: эгоист — говорю: эгоист? Ради этого и написано?

Я, конечно, вывожу схему произведения, но ведь, кроме нее-то, и нет ничего, к несчастью. Нет конфликтов, в которых четче всего выявляется авторское видение действительности; нет психологизма, открывающего новое в привычных характерах; нет живого Локтева, хотя Мурзаков видит и знает своего героя; нет писательской боли за этого не состоявшегося пока человека.

Есть же уверенно, гладко списанная с жизни история, да не одна. Пространство повести вмещает контуры еще нескольких судеб, соотносимых с локтевской постольку, поскольку, думается, в принципе можно любого соотнести с каждым. Судьба старика, которого подвозит Сергей и которому писатель посвятил добрую половину книги, списана даже живее, чем главная история.

Но это другая, чужая и чуждая судьба, и не только для Локтева, но и для нас, читателей, хотя она откровенно, в лоб должна свидетельствовать, что «новую жизнь... никому и никогда начинать не поздно».

В итоге повесть «Мы уже ходим, мама...» становится похожей на матрешку: игрушечные и неигрушечные судьбы и истории скрывают в себе одна другую, оставаясь при этом пустыми.

И тут хочется вспомнить предшествующую повесть Мурзакова — «Семью». Это тоже была житейская история, но цельнее и свежее. И юмор был органичнее в этом рассказе о парне и девчонке, начавших тем, что за сутки они успевали познакомиться, провести наедине ночь и наутро зарегистрироваться. Ну, а главное — в «Семье» присутствовало не просто внешнее действие, как в последней повести Мурзакова, а внутреннее движение. На наших глазах у доброго малого Лиховатого и его Клавдии пробуждались, теплели, оживали души — и оживало, развивалось наше отношение к этим ребятам.

У Локтева душа не пробуждается, но это и не обязательно. Однако в повести не чувствуется и души самого писателя. Повесть безлика и скучна, несмотря на юмор, которым Мурзаков старается окрасить свое повествование. Перед нами как бы киносценарий, фиксирующий поступки и слова, в которые можно в общем-то вдохнуть чувства и зримость, но для этого их надо в самом себе оживить, прожить за писателя описанное. Это замысел, оставшийся без воплощения: можно так и эдак анализировать повесть и ее героя, можно говорить по поводу произведения, но самого произведения нет.

Ведь не для того же существует писатель, чтобы повторить жизнь, и не для того, чтобы мы узнавали жизнь в его книгах, а для того, чтобы в них жизнь открывала себя.

БЕЗ ПРАВДЫ

Я читал последнюю повесть Мурзакова — и все мне казалось знакомым.

Север, шофер, колонна застряла... Она ждет от героя ребенка, а он и не знает... Потом он хочет жениться, но его место уже занято... В конце — драка...

Наконец я понял, откуда такое впечатление — от двух смешавшихся в памяти повестей двух новых авторов, напечатанных в «Неве» (№ 9, 1979; так получилось, что я прочел их раньше, чем Мурзакова): «Вдоль Млечного Пути» В. Ларина и «Азы» Г. Грушиной. Это их первые произведения, и поэтому речь не столько о случайном совпадении ситуаций, хоть таковое тоже должно наводить на определенные размышления. Существеннее другое — начинающие авторы решительно начинают с того, что подправляют действительность: рисуя реальную жизнь, они уходят от правды жизни, «подставляют» поступки и обстоятельства, облегчая и жизнь, и свою задачу, и, конечно, свои произведения, которые потому-то прежде всего и не задерживаются в памяти.

В повестях В. Мурзакова хоть показано, что и добрым, и даже эгоистом быть непросто. А тут что?

Герой Ларина — очень отзывчивый человек и лучший водитель на трассе, это осознаешь уже к пятой странице и в дальнейшем в Рябове не обманываешься. Но то, что и все, буквально все на его пути оказываются столь же отзывчивыми и благожелательными (за исключением трех уголовников) и с готовностью, да еще в самый решающий момент, приходят Рябову на помощь,— это уж слишком несерьезно.

Ростислав Дронников у Грушиной, напротив, не лучший работник, да и эгоист немалый опять же. Но в моем представлении они одинаковые: до того легко даются жертвы и ответственность одному и раскаяние плюс решительные перемены собственной судьбы — другому. Ни за что не приходится им расплачиваться, а так не бывает. А если случается, то это везунчики, и о какой-то реальной картине жизни в повестях говорить не приходится, несмотря на отдельные точные и верные наблюдения и детали.

И даже если они образуют похожую на жизнь проекцию, которая к тому же оживлена долей юмора (вот ведь известно, что юмор — редкое свойство, а и в этих двух повестях он в наличии,— проще, оказывается, обнаружить юмор, чем серьезное и глубокое отношение к реальности),— все равно в ней не сыскать главного: она не одухотворена, она написана без идеала, без того высокого идеала, который был, есть и будет гордостью и завоеванием классической русской и советской литературы.

Лишнее свидетельство тому — удовлетворенность наших авторов своими героями.

ЖИЗНИ

Ларин — так он просто любуется своим Рябовым. И это было бы естественно, потому что героизм и мужество наших первопроходцев несомненны и достойны самых высоких слов и ярких красок и даже просто любования,— но у самоотверженного труда Рябова для этого должна быть цена. Всегда необходимо что-то преодолеть в себе и других, заставить их и себя чем-то жертвовать... Но у Ларина они все именно только и делают, что жертвуют друг для друга,— скажет читатель. Да, именно — все подряд безосновательно, бесконфликтно. Цены таким персонажам нет!.. Как нет, оказывается, в повести, увы, и подлинной цены той самоотверженности, что подглядел писатель в реальной жизни.

Но ведь и Дронниковым, далеко не героем, автор тоже весьма довольна и увенчивает Ростислава не только раскаянием, но еще и успокаивает его душу возвращением к нему Нельки: как гладко катилось и писалось, так все гладко и закруглилось.

Не оттого ли так случается: и герои кажутся хорошими или, скажем, приличными, и пишется легко и ровно, без мучительных вопросов к себе и к жизни, без трепетного желания увидеть окружающее прекрасное и выше,— не оттого ли, что автор смотрит с низкой точки зрения? Между тем, можно думать, только высокое нравственное чувство обеспечивает и художественность —иначе и не рождается священный огонь искусства — и саму правду.

ПОИСК ХАРАКТЕРА

Двадцать лет прошахтерил Михаил Свешнев в приморском городке Многоудобном: ушел в армию из Чумаковки, из своей глубинной сибирской деревеньки, а отслужив, подался в лаву. Скоро женился, двух сынов заимел, и все мерно шло заведенным порядком, и перво-наперво работа спорилась,— еще в самом начале сказал Михаилу старый забойщик: «в тебе проводимость в самую дальнюю твердь есть, а усадка души — терпеливая».

Но знакомимся мы с героем романа Александра Плетнева «Шахта» («Октябрь», №№ 8, 9, 1979) в момент, когда душевное равновесие покидает Свешнева. И не потому только, что обвально провисшая, малейшим шорохом пугающая кровля придавила Михаила смертельной тоской. Это лишь совпадение; еще что-то, непонятное, неосознанное, гнетет ему душу.

Обвал-таки случится, и Михаил, бесконечно рискуя, станет спасать приятеля, и они чудом останутся живы. И, еще не оправившись от раны, Свешнев вновь уже готов спуститься в шахту: страх прошел... Страх пропал, но, оказывается, не в нем был корень. Другая тяжесть легла ему на сердце (или осталась?) — «с людьми стал жить неладно»: с Азоркиным, которого спас в забое, с его женой Раисой, кинувшей муженька в несчастье, с собственной женой Валентиной.

Тут-то на страницах романа и мелькнет вроде бы неприметно словцо, которое, однако, словно пароль, открывает характер Свешнева, каким он был до последнего времени. «Не тебе судить, праведник! Такой праведник, что тошно с тобой»,— это скажет друг-недруг Азоркин. А в другой раз сам Михаил: «Не нужны нам праведники, а нужны угодники,— подтрунил вроде бы сам над собой».

Понятно, почему честит Михаила праведником Азоркин: сам он всю жизнь «браконьерствовал» среди чужих жен да молодаек, а Михаил, напротив,— однолюб, хотя и саднит ему сердце то, что нет в душах его и Валентины полного согласия.

Но Свешнева и на шахте знали «идеалистом». Хотели однажды сделать его бригадиром, а он вместо плана стал отношение к работе обговаривать: чтобы «по воле сердца и наивысшего старания каждого... А уж сколько садовнику за день деревьев высаживать или шахтеру угля брать, тут не надо бы планировать-нормировать. Норма, она унижает человека».

Не сделали тогда Свешнева бригадиром, так все двадцать лет он и трудился без нормы, не признавая над собой плана. «А пока его тело уносилось в глубь земли, Михаил в воображении видел свой дом, сад, за садом — сопки, успел оглянуть всю даль, где могуче и высоко вознесся лес, где тугой шум в вершинах жил даже в тихую погоду. Михаила всего охватило неизъяснимой прозрачной грустью, которая посещает людей чувствительных и счастливых зачастую на исходе дня, когда от невыразимой любви к родной земле и ее людям щемяще и благодарно обмирает душа».

Вот какой интересный рабочий характер, вот какого героя задумал Александр Плетнев — идеального.

«Он верил в силу машин и не верил в силу мышц — когда переносил в низкой лаве бревна или железо, сердце его так гоняло кровь, что, кажется, она закипала в напряженных мышцах, и оттого, что разум почти не участвовал в работе, было стыдно и унизительно за самого себя, точно он не по своей воле переносил тяжести, но по насилию».

Но лишь участием в работе разум Михаила тоже не удовлетворяется. Свешнева заботит все сущее вокруг, вся жизнь: «Время для дум пришло подходящее. Оно только кажется, что время притихлое, а в самом-то деле шумит! Вон, как в песне: «Не шуми, мати зеленая дубравушка, не мешай мне, добру молодцу, думу думати...» А? Дядя Федя! Деды наши, отцы, как ты говоришь, ядром пробойным... Ну, так то ж было в свое время. В войнах да в трудностях — до дум ли вам было? Теперь мы за себя и за вас подумаем, осознаем себя: кто мы такие... Сто́ящие или... сукины дети!..»

Правда, как видим, не всегда свободно дается это разумение Свешневу: то самому ему не хватает оригинальности мысли, то писателю недостает слов ее выразить. Последнее особенно заметно, ибо редко пока у Плетнева слова складываются в густую по чувству и настроению вязь. Но и в самом образе Свешнева во второй половине романа обнаруживается явная внутренняя несогласованность.

Свешнев соответствует идеалу сам по себе. А вот с другими какой он?

Другим, если это хорошие люди, он старается помогать — беззаветно, с радостью,— как вдове Дарье Веткиной.

А коли другие плохие — он их терпит (точно угадал старый шахтер на заре свешневской судьбы: «усадка души — терпеливая»).

Михаил терпит, как Азоркин увивается около его жены, а Валентина не прочь. Терпит, что не «кострят» грозно осевшую лаву (тогда еще Азоркин говорил ему: «Вот ты и есть, Миша, раб... У тебя-то как раз и нету воли нигде: ни на-гора̀, ни здесь... Не дали же тебе Головкин с Колыбаевым лаву кострить. Не дали. И ты сел со своей волей...»). Терпит «ленивых, хитрых и бессовестных», что рядом с ним на шахте и в жизни. Терпит, что не дали ему собрать бригаду «по воле сердца и наивысшего старания каждого»...

И все это — в одиночку.

«Душу ты широко распахнул...,— говорит ему Валентина.— Всех не обогреешь, сам замерзнешь...» И действительно, замерзла Михаилова душа, надорвалась. Тяжко далось ему его праведничество.

Но этого-то Свешнев и не сознает.

Он другое о себе начинает понимать: «тянет его на родину», «счастливее нет людей, которые от рождения до старости живут на родине. Сам-то он уже был испорченным (?! — *Д. И.*) для такого счастья...», «да я ведь всю жизнь стою на земле, запоздало догадывался Михаил, только стою как-то не так: одной ногой — в Чумаковке, а другой — здесь, на шахте».

Да, писатель предлагает именно такое объяснение раздвоенности Свешнева. И отправляет в отчий дом, где пролетит второпях год. Второпях потому, что главным на этих немногих страницах будут воспоминания Михаила, связанные с трудными годами детства и отрочества. Второпях, хотя именно здесь, в Чумаковке, Свешнев впервые «не стерпел»: написал в газету про заброшенную деревеньку,— и, как по мановению, все обещает поправиться «в ближайшие дни».

Так пролетит год, и поймет Михаил: «Где край России, где ее центр?.. Везде Россия и везде ее центр»,— и решит ехать обратно, к «делу своему», «к делу кровному».

Коли это так, на сей счет давно сказано: «Ах! Если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?» Но если серьезно, не верится, что удалось Михаилу, отступив — через столько-то лет — «к своему извечному, там отдышаться, осмотреться, окрепнуть (это так поспешно-то, так быстро? — *Д. И.*) и пойти туда, куда сердце позовет,— но уже твердо, без покачки...»

Думается, не кровь крестьянская «зазыбила» ему жизнь, не тягу к малой родине гнать из души ему надо. Чтобы жить герою романа Плетнева в ладу с собой, давно пришла пора не праведником быть Свешневу, а подвижником, сообща с другими стать хозяином и у себя на шахте и в жизни вообще.

Плетнев прошел мимо этой, гораздо более существенной коллизии. А в результате замысел, который много обещал, не получил органичного воплощения... Что до зова крови, то писатель, следует предположить, путает здесь своего героя с самим собой — иногда он в этом прямо проговаривается: вплоть до проявившихся у Михаила в деревне лингвистических склонностей, на которые в Многоудобном почему-то и намека не было. В «Шахте» можно найти и другие огрехи, в частности, сама романная форма еще не освоена писателем,— линия Головкина оказалась невыразительной, оторванной от плоти книги. Хотя, заключая, нельзя не повторить и ранее сказанного: Александр Плетнев в «Шахте» стремился к созданию незаурядного характера, неординарного образа, настойчиво искал свое видение отношений современника с людьми и жизнью.

«НА КРУГИ СВОЯ»!

Возвращается на шахту Михаил в романе Плетнева.

Возвращается к Клавдии герой Мурзакова в «Семье», а в последней его повести Локтев тоже спешил обратно, к Ларисе.

У Грушиной вернулись друг к другу Дронников и Нелька.

У Ларина героя, только что завершившего внеочередную поездку, призывают вновь пожертвовать и отправиться в путь...

Что это, откуда такая постоянная «закругленность»? Проще так, что ли, нашим авторам сводить концы с концами, или есть в этом какая-то реальная закономерность?

Я читаю очередное новое произведение — рассказ уже замеченного критикой А. Курчаткина «Песни» («Октябрь» № 11, 1979). Молодая пара, точнее, уже не очень молодая,— их молодость прошла в естественном противоборстве с жизнью за то, чтобы получить, работая, специальность, дождаться квартиры, обзавестись всем необходимым, вырастить дочку,— и вот теперь «у жены Гаврилова и начались всякие странности»: «Что-то мы, Петя, скучно как-то живем», «Общение нужно. Интересные люди нужны».

Дальше рассказ получает действительно интересный и неожиданный сюжетный ход. Но вот каково завершение:

«— Слушай, а может, на машину копить будем? — проговорила она, водя своей щекой по его...

— Хо! — отстранил он жену.— Да мне на заводе... Да через два года спокойно иметь будем...

И они пошли по незнакомой, чужой им темноте, стараясь не терять из виду того проема между домами, в который увидели бегущие желтые квадраты, спеша быстрей выйти к знакомому и надежному...»
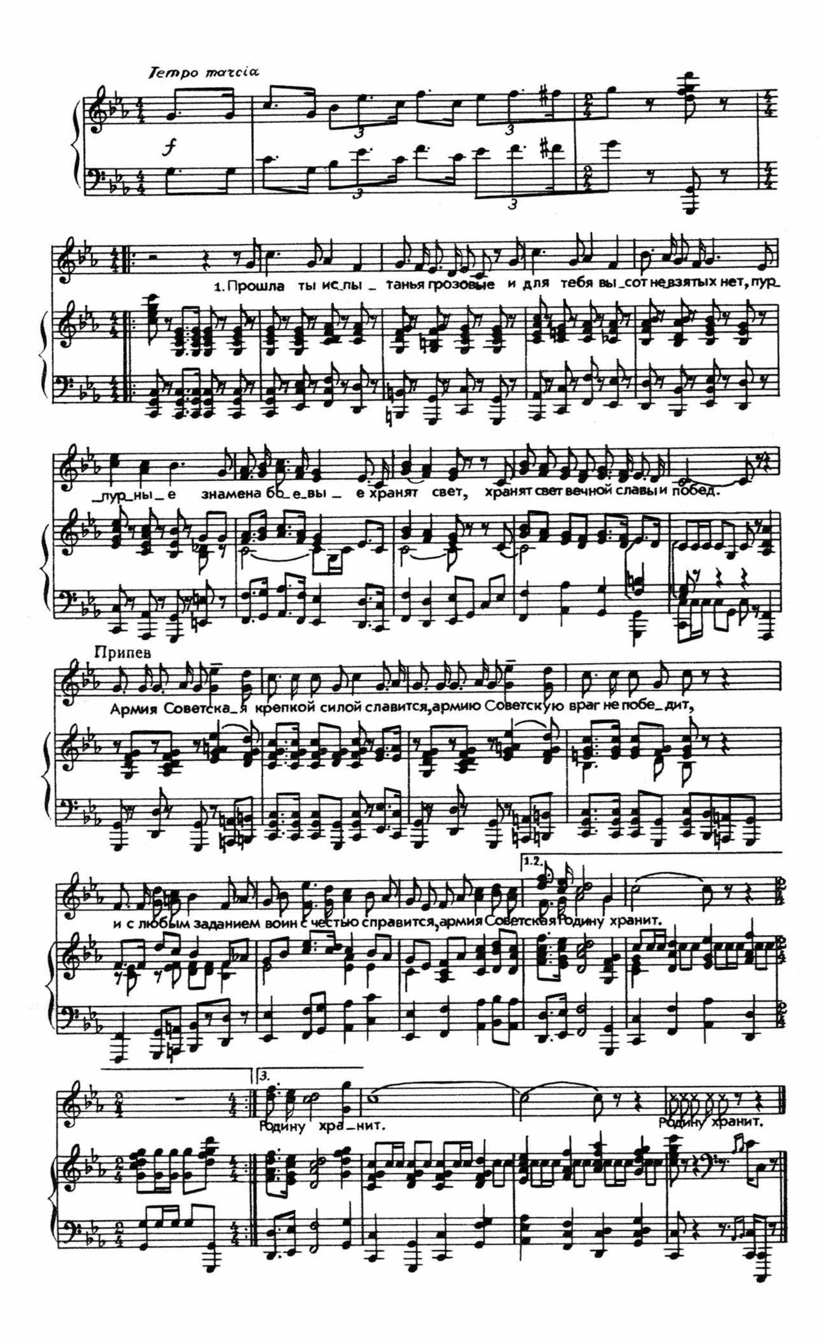
Символичность последних слов не столь знаменательна, сколь обнажена (быть может, даже не без авторской самоиронии), но я уже не знаю, чему верить и чему не верить: что здесь от правды характеров и верности жизни и что — от «типовой закругленности».

Спору нет, А. Курчаткин неудовлетворен своими персонажами в отличие от прочитанных выше авторов. Но и боли-то за них он не испытывает.

Были бы боль, сострадание — рассказ не закруглился бы. Души могут замыкаться, не одолев привычного хода жизни, писатель замкнуться на констатации этого не может, не должен.

Святое право и обязанность художника — открывать жизнь, отмыкая свое сердце навстречу людям.

АРМИЯ СОВЕТСКАЯ



Стихи Сергея БЕНКЕ

Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА

Прошла ты испытанья грозовые,
И для тебя высот не взятых нет.
Пурпурные знамена боевые
Хранят свет вечной славы и побед.

Припев:
Армия Советская
Крепкой силой славится,
Армию Советскую
Враг не победит.
И с любым заданием
Воин с честью справится.
Армия Советская
Родину хранит.

Сражений грозных не померкнут
даты.
Стране известен каждый
твой герой.
Весь мир спасли
советские солдаты —
Об этом вечно помнит
шар земной.

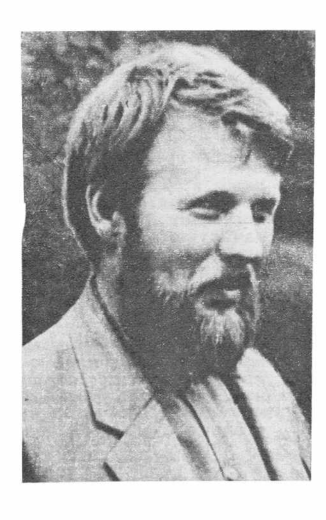
Припев.

В легендах и сказаньях
ты воспета.
Твоих великих подвигов не счесть.
И с первых дней горда
Страна Советов,
Что армия у нас такая есть.

Припев.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Я. МАРКОВА

«ТОЛЬКО Я СКАЗАТЬ МОГУ...»



— Я считаю, что гражданственность — это постоянное стремление будить общественное сознание, быть чутким и внимательным к событиям жизни. Вы спрашиваете меня, смог ли я за тридцать с лишним лет работы в литературе выразить то, что я хотел сказать людям? Думаю, что для читателя внимательного, умеющего думать и размышлять, я что-то сказал, но для читателя ленивого — нет. Впрочем, ленивый читатель мне и не нужен...

Мы беседуем с поэтом Алексеем Марковым в его рабочем кабинете, увешанном живописными работами как широко известных художников, так и знакомых еще только хозяину квартиры. Я рассматриваю картины, многочисленные поэтические книги, и Алексей Яковлевич мне охотно обо всем рассказывает и многое поясняет. Когда в моих руках оказалась книга с поэмой «Вышки в море», автор тепло улыбнулся и рассказал о человеке, сыгравшем наиважнейшую роль в его литературной судьбе...

— Это Александр Трифонович Твардовский. По существу, он стал моим крестным отцом, лично взявшись редактировать эту поэму. Случилось это в 1951 году, когда я, студент Литературного института, решился показать ему свое первое крупное произведение. Хотя, конечно, шуточно сказать, показать Твардовскому. Автор «Теркина» для нас уже в ту пору был человеком-памятником.

Помню, волнуясь сильно, набрал номер телефона «Нового мира».

— Вам кого?

— Александра Трифоновича,— выдохнул я.

— Его нет.

Через несколько дней устал от однообразных ответов, сорвался и нагрубил секретарше.

— А что вы дерзите? Кто вы такой? — спросила она.

— Представьте себе, что вы целый месяц стоите в очереди за хлебом и всякий раз хлеб кончается перед вашим носом... Вы дерзили бы?

Видно, это подействовало. И в трубке вскоре послышался резкий голос:

— Да, я слушаю...

— Александр Трифонович, я студент пятого курса Литературного института, написал поэму «Вышки в море»,— застрочил я как из пулемета.

— От четырех до пяти в Союзе писателей...— И в трубке послышались гудки.

В назначенное время я был в Союзе писателей. В пять минут пятого показался Твардовский:

— Кто тут из Литературного института? Входите!

Растерявшись от неожиданности, я первым протянул ему руку. Он посмотрел на нее подозрительно, рука моя так и осталась висеть в воздухе. Я хотел взять стул. Твардовский отставил его и сказал:

— Что вам надо?

Очевидно, он боялся встретить в моем лице графомана...

— Я написал поэму...

— Так несите ее в «Новый мир».

— Я устал туда ходить.

— Раз отклоняют, значит, плохие стихи. Я своим работникам доверяю...

Он встал из-за стола, показывая этим, что беседа окончена.

— А что, если поэма отличная? Не стыдно будет вам?

— Стыдно? — Он от удивления откинулся к стене.— Давайте вашу рукопись.

— Алексей Марков,— начал он.— Прекрасно!.. «Вышки в море» — великолепно. Так сейчас все называют...

Затем пошел листать страницы и наткнулся на четверостишие, которое прочитал вслух:

> Бьет молот глухо.
> И море стихло.
> Как будто ухом
> К земле приникло...

Долго смотрел в окно, словно что-то решая.

— Да, это буду читать.

Он взял рукопись к себе домой, а через несколько дней я получил от него приглашение зайти в «Новый мир».

...Поэма «Вышки в море» была напечатана и определила главное в творчестве Алексея Маркова. Вскоре поэт сумел заявить о себе как крупный мастер эпического жанра. Он стал автором таких широко известных поэм, как впервые напечатанные в «Огоньке» «Михайло Ломоносов», «Ильич» и «Пугачев», «Ермак», а также других, заслуженно принесших ему признание и известность. Да и сейчас на его столе лежит только что законченная рукопись новой поэмы о Кондратии Рылееве. Произведение это, как признается сам автор, далось ему нелегко. Довелось побывать в Сибири, Ленинграде и еще многих местах, связанных с жизнью Рылеева и декабристским движением, переговорить с потомками этого великого человека.

— В этот образ я вложил многие свои мысли и взгляды на место и роль поэта в обществе в такой великой стране, как наша Россия.

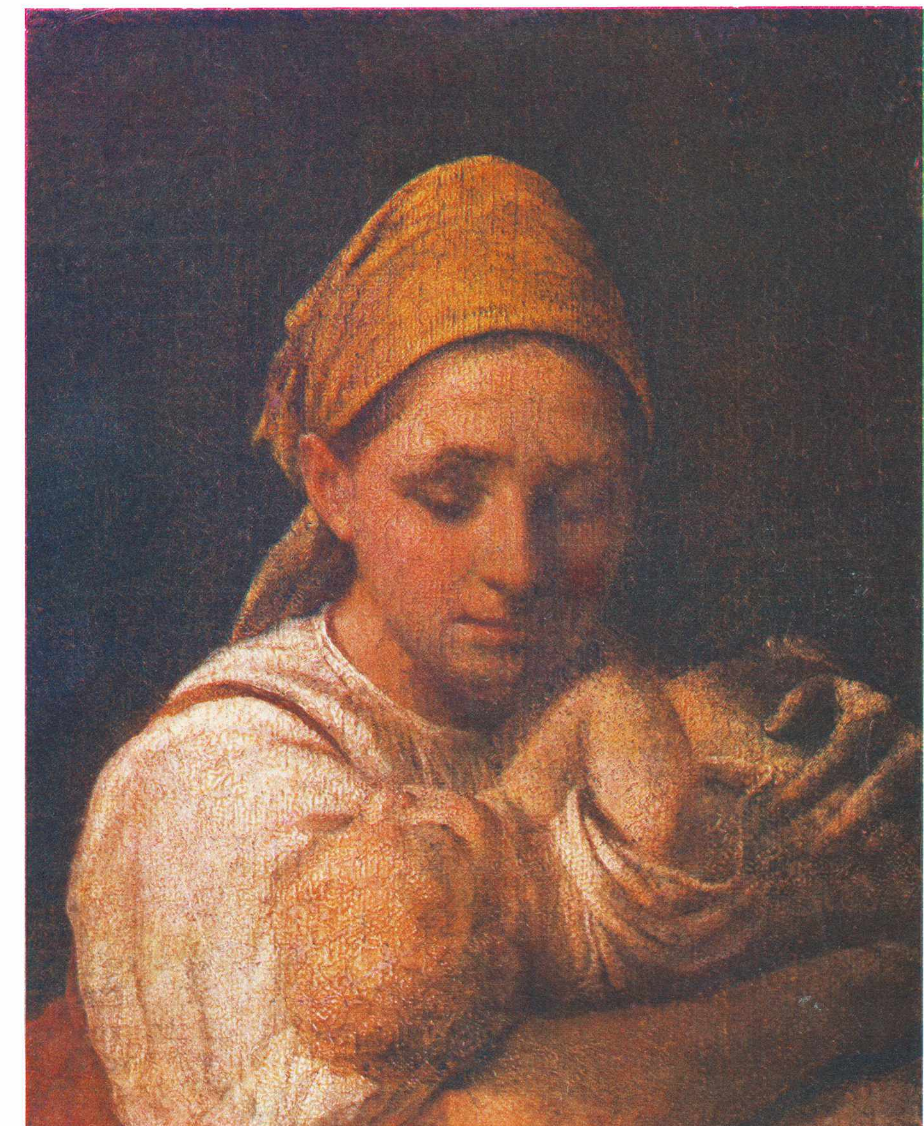
Беседу вел Н. ЛАЛАКИН.

А. Венецианов. ЗАХАРКА. 1825.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Венецианов. СЕНОКОС.

Публикуется впервые.
Из собрания П. Н. Крылова.



КРЕСТЬЯНКА С РЕБЕНКОМ.

Публикуется впервые.
Из собрания М. В. Куприянова.

ЭТИКА ЭКОНОМИИ

Алексей ПАНЧЕНКО

Видно было, что входящий в подъезд жилого дома мужчина не торопился. Но, услышав шаги идущих за ним (а ими были автор этих строк и один из конструкторов объединения «Союзлифтмонтаж», И. Я. Файнштейн), ускорил шаги, рванул входную дверь и бросился к лифту. Мы подошли к шахте буквально через несколько секунд. Тщетно — у лифта никого уже не было, горела лампочка-указатель «занято».

— Человек устанавливал рекорды одновременно по бегу и прыжкам,— пошутил я.

Но Иосиф Яковлевич шутки не поддержал. Обычно спокойный, немногословный, он совершенно неожиданно для меня бурно прореагировал на, казалось бы, рядовой житейский эпизод.

— Ох, уж эта низкая культура пользования лифтами! Она у нас, лифтостроителей, в печенках сидит. Сплошь и рядом пассажирские лифты в домах и учреждениях работают вхолостую. Перерасход энергии от этого громадный. Я уже не говорю о том, что дорогостоящий транспорт выходит из строя раньше нормативного срока, даже при многократном запасе прочности.

Инженер сделал небольшую паузу и столь же темпераментно продолжил:

— Виноват наш эгоцентризм, что ли. Нередко ведь слышишь, входя в подъезд, как некто, подоспевший к лифту раньше вас, старается уехать в одиночку. Слышишь торопливые шаги, прыжок через лестничные ступени — быстрее, быстрее нажать кнопку! Мы с вами стали жертвами именно такого случая. Персонифицировать лифт! Что — подниматься вдвоем, втроем и, боже упаси, вчетвером?! Останавливаться на этажах, ждать, когда выйдут те, кто живет ниже? Нет, это для других, не для меня,— так примерно рассуждает торопыга, презревший этику человеческого общения в быту.

Я думал, что инженер-конструктор уже выпустил все стрелы против «торопыг и персонификаторов» лифтов. Но не тут-то было! Монолог вспыхнул с новой силой:

— И будто не ведают такие транжиры энергии, что лифт — это вертикальный городской транспорт. Резервы экономии энергии здесь очень велики. И, главное, они зависят от нас. В отличие от горизонтального транспорта — трамвая, троллейбуса, где мы, пассажиры, не можем влиять на расход энергии. Многочисленные контрольные проверки показывают, что при «персональном» пользовании лифтом перерасходуется в среднем 25—30 процентов энергии сверх норматива. Даже в домах повышенной этажности, где предусмотрена система парного управления лифтами, исключающая холостые пробеги, мы обязаны помнить и о других пассажирах.

— Так что же, стоять у лифта и поджидать, покамест кто-то подойдет? — не удержался я от вопроса.

— Вовсе нет,— ответил Иосиф Яковлевич.— Просто не следует торопиться нажать кнопку, не стараться «обойти всех». Словом, соблюдать житейские нормы. Не забывать, к примеру, о том, что только у нас в Москве в жилых домах круглосуточно работают десятки тысяч лифтов и среди них нет сугубо персональных.

Автор этих заметок вовсе не хочет, чтобы его считали ретроградом, не призывает вернуться к лучине, не ратует, «чтобы вечерами не сидели с огнем». Не лучина, конечно, но и не «в сто сорок солнц»! Словом, автор глубоко убежден, что без особого ущерба для личного комфорта каждая семья, буквально каждый может сэкономить в быту немало электроэнергии, тепла, воды, а возможно, и газа. В самом деле, так ли уж необходимо, к примеру, чтобы вечерами были освещены пятьсот из шестисот окон двухсотквартирного дома? Но это очень реальная, средневзвешенная, как говорят статистики, пропорция. Семья сошлась в гостиной у телевизионного «Кабачка», а светильники полыхают и в прихожей, и на кухне, и в детской... Небрежность, забывчивость, привычка? Или мы широкие натуры? Подумаешь, мелочиться, экономить — и на чем — на таких дешевых киловатт-часах? (Или — в других случаях — на очень дешевой воде и еще на более дешевом газе.) Кто нас упрекнет — мы исправно платим за все эти коммунальные услуги.

— Мы перерасходуем, другие сэкономят,— так или примерно так рассуждают иные.

Словом, чуть ли не вновь открытый закон сохранения энергии.

И все же рискнем сказать и таким «широким натурам», что в разумной экономии всех средств бытового комфорта нет ничего унизительного ни для кого из нас.

Этика личного отношения к такому делу, как режим экономии, делу, принимающему характер важнейшего общегосударственного, должна исходить из точно осознанных, зафиксированных как норма поведения действий — норма привычная, высоконравственная, достойная гражданина страны развитого социализма.

Да, недра нашей Родины сказочно богаты. Да, Советская страна располагает огромными топливно-энергетическими ресурсами — они достаточны для осуществления грандиозных народнохозяйственных программ. Мы справедливо гордимся тем, что у нас созданы крупнейшие в мире ГРЭС, гидроэлектростанции, вводятся в строй все новые и новые АЭС. Это бесценное наше богатство. И к нему мы обязаны относиться по-хозяйски, не быть расточительными — ни в заводском цехе, ни в институтской лаборатории, ни на колхозной ферме, ни в собственном доме или квартире. Ведь известно, что любая расточительность наносит всем нам ущерб — материальный или моральный.

Слов нет, резервы экономии энергии, тепла, воды, топлива более масштабны и проще вскрываются в производственной сфере. Но специалисты считают, что в такой огромной стране экономия этих ресурсов в быту соизмерима по масштабам с производственной, технологической.

Говоря о необходимости разумной экономии этих жизненно важных ресурсов каждым, хочется напомнить слова из Отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду КПСС: «Ибо экономим мы ради самого для нас дорогого — ради богатства и могущества Родины, благосостояния и процветания нашего народа».

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ТЕПЛО НЕ УХОДИТ

В «Огоньке» (№ 51, 1979 г.) под рубрикой «Рядом с инспектором» напечатана статья Н. Храбровой «Куда уходит тепло», в которой критиковалась работа некоторых теплоузлов Таллина, говорилось о недостатках в теплоснабжении жилых домов, обслуживаемых ими.

Редакция получила ответ начальника жилищного управления Таллина В. Роозиааса, в котором он сообщает, что теплоузел дома № 12/14 по ул. Олевимяги принят в эксплуатацию инспектором энергосбыта. Дом № 27 по Пярну маантеэ после замены деталей в теплоузле отапливается нормально.

Для улучшения обслуживания отопительных систем налажена более четкая работа аварийной службы.

ДИКТУЮ ДИАГНОЗ

В «Огоньке» (в № 26, 1979 г.) напечатана заметка В. Соболевской «Диктую диагноз». Речь в ней шла о работе лаборатории научной организации труда Мосгорздравотдела, об общемосковском конкурсе фономашинисток, который состоялся в этой лаборатории. В конкурсе принимали участие пятьдесят две лучшие фонотипистки столицы. Публикация вызвала немало откликов. Редакция ознакомила с ними Министерство здравоохранения СССР.

Как сообщает заместитель министра А. Сафонов, за последнее время Минздравом СССР немало сделано по созданию в лечебно-профилактических учреждениях магнитофонно - машинописных центров. В соответствии с разработанными планами и программами проводится ознакомление главных врачей учреждений здравоохранения с системой организации магнитофонно - машинописных центров в Республиканской клинической больнице имени П. Страдыня в Риге, в медсанчасти Челябинского тракторного завода, во Валмиерской центральной районной больнице Латвийской ССР, поликлиниках № 22 Киева и № 51 Ленинграда и других. С опытом работы магнитофонно-машинописных центров указанных учреждений ознакомлено более тысячи главных врачей больниц и поликлиник. Эта полезная работа будет продолжена.



Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

«ДЖУИШ КРОНИКЛ» ЗАКАЗЫВАЕТ СТАТЬЮ... МНЕ

«Одиннадцать лет не был я в Англии. И мне, драматургу и сатирику, хотелось поближе познакомиться с театральной и литературной жизнью Англии, реально ощутить развитие советско-английских культурных контактов.

Словом, я запланировал посещение в Лондоне издательств, театров, выставок. Но...

Но на меня обрушился такой поток газетной информации по поводу пресловутого «еврейского вопроса» в Советском Союзе и так называемой защиты советских евреев, что я воспользовался любезным предложением газеты «Джуиш кроникл» и вместо очерка о лондонских театрах пишу эти строки — ведь непрошеные защитники защищают вроде бы и меня, советского еврея...».

Не из страсти к самоцитированию привел я начальные строки статьи, заказанной мне старейшей из западноевропейских сионистских газет — лондонской «Джуиш кроникл».

Без этого читателю трудно будет понять, как могло случиться, что руководители весьма почитаемой в кругах международного сионизма газеты, издающейся на английском языке с 1841 года, сами предложили мне написать для них статью. Хотя предвидели, что получат от корреспондента «Огонька» рукопись, не очень-то приятную для сионистов и их друзей. Хотя знали, что я выступал в «Огоньке» с документальными очерками о сионизме, собранными затем в книге «Дикая полынь». Хотя башмаков еще не износили с той поры, когда яростно топтали мою книгу на своих страницах.

В кабинет главного редактора Готфрида Полла мы пришли в осенний полдень вдвоем с молодым нашим журналистом, работающим в Лондоне. Я совсем не предполагал, что ему придется выступать в роли переводчика с английского. Но оказалось, что главный редактор «органа британских евреев» не знает идиша — разговорного языка евреев Европы и Америки — и иврита, как оказалось, тоже. Ни единого слова! Заметив мое удивление, мистер редактор сердито буркнул:

— А почему я должен знать идиш или иврит? Я не лингвист и не востоковед!

Словом, беседовали мы через переводчика, покамест не появились помощники Полла — хмурый, вроде бы не выспавшийся главный советолог газеты Бен-Шолом и дипломатический корреспондент Рейзин, обладатель огромного набора разнообразнейших улыбок. Первый сначала почему-то притворился, что не знает русского языка, зато второй с места в карьер заговорил со мной по-русски.

— Вы, конечно, думаете,— загадочно улыбаясь, спросил меня Рейзин,— что находитесь в редакции сионистской газеты? — Я кивнул.— Глубокое заблуждение,— продолжал он.— «Джуиш кроникл» представляет собой независимую внепартийную газету еврейских общин Великобритании. Хорошенько запомните.

Я хорошенько запомнил и спросил:

— Как реагирует ваша внепартийная независимая газета еврейских общин на то, что британские неонацисты, в частности все более распоясывающийся «национальный фронт», не только издают антисемитскую литературу, но и весьма настойчиво распространяют ее?

— Брошюры «Действительно ли погибли шесть миллионов?», которая в общем-то, пожалуй, действительно оправдывает злодеяния в гитлеровских лагерях, мы уже как-то коснулись. Но, поймите, таких книжонок здесь выходит много, за всеми не угонишься. Вот, например, оскорбительные для евреев книги написали еще Диана Мосли и Дэвид Ирвинг.

Услышав эти имена, Полл бросил переводчику короткую реплику:

— Антисемитская стряпня!

— Но что поделаешь,— жалостливо улыбнулся мне Рейзин.— Как говорят у вас в России, на каждый чих не наздравствуешься.

— О таком погромном «чихе» английских неонацистов, как «Действительно ли погибли шесть миллионов?», я много слышал. Автор этой брошюры Ричард Харвуд осмеливается назвать истребление гитлеровскими убийцами миллионов евреев в годы второй мировой войны еврейской выдумкой. Что же касается книг Дианы Мосли и Дэвида Ирвинга, то у меня нет никаких оснований не верить вашей оценке, тем более, что ее подтверждает ваш главный редактор. Следовательно, сочинения Мосли и Ирвинга тоже носят профашистский характер. Почему же ваша газета обходит гордым молчанием эту «литературу»? Зато из номера в номер, публикуя всяческие небылицы о нашей стране, вы призываете к «защите» советских евреев. Уж кто-то, а ваш коллега Бен-Шолом, специализирующийся в так называемой советологии, прекрасно знает, что у нас ни в одном уголке огромной Советской страны не могли бы публиковаться хотя бы крохотные отрывки такого сорта литературы. Впрочем, он, может быть, не согласен со мной?

И тут, призвав на помощь переводчика, Бен-Шолом запальчиво вклинился в разговор и возразил мне в стиле логического построения «в огороде бузина, а в Киеве дядька»:

— Зато у вас резко выступают против сионизма!

— Совершенно верно: выступают против сионизма. Выступают против реакционного политического течения, враждебного идеологии многонационального советского народа. Бескомпромиссно выступают и против любого иного проявления буржуазного национализма. Но у нас выступления против сионизма — это не выступления против людей еврейской национальности, у нас не ставят знака равенства между сионизмом и еврейством. А вы со стороны молча наблюдаете, как фашистские элементы в вашей стране оскорбляют сограждан-евреев — читателей вашей газеты — и, по существу, пропагандируют антисемитизм. Как это понять?

— Надо прежде всего понять особенности английского общества,—назидательно ответил мне господин советолог.— Каждый имеет право за свои деньги публиковать свою оценку истории и современных событий.

— Значит, вы в своей газете могли бы за свои деньги опубликовать правду об антисемитских книгах профашистов из «национального фронта».

— У нас не любят, когда одни англичане зажимают убеждения других англичан, тем более из интеллектуальной среды. А ведь авторы из «национального фронта», как и мы, англичане, причем гораздо знатнее нас. Вот советский писатель — иное дело. Он волен самым резким образом выступить против их книг.

— Даже в «Джуиш кроникл»,— подхватил Рейзин. И тут же, быстро пошептавшись с Поллом, обратился ко мне: — Напишите для нас статью. Раскритикуйте пронацистские книги.— И, торжествующе улыбаясь, добавил: — Но вы, конечно, ни за что не согласитесь выступить в нашей газете!

БЕН-ШОЛОМ ЗАГОВОРИЛ ПО-РУССКИ

В голове сразу же мелькнула мысль: а не таится ли за этим предложением провокационный подвох? Но я ответил себе: для того, чтобы меня спровоцировать, надо ведь сначала опубликовать мою статью; а это значит, что строки правды об «еврейском вопросе» и фальшивой подноготной призывов к «защите» советских евреев все-таки прочтут читатели крупнейшей сионистской газеты Англии. Еще раз взвешивая все «за» и «против», я с нарочитой неторопливостью прихлебывал чай. Мои собеседники насмешливо переглянулись между собой.

— Согласен,— огорчил их я.— Как опытные журналисты вы, конечно, понимаете, что я, иностранец, не могу сразу же начинать статью с антисемитской литературы в Англии. Вначале я должен высказать свои взгляды на «еврейский вопрос» и рассказать читателям правду о советских евреях, которых вы так усердно «защищаете». Я хоть не государственный служащий, но как советский гражданин считаю своим долгом напомнить вашим читателям, что отъезд отдельных лиц, желающих выехать из Советского Союза в Израиль, откладывается иногда из-за того, что они по роду своей работы владеют государственными тайнами. А зачастую отъезд задерживается из-за неурегулированности семейных отношений: мне, к примеру, известно, как больная старуха, жительница Баку, долго не давала согласия на отъезд единственной дочери, которую вырастила после смерти мужа...

— И вас не пугает, что мы имеем право на редакционные комментарии? — нетерпеливо прервал меня по-русски Бен-Шолом, забыв, очевидно, в сильном волнении, что не владеет русским языком.— И затем учтите,— совсем уж запальчиво воскликнул он,— по поводу вашей статьи могут высказаться несогласные с вами авторы!

После таких возгласов уже несложно было разгадать ход сионистских журналистов: они намерены воспользоваться моим выступлением как поводом для очередной серии антисоветских «читательских откликов». И все же, подумалось мне, мои строки смогут хоть в какой-то степени раскрыть непредубежденным читателям «Джуиш кроникл» глаза на правду.

— Английский перевод,— напомнил я,— должен быть просмотрен и одобрен моим молодым другом.

— Безусловно,— подтвердил Бен-Шолом.— Если послезавтра я получу вашу рукопись, то на следующее утро пришлю вам в отель перевод.

— Сейчас возьму для вас в библиотеке брошюру Харвуда,— любезно улыбнулся мне Рейзин.— У вас будет конкретный материал для главной темы.

— Но не единственной. Ее ведь нельзя изолировать от практики английских сионистов, от шумихи насчет «защиты» советских евреев.

Мои собеседники несколько приуныли. И пока я ждал возвращения Рейзина из библиотеки, Бен-Шолом снова начал подзуживать меня:

— Вашу статью, предупреждаю, мы можем опубликовать только после того, как вы уже

уедете из Англии. Ведь «Джуиш кроникл» — еженедельник, и весь материал номера мы готовим за три недели до выхода в свет. Только особо важную информацию мы сдаем в набор накануне.— И тут господин советолог соизволил даже пошутить: — Вот если бы мы, к нашему удовольствию, узнали, что вы решили покинуть Советский Союз, то дали бы сообщение вне графика — срочным набором.

— Я понимаю, из-за моей статьи вы ломать график не собираетесь.

Рейзин вернулся и принес мне брошюру Харвуда.

Мы с другом собирались уже покинуть кабинет главного редактора, как вдруг Рейзин, получив от него какие-то наставления, подошел ко мне и с подчеркнуто добродушной улыбкой сказал:

— Хочу откровенно вам кое-что сказать. Вы же понимаете, что мы не все можем допустить на свои страницы. Ну, например, не пишите, что некоторые советские евреи, получив визу, вдруг ни с того ни с сего отказываются от нее. Даже мы знаем отдельные фамилии...

— Не некоторые и не отдельные, а очень многие берутся за ум, пока не поздно.

— Тем более мы не спешим докладывать об этом нашим читателям. Мы ведь заказали вам статью для того, чтобы вы высказали кое-какие взгляды на проблемы лондонского еврейства, а не для пропаганды. Второе. Не играйте, пожалуйста, на экономических трудностях Израиля. Поверьте, мы сами об этом иногда пишем.

— Почему же нельзя об этом упомянуть мне?

— Мы и вы — две большие разницы, как говорили будто бы в Одессе,— натужно рассмеялся Рейзин.— Все зависит от тона. Мы об инфляции в Израиле пишем так, чтобы английский еврей вспомнил о своей обязанности помогать еврейскому государству. А вы, боже упаси, напишете так, что какой-нибудь бирмингэмский швейник скажет жене: «Знаешь, может быть, все-таки не надо торопиться с отъездом нашего сына в Израиль?»

— Я напишу правду.

— Такая правда плюс ваши комментарии нам не подходят. Не подходят и жилищные трудности в Израиле и антагонизм между отдельными этническими группировками. Я бы мог вам назвать еще другие темы, которых вам не стоит касаться, но...

Воспользовавшись паузой, Бен-Шолом, совсем уже нахмурившись, заключил нашу беседу:

— Послезавтра к полудню жду вас со статьей.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПАКОСТНЫМИ КНИЖОНКАМИ

И вот я держу в руках произведение Ричарда Харвуда.

Брошюра альбомного формата в оранжевой обложке озаглавлена в полном соответствии с провокационной задачей заказчиков: опровергнуть известные всему человечеству страшные факты массового истребления евреев в оккупированных гитлеровской армией странах.

«Действительно ли погибли шесть миллионов?»

Нет, отвечает автор на поставленный в заглавии вопрос, не погибли в годы второй мировой войны в гитлеровских лагерях смерти миллионы евреев. И не верьте, дескать, всему, что миру известно о кровавых расправах в Освенциме, Майданеке, Треблинке, не верьте дневнику Анны Франк, не верьте документальным свидетельствам гибели узников в газовых печах. Для большей убедительности на обложке поистине с геббельсовским цинизмом обозначено: «Исторический факт № 1. Наконец-то правда».

Неужели это грязное сочинение написано в семидесятых годах нашего столетия? Неужели оно вышло в свет легально, открыто? Неужели его издали в стране, где принято особенно кичиться демократическими принципами?

На все эти вопросы приходится ответить, к сожалению, утвердительно. Да, пухлая пронацистская брошюра впервые издана в 1976 году. Да, совершенно открыто продается и рассылается. Да, издана и переиздается в Англии, где определенные круги шумно выступают в роли «защитников» советских евреев.

Те, кому это пропитанное ядом человеконенавистничества произведение не пришлют на дом, могут приобрести его всего за 20 пенсов — цену, как подчеркивают англичане, скорее символическую, нежели реальную. Тем более, что оптовым покупателям скидка до 8 пенсов за экземпляр. Если сопоставить эту мизерную цену с пышным оформлением брошюры и загадочно смонтированными, но имеющими неприкрытую цель реабилитировать лагерных палачей иллюстрациями, нетрудно догадаться, что издание явно убыточное, оно потребовало значительной дотации.

Конечно, нашлись меценаты, субсидировавшие издание брошюры, автор которой назван профессором Лондонского университета.

Ложь № 1!

К чести университета, в рядах его профессуры и не пахнет Ричардом Харвудом. Стремясь придать своему труду научную окраску, громкозвучным званием профессора воспользовался Ричард Виралл — один из наиболее активных идеологов и пропагандистов махрово расистского сборища.

У этого сброда, вышагивающего на демонстрациях с портретами Гитлера и знаменами со свастикой, немало всяческих разветвлений и ответвлений. Все они выступают против присутствия в стране так называемых нежелательных элементов, точнее, «цветных, черных и иноплеменных», а одна «веточка», назвавшая себя «британским движением», имеет более узкую специализацию: антисемитские акции.

Вот кого представляют собой Ричард Виралл и его покровители, поставившие во всеуслышание кощунственный вопрос: а действительно ли гитлеризм занимался планомерным истреблением евреев?

Не преувеличиваю ли я, подчеркивая «во всеуслышание»? Ведь одна ласточка весны не делает, могут мне возразить. Ну, допустим, как-нибудь проскользнула в печать одна пронацистская брошюра.

Но передо мной и вторая «ласточка». Я видел ее в витринах многих книжных магазинов Лондона. На Бейкер-стрит продавец рекомендовал мне ее так:

— Своеобразный бестселлер. Не сексуальный и не приключенческий, а документально-исторический. Идет нарасхват не только у нас, но и во Франции, ФРГ, Швеции, наконец, в Соединенных Штатах. Хотя первое издание вышло еще в 1977 году, мода на книгу не прошла.

Действительно, весьма своеобразный бестселлер! Он принадлежит перу, как правильно меня информировали в редакции «Джуиш кроникл», писателя-историка Дэвида Ирвинга и называется «Война Гитлера». Автор утверждает: доверчивого фюрера злонамеренно обманывали некоторые его приближенные: массовое истребление в Европе миллионов поляков, русских, белорусов, украинцев, евреев, чехов, сербов, цыган, людей других национальностей совершалось, дескать, вопреки точно сформулированным намерениям Гитлера.

Только книга Ирвинга вышла в свет, как многие историки, в том числе и в ФРГ, глубоко встревожились. Если лживые «исторические» концепции Дэвида Ирвинга не будут решительно опровергнуты, высказали они справедливое опасение, нынешние последователи Гитлера незамедлительно воспользуются ими в пропагандистских целях.

Воспользовались. И не только в пропагандистских, но и в юридических целях. В Дюссельдорфе, на судебном процессе 14 долго укрывавшихся от руки правосудия гитлеровских лагерных охранников, адвокаты не преминули огласить пространные цитаты из «исторического исследования» Ирвинга, обеляющие их подзащитных.

А в самой Англии не только сионисты в общем-то равнодушно прошли мимо брошюры Виралла и книги Ирвинга. Не заметили обнародования прогитлеровской и антиеврейской стряпни и рядящиеся в одежды горячих защитников советских евреев сотрудники нееврейской «независимой» английской прессы. Сделав хорошую мину при плохой игре, не заметили пронацистских книг и те общественные и политические деятели, которые молниеносно замечают и подхватывают любое клеветническое сообщение о «бесправии» советских евреев. Среди английских магнатов еврейского происхождения тоже не нашлось такого, кого покоробило бы публичное надругательство над памятью погибших и попытка представить читателям Гитлера в роли добродетельной «жертвы» своих выкормышей.

Видимо, английские сионисты и прочие «борцы за права евреев» (права, разумеется, вне Англии!) совсем вычеркнули из памяти подробно разработанную гитлеровцами чудовищную программу, предусматривающую уничтожение в Европе 11 миллионов евреев.

Напомним!

В этой программе, утвержденной на особом совещании в Берлине 20 февраля 1942 года (кодовое название «Ванзее»), конечно, не забыта Англия. У меня хранится фотокопия протокола «Ванзее». И в разделе «В» под графой «страна» значится Англия, а под графой «количество» указано — 330 тысяч. Как же вы, господа поборники прав евреев, так и не соизволили заметить, что среди пяти миллионов евреев в Европе, оставшихся по не зависящим от гитлеровцев причинам в живых, значатся и 330 тысяч запрограммированных к истреблению в лагерях ваших соотечественников — граждан Великобритании!

Полистал я и третью печатную «ласточку», понесшую из Англии по белу свету неонацистские писания. Речь идет о книге откровенно фашистского толка под хлестким названием «Жизнь контрастов». Посвященная Адольфу Гитлеру и его «исторической миссии», книга принадлежит перу леди Мосли.

Мосли? Тут нет случайного совпадения фамилий: Диана Мосли — достойная супруга и верная соратница многолетнего лидера английских фашистов Освальда Мосли. К брачной церемонии леди Диана пришла уже законченной последовательницей Адольфа Гитлера. Она, правда, вопила только о своей идейной преданности фюреру, а не о своей чисто женской любви к нему, как ее сестра Юнити Редсейл, получившая от Гитлера портрет и книгу «Майн кампф» с личной дарственной надписью.

В своей книге, выпущенной издательством «Хэмиш Гамильтон», супруга Освальда Мосли не отважилась, правда, поставить под сомнение зверства в фашистских застенках, но поспешила подчеркнуть, что в них виноваты... сами же евреи. Не надо было, дескать, противиться Гитлеру и столь контрастно «стоять на его пути». Словом, «Жизнь контрастов» можно поставить на одну полку с брошюрой Виралла и книгой Дэвида Ирвинга.

Ко всем трем пронацистским, отъявленно антисемитским книжонкам английские сионисты отнеслись абсолютно одинаково: не подняли волны протеста против их опубликования, не показали в своей прессе, в частности в «Джуиш кроникл», их опасную сущность.

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Откуда же холодное равнодушие сионистов к воинствующему антисемитизму? Отчего они молчат?

Слово для ответа на эти неизбежные вопросы попробуем предоставить нескольким сионистским деятелям разных времен и разных рангов.

Антисемитизм — «явление, полезное для еврейской индивидуальности»,— находим мы ответ в сочинениях основоположника сионизма Теодора Герцля. Он видел в антисемитизме положительный фактор для сохранения «расовой и духовной чистоты» евреев.

«Как повод для сионистской агитации антисемитизм, особенно возведенный в принцип, конечно, весьма удобен и полезен»,— еще в 1905 году ответил на поставленные выше вопросы известный сионистский идеолог и организатор В. Жаботинский. А в 1938 году он подчеркивал положительную роль преследования евреев для «катализа» их выезда в Палестину.

«Постепенное исчезновение антисемитизма может оказаться новой опасностью для об-

щееврейского дела»,— говорил бывший президент Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман.

«Могу гарантировать, что антисемитизм в 10 тысяч раз эффективнее влияет на переселение евреев в Израиль, чем тысячи эмиссаров и призывов об увеличении иммиграции»,— доказывал на страницах израильской газеты «Давар» сионистский теоретик Шарун, ратуя за раздувание искусственных очагов сионизма.

«Сионизм за всю историю своего существования никогда не ставил себе целью освободить еврейское население от пресса антисемитизма в странах, где евреи столетия назад построили свои домашние очаги. Наоборот, сионизм отвергал и отвергает борьбу против антисемитизма» — так утверждает А. Майгил, издавший в 1951 году в Нью-Йорке книгу об Израиле.

«Совсем будет неплохо, если простой еврей получит по почте антисемитскую листовку с угрозами или увидит на стене синагоги свастику,— советовал в 1977 году один из сионистских лидеров Аргентины, Майман, своим единомышленникам.— Ночью такому еврею приснится Гитлер, и, проснувшись в холодном поту, он скажет жене: «Как ни крути, а придется переселиться в Израиль. Лучше жить хуже, но жить».

«Так антисемитизм был возведен в ранг веры и превратился в приводной ремень сионизма» — этот вывод американского публициста Лилиенталя логически завершает все вышеприведенные откровенные оценки антисемитизма как полезного сионизму явления. Недаром так широко поныне бытует в сионистской среде циничная поговорка: «Если бы антисемитизма не было, его пришлось бы выдумать».

И нередко выдумывают. По мере спроса. Прибегают к таким гнусным приемам не только заправилы, но и рядовые, мелкие агенты сионизма.

В Лондоне, к неудовольствию сионистов, стало известно о таком, например, случае.

Отец и мать никак не могли уговорить дочь-студентку уехать с ними из Белоруссии в Израиль, откуда неведомая родственница, выдавая себя за состоятельную владелицу шикарного ресторана, бомбардировала их посулами молочных рек в кисельных берегах. И все же родителям никак, повторяю, не удавалось убедить дочь покинуть родную Белоруссию, институт, студенческую среду. Об этом пронюхали те, кто сам не торопится на «вторую родину», но своими провокационными нашептываниями и зазываниями охотно калечит жизнь другим. Шептуны прибегли к тому, что на языке сионистской пропаганды именуется «усиленным психологическим и моральным воздействием на колеблющихся». Они стали преследовать студентку телефонными звонками, прикидываясь земляками белорусской национальности. «Не нужна ты никому здесь, поскорее убирайся в свой Израиль», «Все равно не дадим тебе закончить институт», «Дождешься, что мы тебя начнем организованно бойкотировать» — вот что слышала девушка в телефонной трубке. Были словеса и более угрожающие.

Когда родители привезли дочь в Израиль, отец уже на аэродроме поспешил сообщить репортерам, как антисемиты по телефону терроризировали девушку угрозами и оскорблениями. Бывшая студентка стала подавальщицей в грязной харчевне, каковым на деле оказался шикарный ресторан неведомой родственницы.

А через несколько месяцев молодой муженек перезрелой хозяйки проболтался работавшей «по-родственному» за гроши подавальщице: «А здорово тебя разыграли по телефону липовые белорусы! Я чуть не лопнул со смеха, когда услышал, как ты легко поверила, что тебе действительно угрожают. Но теперь ты, правда, должна быть благодарна мистификаторам — если бы не они, ты не попала бы в Израиль».

К подобным подлым мистификациям неоднократно прибегала сионистская агентура и на Украине и в Молдавии.

Вспомнив в лондонском отеле все это, я с еще большим отвращением отшвырнул три поганые книжонки и окончательно перестал удивляться (уверен — и читатель тоже!) благодушному отношению английских сионистов к пронацистской пропаганде.

Но все же решил вникнуть в английскую специфику этого явления, увидеть чисто английские приметы двуединства сионизма и антисемитизма, этих двух сторон одной медали.

Едва наступило утро, я постарался встретиться с лондонским жителем еврейского происхождения — пожилым театральным работником. После второй мировой войны он поддерживал сионистов, но разбойничье нападение Израиля на арабские страны в 1967 году и открытая поддержка этого нападения сионистскими организациями других стран заставили его бесповоротно отойти от сионизма. К счастью, Томас не был формально зарегистрирован ни в одной из сионистских организаций, и его «измена» не повлекла поэтому за собой никаких актов расплаты со стороны его бывших единомышленников.

И поныне Томас регулярно читает газеты сионистов, но уже исключительно для того, чтобы «не прозевать ни одной их проделки».

— Это окупается. Порой мне удается вытащить кого-нибудь из моих знакомых из сионистских сетей. Правда, не могу сказать, что многих,— грустно признался мне Томас.— Есть такая пословица: коготок увяз — всей птичке пропасть. Дела сионистов это подтверждают. Они без боя уж не выпустят из своего болота того, кто увяз в нем хотя бы одним коготком.

МОНОЛОГ ЧЕЛОВЕКА, ОТРЕКШЕГОСЯ ОТ СИОНИЗМА

Говорили мы с Томасом довольно долго. Я ограничивался короткими репликами и больше слушал своего собеседника. Вот почему в моей записной книжке этот разговор приобрел форму монолога Томаса:

— Ну кого из знатных сионистов могут испугать пронацистские писания? Семью Исаака Вольфсона? Вы о нем, конечно, слышали, как о почетном президенте объединения сионистских организаций Великобритании. Это дань его авторитету в кругах финансовых воротил всего мира, его большим миллионам, перед которыми склоняют голову самые отъявленные пронацисты. Вольфсон считается первым богачом среди английских магнатов еврейского происхождения. И когда дела его бесчисленных фирм и предприятий дают особенно хорошие барыши, он отваливает в кассу сионизма по пять миллионов фунтов стерлингов в год. Правда, многие английские сионисты втайне вздыхают: «Ах, почему львиная доля этих денег перепадает не нам, а Израилю!» Сионистские руководители Израиля ценят щедрость миллионера. Недавно, я слышал, в одной компании тель-авивский журналист с гордостью сказал: «На Вольфсона израильское правительство молится!» А бухгалтер из Уэст-Энда добавил: «Не только молится, но и оказывает ему — а это более существенно для крупного дельца! — налоговые поблажки. Под прикрытием израильского флага Вольфсону помогают заключать выгодные сделки с официально бойкотировавшимися Англией в прошлом расистами в ЮАР и Родезии». Да, верность английского миллионера Вольфсона и его компаньонов сионизму вознаграждается не только морально.

А журналист гнет свое: «Вольфсон порядочно вкладывает в сионизм». Бухгалтер и на это как следует возразил: «Но еще больше получает. И не только в Израиле. В странах Латинской Америки, в Голландии, Бельгии сионистское лобби добилось для Вольфсона таких налоговых льгот, что просто удивляешься, как могут мириться с этим правительственные учреждения этих стран».

— Теперь вам ясно,— спросил меня Томас,— что богатейшему клану Вольфсонов наплевать на то, что угрозы молодчиков из «национального фронта» могут напугать какого-нибудь еврея из портняжной мастерской или автобусного парка? Если эти угрозы в конце концов подтолкнут портного или кондуктора к решению эмигрировать в Израиль, Вольфсоны только обрадуются: английские сионисты сумели все-таки пополнить население Израиля еще одной единичкой из Англии!

Может быть, вам кажется, что антисемиты из «национального фронта» страшны для другого клана сионистских меценатов из среды видных английских дельцов,— продолжал Томас,— для семейства Сэмюэлей? За них тоже можете не волноваться. Я приведу вам только один пример их финансовых возможностей и влияния на экономику Англии: в числе многочисленных промышленных компаний, к которым причастны Сэмюэли, числится и ротшильдовская фирма «Империал кемикл индастриз». Высокая марка для самых высших английских сфер! Что ж тут говорить о леди Мосли, Дэвиде Ирвинге, Ричарде Виралле и прочих неонацистских писаках? Стоит комунибудь из клана Сэмюэлей сурово взглянуть на них — и эти крикуны вытянутся перед ними в струнку. Перед миллионами у нас все пасуют. И никакие неонацисты не смеют нападать на Сэмюэлей за то, что они усердно субсидируют общество «Друзья иерусалимского университета», «Сионистское молодежное движение Хабоним» и особенно «Англо-еврейскую молодежную ассоциацию». Да, особенно. Она ведь организует поездки юношей и девушек из Англии на учебу в Израиль. Сэмюэлей, видите ли, больше всего беспокоит слабое пополнение сионистских рядов молодежью. Именно на сионистскую пропаганду среди юношей и девушек нацеливают Сэмюэли ваших новых знакомых из «Джуиш кроникл» и руководителей издательства «Валентайн, Митчелл паблишинг компани» — и те и другие уютно живут под стерлинговым крылышком Сэмюэлей. Стоило бы им только дать команду редакторам «Джуиш кроникл», как они из номера в номер стали бы обличать «национальный фронт». Команды, очевидно, не последовало.

Пойдем дальше, ну кто там у нас на очереди? — сам себя спросил Томас и стал перечислять: — Сидней Лоуренс Шилтон, главный секретарь федерации сионистов Англии? Фишер, президент совета представителей еврейских общин Великобритании — по названию организации вроде бы не сионистской, но только вроде бы. Сионисты говорят про Фишера, что в Англии он у них самый главный. К главным принадлежит и Голд, руководитель «национального совета по делам советских евреев» — каков титул, а? Вы представляете себе, скажем, появление в Армянской ССР комитета по делам английских армян? У нас тоже никто себе не может такого представить, но сионисты все себе позволяют... Пойдем дальше. Майкл Фидлер, директор общества «Консерваторы — друзья Израиля» и непременный представитель английских сионистов на брюссельских антисоветских сборищах «в защиту советских евреев». Может быть, перейти к дамам? Допустим, к госпоже Барбаре Оберман, председательнице «комитета за освобождение советских евреев»?.. Нет, нет, как же я мог забыть такого именитого покровителя и мецената сионистского движения, как лорд Зиф! Ну как бы покороче сказать?..

Подумав несколько мгновений, Томас воскликнул:

— Послушайте, вы ведь не раз бывали в Англии! Можете назвать какой-нибудь город, большой или маленький, где не видели бы вывески универмага «Маркс энд Спенсер»? Такие вывески можно видеть во многих странах, даже на других континентах. А ведь «Маркс энд Спенсер» — это только одно звено в огромнейшей цепи фирм и компаний, принадлежащих клану Зифов. От каждого шиллинга, который вы потратили в их магазинах, какой-то процент обязательно попадает в сионистскую кассу. Главу семьи можно назвать и активным руководителем важнейших сионистских акций. Именно лорд Зиф, а не кто иной, был, к примеру, одним из инициаторов и организаторов регулярных международных совещаний миллионеров, на которых разрабатываются планы финансирования сионистской деятельности не только в Израиле, но и во всем мире...

ОНИ ПОКУПАЮТ «ДВОЙНЫХ»

— В том числе, кажется, и борьбы за «двойное гражданство»? — спросил я.

— Не кажется, а так оно и есть,— ответил

Томас.— Человек и не помышляет об Израиле, для него Израиль — совершенно неизвестная и далекая страна. А ему внушают: прими на себя обязанности гражданина этой чужой тебе страны. Еще в 1968 году на международном совещании миллионеров Зиф, возглавляющий британский комитет содействия, вернее, объединение толстосумов еврейского происхождения, пел восторженные дифирамбы управляемому сионистами государству. Зиф утверждал, что это государство является... Одну минуточку, у меня записано точно... Вот-вот: «Израиль является осуществлением вечного пророчества, радует сердце и усиливает религиозное решение новой эпохи в еврейской истории».

Прочитав это изречение сионистского магната, Томас отложил папку с газетными вырезками и продолжал:

— Эти слова широко разрекламировала сионистская пресса. Казалось бы, многочисленная челядь Зифа тут же упакует хозяйские чемоданы, и он увезет свою семью в Израиль — туда, где так радует сердце «осуществившееся вечное пророчество». Тем более, что лорду, как вы понимаете, не потребовалась бы материальная помощь «Сохнута».

Так ведь? — спросил меня Томас.— Но вместо переезда в Тель-Авив Зиф окружил себя в Лондоне ораторами и журналистами, которые всячески внушают не принадлежащим к элите английским евреям — их обычно сионисты называют обыкновенными: ох, не уверены мы в вашем будущем на территории Великобритании! Цель таких внушений ясна: пусть «обыкновенные» евреи, у кого нет в Англии недвижимого имущества и крупных капиталовложений, призадумаются над тем, а не попытать ли им счастья в Израиле. Вдумайтесь, какой же смысл,— продолжал Томас,— Зифу и его окружению выступать против неонацистских пропагандистов, если те своими книжками тоже сеют сомнение в сердцах трудящихся евреев: а не лучше ли поменять Великобританию на Израиль? Ну, а против, скажем, ассимиляции «незнатной» части еврейского населения сионисты выступают еще более воинственно, нежели питомцы «национального фронта». Каждый смешанный брак в среде «обыкновенных» они считают идейным уроном и объявляют его порождением... антисемитизма. Такая характеристика, конечно, совершенно не касается смешанных браков в высших сферах, когда речь идет об отпрысках богатых еврейских семей. Кстати, таких взглядов особенно ревностно придерживается Барбара Оберман. Итак, перехожу к ней...

— Стоит ли продолжать перечисление имен и фактов? — позволил я себе прервать Томаса.— Если я обнародую все вам известные, мне могут напомнить весьма нелестные слова Бальзака о нагромождении фактов. Вы и так достаточно убедительно показали, почему антисемитская литература, сеющая страх в сердцах «обыкновенных» евреев, попросту выгодна крупным деятелям сионизма в Англии. Еще и еще одно доказательство того, насколько тесно переплетаются сионизм и антисемитизм...

— И того,— добавил Томас,— почему было бы очень наивным удивляться: боже мой, почему же сионисты в Англии не возвышают голос протеста против акций, унижающих человеческие права и достоинство трудового еврейского населения? А ради чего, собственно, станут это делать титулованные и нетитулованные магнаты, примыкающие к сионизму? Ради портного, шофера, приказчика? Антисемиты ведь преследуют не всех евреев, а только тех, кто стоит на задворках общества. А сионистские заправилы, верные своим классовым, да, исключительно классовым интересам, защищают только тех, кто принадлежит к сливкам того же общества.

Вникая в доводы Томаса и знакомясь с имеющимися у него документальными материалами, нетрудно было еще и еще раз убедиться: «Борьба против сионизма — борьба классовая». Именно с такой выразительной простотой назвал одну из своих статей Меир Вильнер, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля.

Продолжение следует.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Ф. ПИМЕНОВА

ПИСАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ



Имя известного советского театрального критика, искусствоведа, писателя Владимира Федоровича Пименова тесно связано со всеми процессами становления, развития и побед советского театрального искусства и отечественной литературы.

Я знаком с Владимиром Пименовым больше сорока лет и не помню ни одной встречи с ним, чтобы не возник разговор о судьбе современного театра и драматургии. Этот человек буквально живет жизнью театра, жизнью многочисленных своих друзей, драматургов, режиссеров, актеров, художников.

Пименов — критик острый, глубоко анализирующий произведения театрального искусства. И при этом основным его качеством является необыкновенная доброжелательность, чего не хватает многим нашим критикам. Нет, Пименов не прощает те или иные промахи, неудачи или провалы. Он говорит о них со всей откровенностью, но при этом критикуемый не обижается на него, ибо Пименов видит за ошибками художника его истинные творческие возможности и раскрывает эти возможности.

Мы знаем Пименова как постоянного борца за советскую драматургию. Он составитель первых сборников пьес советских драматургов. Многие авторы читали и читают Пименову свои рукописи еще до того, как они выносят их на суд общественности, потому что в Пименове они всегда находят доброго и умного советчика.

Перу Пименова принадлежат десятки книг о театре, о драматургии, об искусстве режиссера и актера, обо всем, что касается развития советского театра. Его многочисленные очерки, статьи и книги: «Жизнь, драматургия, театр», «Путешествие в театральные миры», «Занавес не опущен», «Год за годом», «Жизнь и сцена», «Жизнь, отданная театру», «Продолжение пути», «Актрисы», «Свидетели живые» и многие другие — являются как бы летописью становления и развития советского театра.

Дружба Пименова с такими драматургами, как Борис Ромашов, Борис Лавренев, Николай Погодин, Алексей Файко, Всеволод Вишневский, Александр Корнейчук, и другими дала Пименову колоссальный материал для создания живых образов первопроходцев советской театральной литературы.

Заботы Владимира Федоровича Пименова о советской драматургии не ограничиваются лишь книгами, статьями и очерками. Он один из первых организаторов семинаров для молодых драматургов, на которых он почти всегда присутствует, принимая активное участие в выявлении новых молодых театральных писателей.

Владимир Федорович Пименов — прекрасный педагог. Он уже давно является ректором Литературного института имени Горького СП СССР. Многие советские писатели, учившиеся в Литинституте, с благодарностью и уважением всегда думают о своем учителе—профессоре Пименове, так много сил, энергии и таланта отдающем воспитанию молодых литераторов.

Те, кто лично знает Владимира Пименова, искренне удивляются тому, что в эти дни ему исполняется уже семьдесят пять лет. Хочется от всей души поздравить Владимира Федоровича с юбилеем и пожелать сохранить на многие годы присущие ему молодость и энергию.

Георгий МДИВАНИ

В гостях у «Огонька»

Недавно в гостях редакции побывал известный болгарский поэт, лауреат премии имени Димитрова, председатель Союза болгарских писателей Любомир Левчев.

В дружеской беседе были затронуты вопросы братского сотрудничества наших народов, наших литератур. Любомир Левчев отметил, что контакты писателей постоянно обогащают наши родственные литературы, рассказал о новых работах болгарских писателей, а также поделился своими творческими планами.

В беседе приняли участие сотрудники редакции и поэт В. Сидоров.



Любомир Левчев.



ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ СВОЕ ПРОПУСКАЯ

Анатолий Парпара. И жизнь права... Книга стихотворений. М. «Современник» 1979. 111 стр. Постижение пространства. Стихи. М. «Советский писатель». 1979. 96 стр.

У Анатолия Парпары в минувшем году вышли в свет две книжки стихов. Одним из программных, стержневых произведений, вокруг которых группируются остальные стихи сборника «И жизнь права...», несомненно, является поэтический репортаж «Созвездия КамАЗа». Рассказывая о поездке в Набережные Челны и встречах с рабочим коллективом, поэт вспоминает и свою собственную трудовую юность, первые шаги на тернистой стихотворной стезе:

...Сердцем и душой взрослея,
Перед рабочими в долгу,
Я верил: многое сумею,
Я думал: многое смогу...

И вот поэт один на один с пытливой и ждущей массой: «настало время отдавать»... Собственно, обе книжки поэта не что иное, как своеобразный импровизированный отчет — отчет перед невидимой, но требовательной читательской аудиторией. Репортажно-импровизационное начало видно и в стихотворении «Так резко очерчены горы...», посвященном памяти Николая Рубцова, и в путевом цикле «Дорогами Сибири», ставшем основой сборника «Постижение пространства», во многих других. Публицистически заостряя тему, поэт ведет с читателем прямой, доверительный разговор, в лучших стихах избегая риторики и поверхностности, этого бича большинства дорожных произведений. При этом А. Парпара не просто фиксирует сумму впечатлений и мимолетные явления природы и жизни, но размышляет над ними, пытаясь постигнуть глубинную суть вещей, их внутреннюю связь и взаимообусловленность.

«Объездивший и облетавший страну и вдоль и поперек», поэт одинаково любит и ценит «русскую радость, Смоленщину» и «звонницу медного бора» на Волге, «зелень усталых акаций» московского бульвара и «кокошник вечерней байкальской зари»... В цикле «В Ромашково» видится акварельный набросок тех мест, любовь к которым человек проносит сквозь всю свою жизнь.

Все заботы родимого края
На себя принимаю, как честь.
Через сердце свое пропускаю...

Это не просто поэтическая декларация, но и выражение личности поэта, его гражданского мировоззрения, сформированного всем опытом жизни — «от ранних лет, обиженных войною, до дней, с которых виден перевал». Это и залог новых стихов и книг, которых следует ждать от поэта.

Иван ИСАЕВ

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

«Бесславный юбилей» — так называлась критическая статья, опубликованная в одном из сентябрьских номеров «Огонька» (см. № 36 за 1979 год). В ней шла речь о причинах невероятно затянувшегося (на десять с лишним лет!) строительства санатория ВЦСПС «Кемери».

Через два месяца редакция получила ответы.

Секретарь Юрмалского ГК Компартии Латвии Я. Калагурский сообщил, что статья обсуждалась в парткоме треста «Юрмаластрой», в Юрмалском горисполкоме и горкоме партии и что критика признана в основном правильной. На бюро Юрмалского ГК Компартии Латвии 22 октября 1979 года был рассмотрен вопрос «О неудовлетворительной работе треста по выполнению плана строительно-монтажных работ в 1979 году». Работа администрации, парткома и общественных организаций по мобилизации коллектива на выполнение плана была признана неудовлетворительной. Управляющий трестом Д. Силаев за необеспечение руководства, отсутствие должной требовательности к подчиненным, систематическое невыполнение государственного плана, за срыв ввода объектов ВЦСПС и других объектов, за допущенные приписки, искажения отчетности и обман государства от занимаемой должности освобожден.

Бюро горкома партии приняло решение просить Министерство строительства Латвийской ССР рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего использования в должности главного инженера Я. Фридрихсона, указало парткому на слабый контроль деятельности администрации, на неоправданное снижение требовательности к коммунистам-руководителям за выполнение должностных обязанностей на вверенном участке работы.

ПРОДОЛЖЕНИЕ «БЕССЛАВНОГО ЮБИЛЕЯ»

Министр строительства Латвийской ССР И. Улманис проинформировал редакцию: от занимаемой должности освобожден также начальник СУ-67 треста «Юрмаластрой» Э. Пуриньш. Далее в его письме были изложены меры, предпринимаемые для быстрейшего окончания возведения комплекса «Кемери»: «Министерство обязало другие тресты направить на объекты санатория «Кемери» необходимое количество рабочих»; «Учитывая сложившееся положение в тресте «Юрмаластрой», на ближайшей коллегии Минстроя будут рассмотрены мероприятия, направленные на усиление материально-технической базы этого треста и наращивания численности рабочих»; «Для закрепления кадров... до конца пятилетки намечается дополнительно ввести 4474 квадратных метра полезной площади в собственных жилых домах, около 4000 квадратных метров жилья в домах, построенных за счет заказчиков».

«Одновременно сообщаем,— писал далее министр,— что план строительно-монтажных работ за девять месяцев с. г. по санаторию «Кемери» выполнен на 103,3 процента (план 390 тысяч рублей, фактически — 403 тысячи)».

В общем, обещания были щедрыми и гарантии как будто тоже были даны. Однако редакция преднамеренно задержала опубликование этих ответов, так как в них чувствовалась явная несогласованность. В письме Юрмалского горкома партии сроки окончания строительства «Кемери» предусмотрительно и деликатно были обойдены. В то же время приводилась заведомо заниженная сумма предполагаемых ассигнований на 1980 год, всего 800 тысяч рублей, что совершенно недостаточно. Для сдачи первой очереди необходимо освоить намного более миллиона рублей строительно-монтажных работ. То есть заранее, по сути, с ведома горкома, сдача многострадального объекта, так нужного для лечения тысяч людей от тяжелых недугов, снова откладывалась...

В то же время министерство в своем письме заверяло: «В настоящее время ведется подготовка корпуса санатория «Кемери» к производству работ в зимних условиях с тем, чтобы в 1980 году обеспечить БЕЗУСЛОВНЫЙ ввод в эксплуатацию спального корпуса на 600 мест, клуба, столовой и инженерных сооружений»,— другими словами, всего того, что предусмотрено первой очередью комплекса.

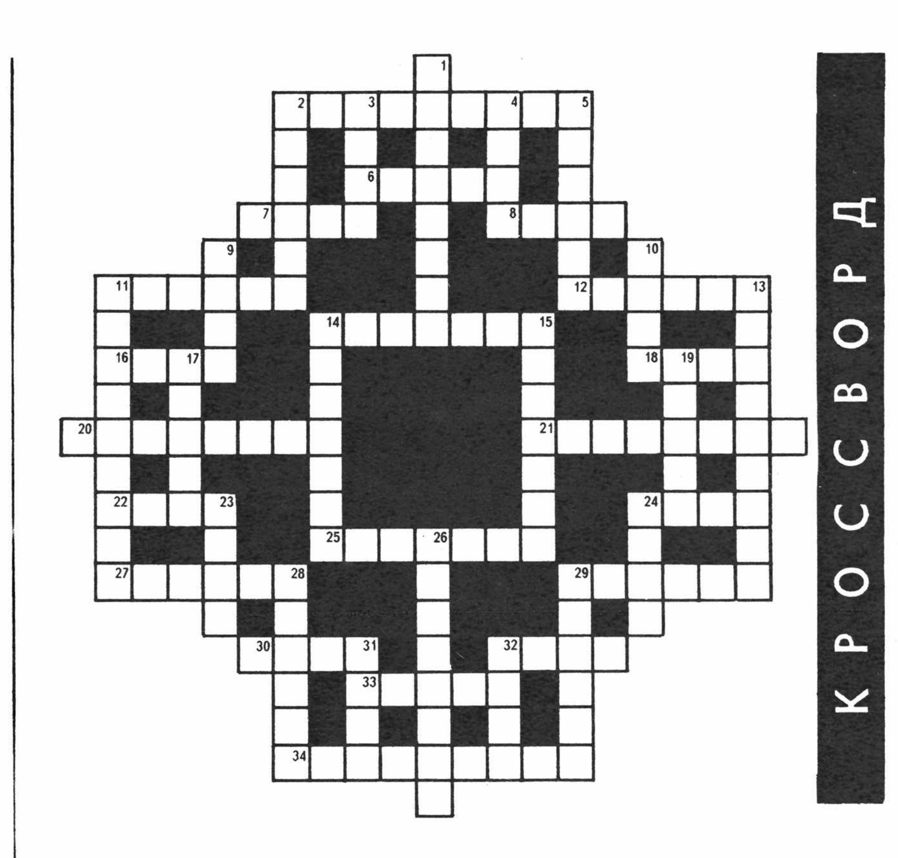
Тем не менее едва прошло два месяца со дня отправления тех самых писем, как министр И. Улманис попрал свои же обещания и свои слова: в телеграмме, пришедшей из Риги в Москву, в ВЦСПС, подписанной в том числе и им, говорится о том, что для ввода первой очереди санатория «Кемери» необходимы 1 миллион 300 тысяч рублей, в плане же Минстроя 600 тысяч рублей (заметим: уже 600 тысяч вместо 800 тысяч, о которых упоминалось в письме Юрмалского горкома партии.— Прим. ред.) и далее — что увеличение плана Минстроя нереально в связи с отсутствием мощностей треста «Юрмаластрой». Телеграмма заканчивалась слезной фразой: «Просим не включать ввод в 1980 году!»

Поистине: правая рука не знает, что делает левая!

Спрашивается: какими соображениями был продиктован ответ министра редакции? Что это — формальная отписка, вызванная желанием затушевать мрачные краски или незнание действительного положения дел, сложившихся в строительных организациях министерства?

А дела на комплексе «Кемери» такие, что, как говорится, хуже некуда. За два последних месяца прошлого года, хотя и был сделан рывок, строителям так и не удалось наверстать упущенное: план 1979 года был выполнен всего на 75 процентов. Вместо 574 тысяч рублей строительно-монтажных работ освоено на сумму 431 тысяча рублей. Как нам сообщили в ГлавУКСе ВЦСПС, печальны итоги и первого месяца 1980 года: в январе освоено строительно-монтажных работ только на 24 тысячи рублей. А надо бы по крайней мере в два раза больше даже при тех минимальных ассигнованиях, на которых настаивает министерство. Видимо, не учтены уроки предыдущих лет, по-прежнему происходит распыление людских и материальных ресурсов по множеству объектов, усугубляющее незавершенное строительство. Очевидно и другое: в Юрмале пока еще мало изменилось отношение отдельных руководителей к этой важнейшей профсоюзной стройке здоровья. Нет четкой сбалансированности и стабильности плана, не чувствуется горячего стремления повысить эффективность, качество и темпы работ — налицо все те недостатки, о которых говорилось на ноябрьском (1979 год) Пленуме ЦК КПСС.

КРОССВОРД



По горизонтали: 2. Старинный музыкальный инструмент. 6. Хромовая замша. 7. Период, ступень в развитии определенного явления. 8. Полудрагоценный камень. 11. Предмет для гимнастических упражнений. 12. Действующее лицо пьесы В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 14. Художник-передвижник, пейзажист. 16. Столица союзной республики. 18. Снимок на ленте кинофильма. 20. Плоская кривая. 21. Собственноручная надпись или подпись. 22. Порт в Алжире. 24. Жилище у некоторых кочевых народов. 25. Искусственный шелк. 27. Объявление о том, что все билеты на концерт, спектакль проданы. 29. Летчик, совершивший беспосадочный перелет Москва—Северный полюс—США. 30. Местный ветер на берегах морей, озер и рек. 32. Режущий инструмент. 33. Водоем. 34. Травянистое растение с темно-красными плодами.

По вертикали: 1. Остров в Индонезии. 2. Металлические латы. 3. Южное плодовое дерево или кустарник. 4. Природная минеральная краска. 5. Спортивное общество. 9. Свадебный наряд невесты. 10. Войсковая часть. 11. Музыкальное произведение с лирической мелодией. 13. Туркменский советский писатель. 14. Народный артист СССР, игравший на сцене МХАТа. 15. Река на Кольском полуострове. 17. Раздел книги, статьи. 19. Сооружение для хранения и обслуживания самолетов. 23. Герой оперы А. С. Аренского. 24. Особый вид комического. 26. Транспортер. 28. Рыба семейства карповых. 29. Сорт сухого печенья. 31. Автор романа «Чрево Парижа». 32. Лошадь низкорослой породы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 5. Стереотип. 7. Перигелий. 8. Окунь. 11. Патон. 12. Аудитория. 13. Украина. 15. Фактура. 17. Варенье. 20. Нефелин. 24. «Дачники». 26. Центнер. 28. Волгоград. 29. «Сампо». 30. Цехин. 31. Циклотрон. 32. Направник.

По вертикали: 1. Стыковка. 2. Гренада. 3. Деканат. 4. Киноварь. 6. Помидор. 7. Погодин. 9. Рукавишников. 10. Дифференциал. 14. «Игроки». 16. Коршун. 18. Евле. 19. Мандарин. 21. Флагман. 22. Леггорн. 23. Вершинин. 25. Ниппель. 27. Тасеева.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мастер боевой квалификации коммунист гвардии капитан Александр Зорин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ракета уходит к цели.

Фото Е. Удовиченко

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-21-13.

Сдано в набор 04.02.80. Подписано к печати 19.02.80. А 00319.
Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 523. Заказ № 1883.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

См. II стр. обложки

ПОД ФЛАГАМИ БЕЛОЙ ОЛИМПИАДЫ

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

С той торжественной минуты, когда на церемониале открытия XIII зимних Олимпийских игр прозвучала команда «Поднять все флаги!» и 37 разноцветных полотнищ — по числу стран-участниц — взвились на флагштоках, сердца любителей спорта живут волнующей борьбой, происходящей на снежных трассах и ледовых площадках Лейк-Плэсида, благородной спортивной борьбой олимпийцев, в которой даже побежденный удостаивается глубокого уважения, ибо олимпийский завет гласит: главное — не побеждать, а участвовать.

И вот старт 30-километровой гонки. Гонщики начали борьбу. С отрывом в 30 секунд врываются они на дистанцию. Ушел десятым Николай Бажуков, 19-м Евгений Беляев — золотой и серебряный призеры 15-километровой гонки на предыдущей Олимпиаде, а между ними и третьим нашим лыжником, Василием Рочевым, промелькнули все основные конкуренты: финн Юха Мието и американец Вильям Кох, завоевавший в Инсбруке второе место на 30 километрах, и финн Матти Питкянен, сильнейший норвежский ас Оддвар Бро, и Ларр-Эрик Эриксен, и знаменитый польский гонщик Лущек. А вот и Николай Зимятов на старте — долговязый, рост 181 сантиметр, а вес — только 70 килограммов. Помню, как удивил он нас всего четыре года назад своей победой под Москвой, в Красногорске, а затем и на чемпионате СССР. Незаурядный лыжный талант, но, как это ни странно, довольно слабый здоровьем, и его взлеты перемежаются исчезновением с лыжни. На последних соревнованиях в Лейк-Плэсиде в 1979 году Зимятов был вторым в гонке на 30 километров после норвежца Бро, а затем завоевал две золотые медали на чемпионате СССР.

Николай Зимятов был лидером гонки от начала до конца, никому не уступив этого почетного места, а попытка Вассберга ликвидировать разрыв привела к тому, что швед уступил не только второе место Василию Рочеву, но и третье — болгарину Ивану Лебанову.

Кто же мог ожидать такого исхода 30-километровой гонки? На пьедестале почета два советских лыжника и один болгарин и ни одного скандинава. Случай, совершенно невиданный в истории лыжного спорта. А герой Инсбрука американец Вильям Кох вообще не закончил гонку.

Неутомим на выдумку спортивный случай. Он кажется мне порой каким-то шаловливым снежным гномом, и предугадать его сюрпризы совершенно невозможно. Ну кто бы мог подумать, что такой остросюжетной сложится первая женская гонка — на 5 километров! Кто, казалось бы, мог противостоять нашей славной четверке, в которую входили Галина Кулакова, Нина Балдычева, Нина Рочева и, наконец, Раиса Сметанина? Вопрос, казалось бы, мог заключаться лишь в том, как они распределят между собой призовые медали. На деле получилось совсем не так. В призовой тройке после страшных треволнений мы увидели только одну Раису Сметанину. Финская гонщица Хилкки Риихвуори и чехословацкая Квета Ериова, а также лыжница из ГДР Барбара Петцольд отодвинули наших лыжниц.

Очень трудная сложилась ситуация во второй мужской гонке на 15 километров. Нашим лыжникам не удалось переспорить своих могучих соперников. На этот раз Томас Вассберг не упустил своего случая. Схватка за золотую медаль прошла между двумя бородачами: шведским и финским, Томасом Вассбергом и Юхой Миетой. Финн стоял первым на табло до того самого последнего момента, когда на финишную черту выскочил швед и на одну сотую секунды (невероятная ситуация в лыжном спорте!) побил его результат.

Так или иначе, но две первые золотые медали легли в нашу копилку. Мы можем гордиться своими гонщиками. Какие личности, какие характеры, какая волевая и физическая мощь! Огромный вклад они внесли в историю Олимпиад. И здесь, в Лейк-Плэсиде, к старой гвардии присоединяется молодежь. Вот перед нами один из героев Лейк-Плэсида — Анатолий Алябьев, гонщик особого рода: он должен не только быстро бегать, но и метко стрелять; называется такое комбинированное мастерство биатлоном. В прошлом наши биатлонисты не раз добивались многих славных побед, но в последние годы биатлонисты не раз огорчали нас. И победа молодого Алябьева, сына архангельского лесоруба,— большая и радостная победа. Когда-то наши олимпийские позиции на льду были сильны не меньше, чем на снегу. Было время, когда громко звучали имена таких скороходов, как Евгений Гришин, Борис Шилков, Виктор Косичкин. Но в последние годы конькобежцы стали отставать на всех дистанциях, кроме спринта. И как обрадовало нас успешное выступление в Лейк-Плэсиде Евгения Куликова, который на дистанции 500 метров завоевал серебряную медаль, уступив только американскому феномену Эрику Хайдену. Их забег был прекрасен. И право, серебряная медаль Куликова, как говорится, отсвечивает золотом. Зато медали Натальи Петрусевой не надо было отсвечивать, она была просто золотой. Выступая на дистанции 1000 метров в борьбе с американкой Л. Мюллер, она никому не оставила никаких шансов. А до этого Петрусева уже получила бронзовую медаль на дистанции 500 метров.

Успехи этих скороходов — результат упорной и напряженной работы, а какие результаты приносят упорство и труд, показывают успехи в том виде спорта, где еще недавно ни один советский спортсмен не котировался. Речь идет о санном спорте, и в первую очередь о славной представительнице этого дерзкого и одного из самых скоростных видов состязаний — Вере Зозуле, девушке из маленького латвийского городка Талсы.

В 1972 году советский саночник дебютировал на Белой Олимпиаде в Саппоро, и, как и следовало ожидать, без особых успехов. Сани требуют от спортсменов высокой выучки, безукоризненной реакции, отличной стойкости. И этими качествами прежде всего отличаются спортсмены ГДР, которые, как правило, и побеждали на всех крупных международных соревнованиях. И вот Вера Зозуля сумела завоевать первенство Европы, затем серебряную медаль на чемпионате мира и в 1978 году стала чемпионкой мира. Теперь к своей коллекции она прибавила еще один почетный спортивный трофей. Вера Зозуля стала лидером после первой попытки и удержала лидерство во всех следующих трех попытках, оставив на втором месте чемпионку мира 1979 года саночницу из ГДР Милитту Золман. Великолепны успехи бесстрашной латвийской девушки. Как жаль, что у нас мало знают об этом поистине захватывающем дух спорте!

Саночницам на каждом метре ледяного пространства грозит травма. Впрочем, в каком виде спорта спортсмен может себя застраховать от печальных случайностей? Где пролились первые слезы в Лейк-Плэсиде? На ледяном саночном желобе? На дистанции скоростного спуска? На лыжне?.. Нет, под крышей ледового дворца, на безопасной арене фигуристов. В телепрограмме США передавали несколько дней назад трагический сюжет: рыдающая американская фигуристка Тая Бабилония. На тренировке ее партнер Ранди Гарднер порвал мышцу ноги, и надежды этой блистательной пары победить Ирину Роднину и Александра Зайцева рассыпались в прах. Встречи этих двух сильнейших пар мира затаив дыхание ждали в Америке. Думаю, что и наши фигуристы искренне огорчились за Бабилонию и Гарднера, искусство которых они ставят очень высоко. Победа американской пары на чемпионате мира в США, где Роднина и Зайцев не участвовали, была очень красноречива. Трудно себе представить, как сложилась бы борьба в Лейк-Плэсиде, если бы она состоялась, но победа Родниной и Зайцева была исключительно горячо принята зрителями.

Вот и пришла пора сказать о людях, нас окружающих,— простых жителях Лейк-Плэсида и окрестных небольших городков и съехавшихся сюда из самых дальних мест. Они оказались гостеприимными хозяевами и бескорыстными любителями спорта, далекими от попыток использовать спорт как орудие политических махинаций и фактически погубить его. Яркая, по-спортивному одетая толпа торопится на олимпийскую арену, горячо приветствует победителей и вместе с ними стоит в длинной очереди на автобус.

Транспорт и жилье стали больным местом XIII Белой Олимпиады. Просто поражаешься той беспомощности, которую проявили организаторы Олимпийских игр. Кому же, как не американцам, знать, что для автобусов и для автомобилей нужны широкие дороги, что людей надо перебрасывать от одной арены к другой, доставлять в гостиницу. Все это затруднено в Лейк-Плэсиде. И уже поэтому Олимпиада в Лейк-Плэсиде по праву может получить титул неудобной.

А как было бы уместно, если бы те усилия, которые тратит вашингтонская администрация на срыв Московской Олимпиады, она использовала для налаживания жизни в Лейк-Плэсиде. Пока же городок похож на переполненный вагон, тот самый, о котором говорят, что он не резиновый. И все же, как только вагон покатился вперед, все потеснились, кое-как разместились, и оказалось, что и здесь действует наша русская поговорка — в тесноте, да не в обиде. Несмотря на все сложности, люди улыбаются друг другу, нам говорят: «Спасибо, что приехали». И на переполненных улицах американского городка начинаешь понимать, какую огромную добрую силу таит в себе спорт, как важно сохранить эту силу для людей. И атмосфера приветливости радует нас всех не меньше, чем наши большие спортивные успехи здесь, на олимпийских трассах Лейк-Плэсида.

ПО ТЕЛЕФОНУ.

Президент МОК лорд Килланин выступает на пресс-конференции.



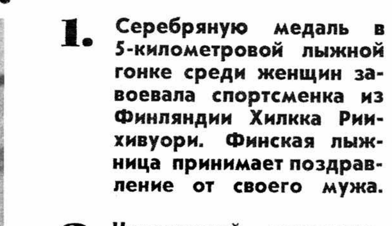


1.



2.

3.



1. Серебряную медаль в 5-километровой лыжной гонке среди женщин завоевала спортсменка из Финляндии Хилкка Риихивуори. Финская лыжница принимает поздравление от своего мужа.

2. Чемпионкой соревнований в скоростном беге на коньках на дистанции 1500 метров среди женщин стала спортсменка из Голландии А. Боркинк.

3. На льду советская танцевальная пара Н. Линичук и Г. Карпоносов.

4. Момент игры хоккеистов СССР и Голландии.

5. Победительница в санном спорте — чемпионка В. Зозуля (в центре), серебряный призер М. Зольман и бронзовый призер И. Амантова (справа).

6. Первым чемпионом Олимпиады стал лыжник из Подмосковья Николай Зимятов (слева). Он победил в 30-километровой гонке. Вторым на этой дистанции был Василий Рочев (справа).

Телефото АП—ТАСС, ЮПИ—ТАСС, А. БОЧИНИНА

4.



5.

6.


ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663